

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Джеймс
Джойс

УЛИСС

« И Н О С Т Р А Н К А »

Джеймс Джойс

Улисс

«Азбука-Аттикус»

1922

Джойс Д.

Улисс / Д. Джойс — «Азбука-Аттикус», 1922

ISBN 978-5-389-08737-8

Джеймс Джойс (1882–1941) – великий ирландский писатель, классик и одновременно разрушитель классики с ее канонами, человек, которому более, чем кому-либо, обязаны своим рождением новые литературные школы и направления XX века. Роман «Улисс» (1922) – главное произведение писателя, определившее пути развития искусства прозы и не раз признанное лучшим, значительнейшим романом за всю историю этого жанра. По замыслу автора, «Улисс» – рассказ об одном дне, прожитом одним обывателем из одного некрупного европейского городка, – вместил в себя всю литературу со всеми ее стилями и техниками письма и выразил все, что искусство способно сказать о человеке. Содержит нецензурную брань

ISBN 978-5-389-08737-8

© Джойс Д., 1922
© Азбука-Аттикус, 1922

Содержание

I. Телемахида	6
1. Телемак	6
2. Нестор	21
3. Протей	30
II. Странствия Улисса	41
4. Калипсо	41
5. Лотофаги	52
6. Аид	64
7. Эол	84
8. Лестригоны	109
9. Сцилла и Харибда	133
10. Блуждающие скалы	160
Конец ознакомительного фрагмента.	183
2	

Джеймс Джойс

Улисс

[1]

© В. Хинкис, С. Хоружий, перевод, 2000

© С. Хоружий, комментарии, 2007

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство Иностранка®

* * *

І. Телемахіда

1. Телемак

[2]

Сановитый^[3], жирный Бык Маллиган возник из лестничного проема, неся в руках чашку с пеной, на которой накрест лежали зеркальце и бритва. Желтый халат его, враспояску, слегка вздымался за ним на мягком утреннем ветерке. Он поднял чашку перед собою и возгласил^[4]:

– Introibo ad altare Dei¹.

Остановясь, он взгляделся вниз, в сумрак винтовой лестницы, и грубо крикнул:

– Выходи, Клинок! Выходи, иезуит несчастный!

Торжественно он проследовал вперед и взошел на круглую орудийную площадку^[5]. Обернувшись по сторонам, он с важностью троекратно благословил башню, окрестный берег и пробуждающиеся горы. Потом, увидев Стивена Дедала, наклонился к нему и начал быстро крестить воздух, булькая горлом и подергивая головой. Стивен Дедал, недовольный и заспанный, облокотясь на последнюю ступеньку, холодно смотрел на дергающееся булькающее лицо, что благословляло его, длинное как у лошади, и на бестонзурную шевелюру, белесую, словно окрашенную под светлый дуб.

Бык Маллиган заглянул под зеркальце и тут же опять прикрыл чашку.

– По казармам! – скомандовал он сурово.

И пастырским голосом продолжал:

– Ибо сие, о возлюбленные мои, есть истинная Христина, тело и кровь, печенки и селезенки. Музыка медленней, пожалуйста. Господа, закройте глаза. Минуту. Маленькая заминка, знаете, с белыми шариками. Всем помолчать.

Он устремил взгляд искоса вверх, издал долгий, протяжный призывный свист и замер, напряженно прислушиваясь. Белые ровные зубы кой-где поблескивали золотыми крупинками. Златоуст. Резкий ответный свист дважды прозвучал в тишине.

– Спасибо, старина, – живо откликнулся он. – Так будет чудненько. Можешь выключать ток!

Он соскочил с площадки и с важностью поглядел на своего зрителя, собирая у ног складки просторного халата. Жирное затененное лицо и тяжелый овальный подбородок напоминали средневекового прелата^[6], покровителя искусств. Довольная улыбка показалась у него на губах.

– Смех да и только, – сказал он весело. – Это нелепое твое имя, как у древнего грека.

Ткнув пальцем с дружелюбной насмешкой, он отошел к парапету, посмеиваясь. Стивен Дедал, поднявшись до конца лестницы, устало побрел за ним, но, не дойдя, уселся на край площадки и принялся наблюдать, как тот, пристроив на парапете зеркальце и обмакнув в пену помазок, намазывает шею и щеки.

Веселый голос Быка Маллигана не умолкал:

– У меня тоже нелепое – Мэйлахи Маллиган, два дактиля. Но тут звучит что-то эллинское, правда ведь? Что-то солнечное и резвое, как сам бычок. Мы непременно должны поехать в Афины. Поедешь, если я раздобуду у тетушки двадцать фунтов?

Он положил помазок и в полном восторге воскликнул:

– Это он-то поедет? Изнуренный иезуит.

¹ И подойду к жертвеннику Божию (лат.). – Здесь и далее прим. перев.

Оборвал себя и начал тщательно бриться.

– Послушай, Маллиган, – промолвил Стивен негромко.

– Да, моя радость?

– Долго еще Хейнс будет жить в башне?

Бык Маллиган явил над правым плечом свежевыбритую щеку.

– Кошмарная личность, а? – сказал он от души. – Этакий толстокожий сакс. Он считает, что ты не джентльмен. Эти мне гнусные англичане! Их так и пучит от денег и от запоров. Он, видите ли, из Оксфорда. А знаешь, Дедал, вот у тебя-то настоящий оксфордский стиль. Он все никак тебя не раскусит. Нет, лучшее тебе имя придумал я: Клинк, острый клинок.

Он выбривал с усердием подбородок.

– Всю ночь бредил про какую-то черную пантеру, – проговорил Стивен. – Где у него ружье?

– Совсем малый спятил, – сказал Маллиган. – А ты перетрусил не на шутку?

– Еще бы, – произнес Стивен с энергией и нарастающим страхом. – В крошечном мраке, с каким-то незнакомцем, который стонет и бредит, что надо застрелить пантеру. Ты спасал тонущих^[7]. Но я, знаешь ли, не герой. Если он тут останется, я ухожу.

Бык Маллиган глядел, насупясь, на бритву, покрытую мыльной пеной. Соскочив со своего возвышения, он торопливо стал рыться в карманах брюк.

– Драла! – пробормотал он сквозь зубы.

Вернувшись к площадке, он запустил руку в верхний карман Стивена и сказал:

– Позвольте одолжиться вашим сморкальником, вытереть нашу бритву.

Стивен покорно дал ему вытащить и развернуть напоказ, держа за угол, измятый и нечистый платок. Бык Маллиган аккуратно вытер лезвие. Вслед за этим, разглядывая платок, он объявил:

– Сморкальник барда. Новый оттенок в палитру ирландского стихотворца: сопливо-зеленый. Почти ощущаешь вкус, правда?

Он снова поднялся к парапету и бросил долгий взгляд на залив. Ветерок шевелил белокурую, под светлый дуб, шевелюру.

– Господи! – сказал он негромко. – Как верно названо море у Элджи: седая нежная мать^[8]! Сопливо-зеленое море. Яйцещемящее море. *Эпи ойнопа понтон*^[9]. Ах, эти греки, Дедал. Надо мне тебя обучить. Ты должен прочесть их в подлиннике. *Талатта! Талатта!*^[10] Наша великая и нежная мать. Иди сюда и взгляни.

Стивен встал и подошел к парапету. Перегнувшись, он посмотрел вниз на воду и на почтовый пароход, выходящий из гавани Кингстауна.

– Наша могущественная мать, – произнес Бык Маллиган.

Внезапно он отвел взгляд от моря и большими пытливыми глазами посмотрел Стивену в лицо.

– Моя тетка считает, ты убил свою мать^[11], – сказал он. – Поэтому она бы мне вообще запретила с тобой встречаться.

– Кто-то ее убил, – сумрачно бросил Стивен.

– Черт побери, Клинк, уж на колени ты бы мог стать, если умирающая мать просит, – сказал Бык Маллиган. – Я сам гипербореец^[12] не хуже тебя. Но это ж подумать только, мать с последним вздохом умоляет стать на колени^[13], помолиться за нее – и ты отказываешься. Нет, что-то в тебе злое^[14]...

Оборвал себя и начал намыливать другую щеку. Всепрощающая улыбка тронула его губы.

² По винноцветному морю (*греч.*).

³ Море! Море! (*греч.*)

– Но бесподобный комедиант! – шепнул он тихонько. – Клинк, бесподобнейший из комедиантов.

Он брился плавно и осмотрительно, в истовом молчании.

Стивен, поставив локоть на шершавый гранит, подперев лоб ладонью, неподвижно смотрел на обтерханные края своего черного лоснистого рукава. Боль, что не была еще болью любви, саднила сердце его. Во сне, безмолвно, она явилась ему после смерти, ее иссохшее тело в темных погребальных одеждах окружал запах воска и розового дерева, а дыхание, когда она с немым укором склонилась над ним, веяло сыростью могильного тлена. Поверх ветхой манжеты он видел море, которое сытый голос перевозносил как великую и нежную мать. Кольцо залива и горизонта заполняла тускло-зеленая влага. Белый фарфоровый сосуд у ее смертного одра заполняла тягучая зеленая желчь, которую она с громкими стонами извергала из своей гниющей печени в приступах мучительной рвоты.

Бык Маллиган заново обтер бритву.

– Эх, пес-бедолага! – с участием вздохнул он. – Надо бы выдать тебе рубашку да хоть пару сморкальников. А как те штаны, что купили с рук?

– Как будто впору, – отвечал Стивен.

Бык Маллиган атаковал ложбинку под нижней губой.

– Смех да и только, – произнес он довольно. – Верней будет, с ног. Дознайся, какая там пьянь заразная таскала их. У меня есть отличная пара, серые, в узкую полоску. Ты бы в них выглядел потрясающе. Нет, кроме шуток, Клинк. Ты очень недурно смотришься, когда прилично одет.^[15]

– Спасибо, – ответил Стивен. – Если они серые, я их не могу носить.

– Он их не может носить, – сказал Бык Маллиган своему отражению в зеркале. – Этикет значит этикет. Он мать родную убил, но серые брюки ни за что не наденет.

Он сложил аккуратно бритву и легкими касаньями пальцев ощупал гладкую кожу.

Стивен перевел взгляд с залива на жирное лицо с мутно-голубыми бегающими глазами^[16].

– Этот малый, с кем я сидел в «Корабле» прошлый вечер, – сказал Бык Маллиган, – уверяет, у тебя п. п. с. Он в желтом доме работает у Конолли Нормана. Прогрессивный паралич со слабоумием.

Он описал зеркальцем полукруг, повсюду просверкав эту весть солнечными лучами, уже сияющими над морем. Изогнутые бритые губы, кончики блестящих белых зубов смеялись. Смех овладел всем его сильным и ладным телом.

– На, полюбуйся-ка на себя, горе-бард! – сказал он.

Стивен наклонился и глянул в подставленное зеркало, расколотое кривой трещиной. Волосы дыбом. Так взор его и прочих видит меня^[17]. Кто мне выбрал это лицо? Эту паршивую шкуру пса-бедолаги? Оно тоже спрашивает меня.

– Я его стянул у служанки из комнаты, – поведал Бык Маллиган. – Ей в самый раз такое. Тетушка ради Мэйлахи всегда нанимает неказистых. Не введи его во искушение. И зовут-то Урсолой^[18].

Снова залившись смехом, он убрал зеркальце из-под упорного взгляда Стивена.

– Ярость Калибана^[19], не видящего в зеркале своего отражения, – изрек он. – Как жалко, Уайльд не дожил на тебя поглядеть!

Отступив и показывая на зеркало, Стивен с горечью произнес:

– Вот символ ирландского искусства. Треснувшее зеркало^[20] служанки.

Неожиданно и порывисто Бык Маллиган подхватил Стивена под руку и зашагал с ним вокруг башни, позвякивая бритвой и зеркальцем, засунутыми в карман.

– Грех тебя так дразнить, правда, Клинк? – сказал он дружески. – Видит Бог, в голове у тебя побольше, чем у них всех.

Еще выпад отбит. Скальпель художника страшит его, как меня докторский. Хладная сталь пера.

– Треснувшее зеркало служанки! Ты это скажи тому олуху из Оксфорда да вытяни из него гиню. Он весь провонял деньгами и считает, что ты не джентльмен. А у самого папаша набил мощну, сбывая негритосам слабительное, а может, еще на каких делишках. Эх, Клинк, если бы мы с тобой действовали сообща, уж мы бы кое-что сделали для нашего острова. Элли-низировали^[21] бы его.

Рука Крэнли. Его рука.^[22]

– И подумать только, ты вынужден побираться у этих свиней. Я один-единственный понимаю, что ты за человек. Почему ж ты так мало мне доверяешь? Из-за чего все воротишь нос? Из-за Хейнса? Да пусть только пикнет, я притащу Сеймура, и мы ему закатим трепку еще похлеще, чем досталась Клайву Кемпторпу.

Крики юных богатеньких голосов в квартире Клайва Кемпторпа. Бледнолицые: держатся за бока от хохота, хватаются друг за друга, ох, умора! Обри, бережно весть эту ей передай! Сейчас помру! В изрезанной рубашке, вьющейся лентами по воздуху, в съехавших до полу штанах, он, спотыкаясь, скачет вокруг стола, а за ним – Эйдс из Магдалины с портновскими ножницами. Мордочка ошалелого теленка, позолоченная вареньем. Не надо, не сдирайте штаны! Не набрасывайтесь на меня, как бешеные!^[23]

Крики из распахнутого окна вспугивают вечер во дворе колледжа. Глухой садовник в фартуке, замаскированный лицом Мэтью Арнольда, продвигается по темному газону с косилкой, вглядываясь в танцующий рой травинок.

Нам самим... новое язычество... омфал⁴.^[24]

– Ладно, пусть остается, – сказал Стивен. – Так-то он ничего, только по ночам.

– Тогда в чем же дело? – наседал Бык Маллиган. – Давай рожай. Я-то ведь напрямик с тобой. Что у тебя такое против меня?

Они остановились, глядя туда, где тупая оконечность мыса Брэй-Хед покоилась на воде, словно голова спящего кита. Стивен осторожно высвободил руку.

– Ты хочешь, чтобы я сказал тебе? – спросил он.

– Да, в чем там дело? – повторил Бык Маллиган. – Я ничего не припоминаю.

Говоря это, он в упор посмотрел на Стивена. Легкий ветерок пробежал по его лицу, вороша светлую спутанную шевелюру и зажигая в глазах серебряные искорки беспокойства.

Стивен, удручаясь собственным голосом, сказал:

– Ты помнишь, как я пришел к тебе домой в первый раз после смерти матери?

Бык Маллиган, мгновенно нахмурившись, произнес:

– Что-что? Где? Убей, не могу припомнить. Я запоминаю только идеи и ощущения^[25]. Ну и что? Чего тамстряслось, Бога ради?

– Ты готовил чай, – продолжал Стивен, – а я пошел на кухню за кипятком. Из комнат вышла твоя мать и с ней кто-то из гостей. Она спросила, кто у тебя.

– Ну? – не отступал Бык Маллиган. – А я что сказал? Я уже все забыл.

– А ты сказал, – ответил Стивен ему, – «Да так, просто Дедал, у которого мамаша подохла»^[26].

Бык Маллиган покраснел и стал казаться от этого моложе и привлекательней.

– Я так сказал? – переспросил он. – И что же? Что тут такого?

Нервным движением он стряхнул свое замешательство.

– А что, по-твоему, смерть, – спросил он, – твоей матери, или твоя, или, положим, моя? Ты видел только, как умирает твоя мать. А я каждый день вижу, как они отдают концы и в Ричмонде, и в Скорбящей, да после их крошат на потроха в анатомичке. Это и называется

⁴ Пуп; пуп земли (*греч.*).

подох, ничего больше. И не о чем говорить. Ты вот не соизволил стать на колени и помолиться за свою мать, когда она просила тебя на смертном одре. А почему? Да потому, что в тебе эта проклятая иезуитская закваска^[27], только она проявляется наоборот. По мне, тут одна падаль и пустая комедия. Ее лобные доли уже не действуют. Она называет доктора «сэр Питер Тизл»^[28] и хочет нарвать лютиков с одеяла. Уж не перечь ей, вот-вот все кончится. Ты сам не исполнил ее предсмертную просьбу, а теперь дуешься на меня, что я не скулил, как наемный плакальщик от Лалуэтта. Абсурд! Допустим, я и сказал так. Но я вовсе не хотел оскорбить память твоей матери.

Его речь вернула ему самоуверенность. Стивен, скрывая зияющие раны, оставленные словами в его сердце, как можно суше сказал:

– Я и не говорю, что это оскорбляет мою мать.

– Так что же тогда? – спросил Бык Маллиган.

– Это оскорбляет меня, – был ответ.

Бык Маллиган круто повернулся на каблуках.

– Нет, невозможный субъект! – воскликнул он.

И пошел прочь быстрым шагом вдоль парапета. Стивен остался на месте, недвижно глядя на мыс и на спокойную гладь залива. Море и мыс сейчас подернулись дымкой. В висках стучала кровь, застилая взор, и он чувствовал, как лихорадочно горят его щеки.

Громкий голос позвал снизу, из башни:

– Маллиган, вы где, наверху?

– Сейчас иду, – откликнулся Бык Маллиган.

Он обернулся к Стивену и сказал:

– Взгляни на море. Что ему до всех оскорблений? Бросай-ка лучше Лойолу, Клинк, и двигаем вниз. Наш сакс поджидает уже свой бекон.

Голова его задержалась на миг над лестницей, вровень с крышей.

– И не хандри из-за этого целый день. У меня же семь пятниц на неделе. Оставь скорбные думы.

Голова скрылась, но мерный голос продолжал, опускаясь, доноситься из лестничного проема:

Не прячь глаза и не скорби
Над горькой тайною любви,
Там Фергус правит в полный рост,
Владыка медных колесниц.^[29]

В мирном спокойствии утра тени лесов неслышно проплывали от лестничного проема к морю, туда, куда он глядел. У берега и мористей водная гладь белела следами стремительных легких стоп. Морской волны белеет грудь. Попарные сплетения ударений. Рука, перебирающая струны арфы, рождает сплетения аккордов. Слитносплетенных словес словно волн белогрудых мерцанье.

Облако медленно наползает на солнце, и гуще делается в тени зелень залива. Он был за спиной у него, сосуд горьких вод^[30]. Песня Фергуса. Я пел ее, оставшись дома один, приглушая долгие сумрачные аккорды. Дверь к ней была открыта: она хотела слышать меня. Безмолвно, с жалостью и благоговением, я приблизился к ее ложу. Она плакала на своем убогом одре. Над этими словами, Стивен: над горькой тайною любви.

Где же теперь?

Ее секреты в запертом ящичке: старые веера из перьев, бальные книжечки с бахромой, пропитанные мускусом, убор из янтарных бус. Когда она была девочкой, у ее окошка висела на

солнце клетка с птицей. Она видела старика Ройса в представлении «Свирепый турка» и вместе со всеми смеялась, когда он распевал:

Открою вам,
Что рад бы сам
Я невидимкой стать.

Мимолетные радости, заботливо сложенные, надушенные мускусом.

Не прячь глаза и не скорби.

Сложены в памяти природы^[31], вместе с ее детскими игрушками. Скорбные воспоминания осаждают его разум. стакан воды из крана на кухне, когда она собиралась к причастию. Яблоко с сахаром внутри, испеченное для нее на плите в темный осенний вечер. Ее изящные ногти, окрашенные кровью вшей с детских рубашонок.

Во сне, безмолвно, она явилась ему, ее иссохшее тело в темных погребальных одеждах окружал запах воска и розового дерева, ее дыхание, когда она склонилась над ним с неслышными тайными словами, веяло сыростью могильного тлена^[32].

Ее стекленеющие глаза уставились из глубин смерти, поколебать и сломить мою душу. На меня одного. Призрачная свеча освещает ее агонию. Призрачные блики на искаженном мукой лице. Громко раздается ее дыхание, хриплое, прерывающееся от ужаса, и, став на колени, все молятся. Взгляд ее на мне, повергнуть меня. *Liliata rutilantium te confessorum turma circumdet: iubilantium te virginum chorus excipiat*⁵.

Упырь! Трупоед!^[33]

Нет, мать. Отпусти меня. Дай мне жить.

– Эгей, Клинк!

Голос Быка Маллигана раздался певуче в глубине башни, приблизился, долетев от лестницы, позвал снова. Стивен, еще содрогаюсь от вопля своей души, услышал теплый, щедрый солнечный свет и в воздухе за своей спиной дружеские слова.

– Будь паинькой, спускайся, Дедал. Завтрак готов. Хейнс извиняется за то, что мешал нам спать. Все улажено.

– Иду, – сказал Стивен оборачиваясь.

– Давай, Христа ради, – говорил Маллиган. – И ради меня, и ради всеобщего блага.

Его голова нырнула и вынырнула.

– Я ему передал про твой символ ирландского искусства. Говорит, очень остроумно. Вытяни из него фунт, идет? То бишь гинею.

– Мне заплатят сегодня, – сказал Стивен.

– В школьной шарашке? – осведомился Маллиган. – А сколько? Четыре фунта? Одолжи нам один.

– Как угодно, – отвечал Стивен.

– Четыре сверкающих соверена! – вскричал с восторгом Бык Маллиган. – Устроим роскошный выпивон на зависть всем раздруидам. Четыре всемогущих соверена.

Воздев руки, он затопал по каменным ступеням вниз, фальшиво распевая с лондонским простонародным акцентом:

Веселье будет допоздна,

⁵ Да окружит тебя лилиями венчанный сонм сияющих исповедников веры, и хор ликующих дев да возрадуется тебе (*лат.*; из католической молитвы за умирающих).

Мы хлопнем виски и вина,
В день Коронации
Мы славно покутим!
Веселье будет допоздна,
И все мы покутим!

Лучи солнца веселились над морем. Забытая никелевая чашка для бритвы поблескивала на парапете. Почему я должен ее относить? Может, оставить тут на весь день, памятником забытой дружбе?

Он подошел к ней, подержал с минуту в руках, осязая ее прохладу, чувствуя запах липкой пены с торчащим в ней помазком. Так прежде я носил кадило в Клонгоузе. Сейчас я другой и все-таки еще тот же. Опять слуга. Прислужник слуги^[34].

В мрачном сводчатом помещении внутри башни фигура в халате бодро сновала у очага, то скрывая, то открывая желтое его пламя. Мягкий дневной свет падал двумя снопами через высокие оконца на вымощенный плитами пол, и там, где снопы встречались, плыло, медленно вращаясь, облако дыма от горящего угля и горелого жира.

– Этак мы задохнемся, – заметил Бык Маллиган. – Хейнс, вы не откроете дверь?

Стивен поставил бритвенную чашку на шкафчик. Долговязый человек, сидевший на подвесной койке, направился к порогу и открыл внутреннюю дверь.

– А у вас есть ключ? – спросил голос.

– Ключ у Дедала, – отозвался Бык Маллиган. – Черти лохматые, я уже задыхаюсь!

Не отрывая взгляда от очага, он взревел:

– Клинк!

– Ключ в скважине, – сказал Стивен, подходя ближе.

Ключ с резким скрежетом дважды повернулся в замке, и тяжелая наружная дверь впустила долгожданный свет и воздух. Хейнс остановился в дверях, глядя наружу. Стивен придвинул к столу свой чемодан, поставив его торчком, и уселся ждать. Бык Маллиган шваркнул жарено на блюдо рядом с собой. Потом отнес блюдо и большой чайник к столу, поставил и вздохнул с облегчением.

– Ах, я вся таю, – произнес он, – как сказала свечка, когда... Но – тсс! Про это не будем. Клинк, проснись! Подавай хлеб, масло, мед. Присоединяйтесь, Хейнс. Кормежка готова. Благослови, Господи, нас и эти дары твои. Черт побери, молока нет!

Стивен достал из шкафчика масленку, хлеб и горшочек с медом. Бык Маллиган, усевшись, вскипел внезапным негодованием.

– Что за бардак? – возмутился он. – Я ж ей сказал – прийти в начале девятого.

– Можно и без молока обойтись, – сказал Стивен. – В шкафчике есть лимон.

– Да пошел ты со своими парижскими замашками! – отвечал Бык Маллиган. – Я хочу молочка из Сэндикоува.

Хейнс, направляясь к ним от дверей, сообщил:

– Идет ваша молочница с молоком.

– Благодарь Божия! – воскликнул Бык Маллиган, вскакивая со стула. – Присаживайтесь. Наливайте чай. Сахар в пакете. А с треклятой яичницей я больше не желаю возиться.

Он кое-как раскромсал жарено на блюде и раскидал его по трем тарелкам, приговаривая:

– In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti⁶.

Хейнс сел и принялся разливать чай.

– Кладу всем по два куска, – сказал он. – Слушайте, Маллиган, какой вы крепкий завариваете!

⁶ Во имя Отца и Сына и Святого Духа (лат.).

Бык Маллиган, нарезаю хлеб щедрыми ломтями, замурлыкал умильным старушечьим голоском:

– Как надоть мне чай заваривать, уж я так заварю, говаривала матушка Гроган^[35]. А надоть нужду справлять, уж так справлю.

– Боже правый, вот это чай, – сказал Хейнс.

Бык Маллиган, нарезаю хлеб, так же умильно продолжал:

– *Уж такой мой обычай, миссис Кахилл*, это она говорит. А миссис Кахилл на это: *Ахти, сударыня, только упаси вас Господи делать оба дела в одну посудину*.

На кончике ножа он протянул каждому из сотрапезников по толстому ломтю хлеба.

– Это же фольклор, – сказал он очень серьезно, – это для вашей книги, Хейнс. Пять строчек текста и десять страниц комментариев насчет фольклора и рыбообразных божеств Дандрама. Издано сестрами-колдуньями в год великого урагана.^[36]

Он обернулся к Стивену и, подняв брови, спросил его с крайней заинтересованностью:

– Не можете ли напомнить, коллега, где говорится про посудину матушки Гроган, в «Мабиногионе» или в Упанишадах?^[37]

– Отнюдь не уверен, – солидно отвечал Стивен.

– В самом деле? – продолжал Бык Маллиган прежним тоном. – А отчего же, будьте любезны?

– Мне думается, – сказал Стивен, не прерывая еды, – этого не найти ни в «Мабиногионе», ни за его пределами. Матушка Гроган, по всей вероятности, состоит в родстве с Мэри Энн.

Бык Маллиган расплылся от удовольствия.

– Прелестно! – произнес он сюсюкающим и слащавым голосом, показывая белые зубы и жмурясь довольно. – Вы так полагаете? Совершенно прелестно!

Затем, вдруг нарочито нахмурясь, он хрипло, скрипуче зарычал, рьяно нарезаю новые ломти:

На старуху Мэри Энн
Ей плевать с высоких стен,
Но, задравши свой подол...

Набив рот яичницей, он жевал и мычал.

В дверях, заслоняя свет, появилась фигура женщины.

– Молоко, сэр!

– Заходите, сударыня, – сказал Маллиган. – Клинк, подай-ка кувшин.

Старушка вошла и остановилась около Стивена.

– Славное утречко, сэр, – сказала она. – Слава Богу.

– Кому-кому? – спросил Маллиган, поглядев на нее. – Ах да, конечно!

Стивен, протянув руку за спину, достал из шкафчика молочный кувшин.

– Наши островитяне, – заметил Маллиган Хейнсу как бы вскользь, – нередко поминают сборщика крайней плоти^[38].

– Сколько, сэр? – спросила старушка.

– Одну квартиру, – ответил Стивен.

Он смотрел, как она наливает в мерку, а оттуда в кувшин, густое белое молоко, не свое. Старые сморщенные груди. Она налила еще мерку с избытком. Древняя и таинственная, она явилась из утреннего мира, быть может, вестницей. Наливая молоко, она расхваливала его. В сочных лугах, чуть свет, она уже доила, сидя на корточках, ведьма на поганке, скрюченные пальцы проворны у набухшего вымени. Мычанием встречала ее привычный приход скотинка, шелковая от росы. Бедная старушка, шелковая коровка^[39] – такие прозвища давались ей в старину. Старуха-странница, низший род бессмертных, служащая своему захватчику и своему

беззаботному обманщику, познавшая измену обоих, вестница тайны утра. Служить или укорять, он не знал; однако гнушался заискивать перед нею.

– И впрямь прекрасное, сударыня, – согласился Бык Маллиган, наливая им в чашки молоко.

– Вы, сэр, отведайте, – сказала она.

Уступая ей, он сделал глоток.

– Если бы все мы могли питаться такой вот здоровой пищей, – объявил он звучно, – в этой стране не было бы столько гнилых зубов и гнилых кишок. А то живем в болоте, едим дешевую дрянь, а улицы вымощены навозом, пылью и чахоточными плевками.

– А вы, сэр, на доктора учитесь? – спросила старушка.

– Да, сударыня, – ответил Бык Маллиган.

Стивен слушал, храня презрительное молчание. Она покорно внимает зычному голосу своего костоправа и врачевателя, меня она знать не знает. Голосу, который отпустит ей грехи и помажет для погребения ее тело, кроме женских нечистых чресл^[40], сотворенное из плоти мужской не по подобию Божию, в добычу змею. И тому голосу, что сейчас заставляет ее умолкнуть, с удивлением озираясь.

– Вы понимаете, что он говорит? – осведомился у нее Стивен.

– Это вы по-французски, сэр? – спросила старушка Хейнса.

Хейнс с апломбом обратился к ней новую тираду, еще длинней.

– Это по-ирландски, – объяснил Бык Маллиган. – Вы гэльский знаете?

– Я так и думала по звуку, это ирландский, – сказала она. – А вы не с запада^[41], сэр?

– Я англичанин, – ответил Хейнс.

– Он англичанин, – повторил Бык Маллиган, – и он считает, в Ирландии надо говорить по-ирландски.

– Нет спору, надо, – сказала старушка, – мне и самой стыд, что не умею на нашем языке. А люди умные говорят, язык-то великий.

– Великий – это не то слово, – заявил Бык Маллиган. – Он абсолютно великолепен. Плесни нам еще чайку, Клинк. Не хотите ли чашечку, сударыня?

– Нет, сэр, спасибо, – отвечала старушка, повесив на руку бидон и собираясь идти.

Хейнс обратился к ней:

– А счет у вас есть? Маллиган, надо бы заплатить, верно?

Стивен снова наполнил чашки.

– Счет, сэр? – неуверенно переспросила она. – Это значит, семь дней по пинте по два пенса это семь раз по два это шиллинг два пенса да эти три дня по кварте по четыре пенса будет три кварталы это выходит шиллинг да там один и два всего два и два, сэр.

Бык Маллиган вздохнул и, отправив в рот горбушку, густо намазанную маслом с обеих сторон, вытянул вперед ноги и начал рыться в карманах.

– Платить подобает с любезным видом, – сказал улыбаясь Хейнс.

Стивен налил третью чашку, слегка закрасив ложечкой чая густое, жирное молоко. Бык Маллиган выудил из кармана флорин и, повертев его в пальцах, воскликнул:

– О, чудо!

Он пододвинул флорин по столу к старушке, приговаривая:

– Радость моя, для тебя все, что имею, отдам.

Стивен вложил монету в ее нежадную руку.

– За нами еще два пенса, – заметил он.

– Это не к спеху, сэр, – уверяла она, убирая монету. – Совсем не к спеху. Всего вам доброго, сэр.

Поклонившись, она ушла, напутствуемая нежным речитативом Быка Маллигана:

Я бы с восторгом весь мир
К милым повергнул стопам.^[42]

Он обернулся к Стивену и сказал:

– Seriously, Deed. Я совсем на мели. Беги в свою школьную шарашку да принеси оттуда малость деньжонок. Сегодня бардам положено пить и пировать. Ирландия ожидает^[43], что в этот день каждый выполнит свой долг.

– Что до меня, – заметил Хейнс, поднимаясь, – то я должен сегодня посетить вашу Национальную библиотеку.

– Сперва поплавать, – заявил Бык Маллиган.

Он обернулся к Стивену и самым учтивым тоном спросил:

– Не сегодня ли, Клинк, день твоего ежемесячного омовения?

И пояснил, обращаясь к Хейнсу:

– Оный нечистый бард имеет правило мыться один раз в месяц.

– Всю Ирландию омывает Гольфстрим, – промолвил Стивен, поливая хлеб стружкой меда.

Хейнс отозвался из угла, легким узлом повязывая шейный платок под открытым воротом спортивной рубашки:

– Я буду собирать ваши изречения, если вы позволите.

Обращено ко мне. Они моются, банятся, оттираются. Жагала сраму^[44]. Совесть. А пятно^[45] все на месте.

– Это отлично сказано, что треснувшее зеркало служанки – символ ирландского искусства.

Бык Маллиган, толкнув Стивена ногой под столом, задушевно пообещал:

– Погодите, Хейнс, вот вы еще слушаете его о Гамлете.

– Нет, я в самом деле намерен, – продолжал Хейнс, обращаясь к Стивену. – Я как раз думал на эту тему, когда пришло это ветхое создание.

– А я что-нибудь заработаю на этом? – спросил Стивен.

Хейнс рассмеялся и сказал, снимая мягкую серую шляпу с крюка, на котором была повешена койка:

– Чего не знаю, того не знаю.

Неторопливо он направился к двери. Бык Маллиган перегнулся к Стивену и грубо, с нажимом прошипел:

– Не можешь без своих штучек. Для чего ты это ему?

– А что? – возразил Стивен. – Задача – раздобыть денег. У кого? У него или у молочницы.

По-моему, орел или решка.

– Я про тебя ему уши прожужжал, – не отставал Бык Маллиган, – а тут извольте, ты со своим вшивым злопамятством да замогильными иезуитскими шуточками.

– У меня нет особой надежды, – заметил Стивен, – как на него, так и на нее.

Бык Маллиган трагически вздохнул и положил руку Стивену на плечо.

– Лишь на меня, Клинк, – произнес он.

И совсем другим голосом добавил:

– Честно признаться, я и сам считаю, ты прав. На хрена они, кроме этого, сдались. Чего ты их не морочишь, как я? Пошли они все к ляду. Надо выбираться из этого бардака.

Он встал, важно распустил пояс и совлек с себя свой халат, произнося отрешенным тоном:

– И был Маллиган разоблачен от одежд его.

Содержимое карманов он выложил на стол со словами:

– Вот тебе твой соплюшник.

И, надевая жесткий воротничок и строптивый галстук, стыдил их и укорял, а с ними и запутавшуюся часовую цепочку. Руки его, нырнув в чемодан, шарили там, покуда он требовал себе чистый носовой платок. Жагала сраму. Клянусь Богом, мы же обязаны держаться в образе. Желая бордовые перчатки и зеленые башмаки. Противоречие. Я противоречу^[46] себе? Ну что же, значит, я противоречу себе. Ветреник Малахия. Его говорливые руки метнули мягкий черный снаряд.

– И вот твоя шляпа, в стиле Латинского квартала.

Стивен поймал ее и надел на голову. Хейнс окликнул их от дверей:

– Друзья, вы двигаетесь?

– Я готов, – отозвался Бык Маллиган, идя к двери. – Пошли, Клинк. Кажется, ты уже все доел после нас.

Отрешенный и важный, проследовал он к порогу, не без прискоробия сообщая:

– И, пойдя вон, плюхнулся с горки^[47].

Стивен, взяв ясеневую тросточку, стоявшую у стены, тронулся за ним следом. Выйдя на лестницу, он притянул неподатливую стальную дверь и запер ее. Гигантский ключ сунул во внутренний карман.

У подножия лестницы Бык Маллиган спросил:

– А ты ключ взял?

– Да, он у меня, – отвечал Стивен, перегоняя их.

Он шел вперед. За спиной у себя он слышал, как Бык Маллиган сбивает тяжелым купальным полотенцем верхушки папоротников или трав.

– Кланяйтесь, сэр. Да как вы смеете, сэр.

Хейнс спросил:

– А вы платите аренду за башню?

– Двенадцать фунтов, – ответил Бык Маллиган.

– Военному министру, – добавил Стивен через плечо.

Они приостановились, покуда Хейнс разглядывал башню. Потом он заметил:

– Зимой унылое зрелище, надо думать. Как она называется, Мартелло?

– Их выстроили по указанию Билли Питта^[48], – сказал Бык Маллиган, – когда с моря угрожали французы. Но наша – это омфал.

– И какие же у вас идеи о Гамлете? – спросил у Стивена Хейнс.

– О нет! – воскликнул страдальчески Бык Маллиган. – Я этого не выдержу, я вам не Фома Аквинат, измысливший пятьдесят пять причин. Дайте мне сперва принять пару кружек.

Он обернулся к Стивену, аккуратно одергивая лимонный жилет:

– Тебе ж самому для такого надо не меньше трех, правда, Клинк?

– Это уж столько ждет, – ответил тот равнодушно, – может и еще подождать.

– Вы разжигаете мое любопытство, – любезно заметил Хейнс. – Тут какой-нибудь парадокс?

– Фу! – сказал Маллиган. – Мы уже переросли Уайльда и парадоксы. Все очень просто. Он с помощью алгебры доказывает, что внук Гамлета – дедушка Шекспира, а сам он призрак собственного отца.

– Как-как? – переспросил Хейнс, показывая было на Стивена. – Вот он сам?

Бык Маллиган накиннул полотенце на шею наподобие столы патера и, корчась от смеха, шепнул на ухо Стивену:

– О, тень Клинка-старшего! Иафет в поисках отца^[49]!

– Мы по утрам усталые, – сказал Стивен Хейнсу. – А это довольно долго рассказывать.

Бык Маллиган, снова зашагавший вперед, воздел руки к небу.

– Только священная кружка способна развязать Дедалу язык, – объявил он.

– Я хочу сказать, – Хейнс принялся объяснять Стивену на ходу, – эта башня и эти скалы мне чем-то напоминают Эльсинор. «Выступ утеса^[50] грозного, нависшего над морем», не так ли?

Бык Маллиган на миг неожиданно обернулся к Стивену, но ничего не сказал. В этот сверкнувший безмолвный миг Стивен словно увидел свой облик, в пыльном дешевом трауре, рядом с их яркими одеяниями.

– Это удивительная история, – сказал Хейнс, опять останавливая их.

Глаза, светлые, как море под свежим ветром, еще светлей, твердые и сторожкие. Правитель морей, он смотрел на юг, через пустынный залив, где лишь маячил смутно на горизонте дымный плюмаж далекого пакетбота да парусник лавировал у банки Маглинс.

– Я где-то читал богословское истолкование, – произнес он в задумчивости. – Идея Отца и Сына. Сын, стремящийся к воссоединению с Отцом.

Бык Маллиган немедля изобразил ликующую физиономию с ухмылкой до ушей. Он поглядел на них, блаженно разинув красивый рот, и глаза его, в которых он тут же пригасил всякую мысль, моргали с полоумным весельем. Он помотал туда-сюда болтающейся башкой болванчика, трясая полями круглой панамы, и запел дурашливым, бездумно веселым голосом:

Я юноша странный, каких поискать,
Отец мой был птицей, еврейкою – мать.
С Иосифом-плотником жить я не стал,
Бродяжничал и на Голгофу попал.^[51]

Он предостерегающе поднял палец:

А кто говорит, я не Бог, тем плутам
Винца, что творю из воды, я не дам.
Пусть пьют они воду, и тайна ясна,
Как снова я воду творю из вина.

Быстрым прощальным жестом он подергал за Стивенову тросточку и устремился вперед, к самому краю утеса, хлопая себя по бокам, как будто плавниками или крыльями, готовящимися взлететь, и продолжая свое пение:

Прощай же и речи мои запиши,
О том, что воскрес я, везде Расскажи.
Мне плоть не помеха, коль скоро я Бог,
Лечу я на небо... Прощай же, дружок!

Выделывая антраша, он подвигался на их глазах к сорокафутовому провалу, махая крылоподобными руками, легко подсакивая, и шляпа ветреника колыхалась на свежем ветру, доносившем до них его отрывистые птичьи крики.

Хейнс, который посмеивался весьма сдержанно, идя рядом со Стивеном, заметил:

– Мне кажется, тут не стоит смеяться. Он сильно богохульствует. Впрочем, я лично не из верующих. С другой стороны, его веселье как-то придает всему безобидность, не правда ли? Как это у него называется? Иосиф-плотник?

– Баллада об Иисусе-шутнике, – буркнул Стивен.

– Так вы это раньше слышали? – спросил Хейнс.

– Каждый день три раза, после еды, – последовал сухой ответ.

– Но вы сами-то не из верующих? – продолжал расспрашивать Хейнс. – Я хочу сказать: верующих в узком смысле слова. Творение из ничего, чудеса, Бог как личность.

– Мне думается, у этого слова всего один смысл, – сказал Стивен.

Остановясь, Хейнс вынул серебряный портсигар с мерцающим зеленым камнем. Нажав на пружину крышки большим пальцем, он раскрыл его и протянул Стивену.

– Спасибо, – отозвался тот, беря сигарету.

Хейнс взял другую себе и снова защелкнул крышку. Спрятав обратно портсигар, он вынул из жилетного кармана никелированную трутницу, тем же манером раскрыл ее, прикурил и, заслонив язычок пламени ладонью, подставил Стивену.

– Да, конечно, – проговорил он, когда они пошли дальше. – Вы либо веруете, либо нет, верно? Лично я не мог бы перевернуть идею личного Бога. Надеюсь, вы ее не придерживаетесь?

– Вы видите во мне, – произнес Стивен мрачно и недовольно, – пример ужасающего вольнодумства.

Он шел, выжидая продолжения разговора, держа сбоку ясеневую тросточку. Ее кованый наконечник легко чертил по тропинке, поскрипывая у ног. Мой дружочек следом за мной, с тоненьким зовом: Стиииии-вии! Волнистая линия вдоль тропинки. Они пройдут по ней вечером, затемно возвращаясь. Он хочет ключ. Ключ мой, я плачу аренду. Но я ем хлеб его, что горестен устам^[52]. Отдай и ключ. Все отдай. Он спросит про него. По глазам было видно.

– В конечном счете... – начал Хейнс.

Стивен обернулся и увидел, что холодный взгляд, смеривший его, был не таким уж недобрым.

– В конечном счете, мне кажется, вы способны достичь свободы. Похоже, что вы сами себе господин.

– Я слуга двух господ, – отвечал Стивен, – или, если хотите, госпож, англичанки и итальянки.

– Итальянки? – переспросил Хейнс.

Полоумная королева, старая и ревнивая. На колени передо мной.

– А некто третий, – продолжал Стивен, – желает, чтобы я был у него на побегушках.

– Итальянки? – спросил снова Хейнс. – Что это значит?

– Британской империи, – пояснил Стивен, покраснев, – и Римской святой соборной и апостольской церкви.

Прежде чем заговорить, Хейнс снял с нижней губы приставшие крошки табака.

– Вполне понимаю вас, – спокойно заметил он. – Я бы даже сказал, для ирландца естественно так думать. Мы в Англии сознаем, что обращались с вами несправедливо. Но повинна тут, видимо, история.

Гордые полновластные титулы прозвучали в памяти Стивена победным звоном медных колоколов: *et unam sanctam catholicam et apostolicam ecclesiam*⁷, – неспешный рост, вызревание догматов и обрядов, как его собственных заветных мыслей, химия звезд. Апостольский символ^[53] в мессе папы Марцеллия^[54], голоса сливаются в мощное утверждающее соло, и под их пение недреманный ангел церкви воинствующей обезоруживал ересиархов и грозил им. Орды ересей в скособоченных митрах разбегаются наутек: Фотий, орава зубоскалов, среди коих и Маллиган, Арий, воевавший всю жизнь против единосущия Сына Отцу, Валентин, что гнушался земным естеством Христа, и хитроумный ересиарх из Африки, Савеллий, по чьим утверждениям Отец Сам был собственным Сыном.^[55] Слова, которые только что сказал Маллиган, зубоскаля над чужеземцем. Пустое зубоскальство. Неизбежная пустота ожидает их, всех, что ткут ветер^[56]: угрозу, обезоруживанье и поражение несут им стройные боевые порядки

⁷ И во едину святую соборную и апостольскую церковь (*лат.*).

ангелов церкви, воинство Михаила^[57], в пору раздоров всегда встающее на ее защиту с копьями и щитами.

Браво, бис! Продолжительные аплодисменты. Zut! Nom de Dieu!⁸

– Я, разумеется, британец, – продолжал голос Хейнса, – и мыслю я соответственно. К тому же мне вовсе не хочется увидеть свою страну в руках немецких евреев. Боюсь, что сейчас это главная опасность для нашей нации.

Двое, наблюдая, стояли на краю обрыва – делец и лодочник.

– Плывет в Баллок.

Лодочник с неким пренебрежением кивнул на север залива.

– Там будет сажений пять^[58], – сказал он. – Туда его и вынесет после часу, когда прилив начнется. Нынче девятый день.

Про утопленника. Парус кружит по пустынной бухте, поджидая, когда вынырнет раздутый мешок и обернет к солнцу солью беленное вспученное лицо. А вот и я.

Извилистой тропкой они спустились к неширокому заливчику. Бык Маллиган стоял на камне без пиджака, отшпиленный галстук струился по ветру за плечом. Поблизости от него юноша, держась за выступ скалы, медленно по-лягушачьи разводил зелеными ногами в студеной толще воды.

– А брат с тобой, Мэйлахи?

– Да нет, он в Уэстмите, у Бэннонов.

– Все еще? Мне Бэннон прислал открытку. Говорит, подцепил себе там одну молоденькую. Фотодевочка, он ее так зовет.

– Заснял, значит? С короткой выдержкой?

Бык Маллиган уселся снять башмаки. Из-за выступа скалы высунулось красное отдувающееся лицо. Пожилой мужчина вылез на камни, вода блестела на его лысине с седоватым венчиком, вода струилась по груди, по брюху, капала с черных мешковатых трусов.

Бык Маллиган посторонился, пропуская его, и, бросив взгляд на Хейнса и Стивена, ногтем большого пальца набожно перекрестил себе лоб, уста и грудную клетку.^[59]

– А Сеймур опять в городе, – сказал юноша, ухватившись снова за выступ. – Медицину побоку, решил в армию.

– Да иди ты, – хмыкнул Бык Маллиган.

– На той неделе уже в казарму. А ты знаешь ту рыженькую из Карлайла, Лили?

– Знаю.

– Прошлый вечер на пирсе с ним обжималась. У папаши денег до черта.

– Может, она залетела?

– Это ты Сеймура спроси.

– Сеймур – кровопускающий офицер! – объявил Бык Маллиган.

Кивнув самому себе, он стянул с ног брюки, выпрямился и изрек избитую истину:

– Рыжие бабы блудливы, как козы.

Встревоженно оборвав, принялся щупать свои бока под вздувшейся от ветра рубашкой.

– У меня нет двенадцатого ребра^[60], – возопил он. – Я Uebermensch⁹. Беззубый Клинк и я, мы сверхчеловеки.

Он выпутался из рубашки и кинул ее к вороху остальной одежды.

– Здесь залезаешь, Мэйлахи?

– Ага. Дай-ка местечко на кровати.

Юноша в воде оттолкнулся назад и в два сильных, ровных гребка выплыл на середину заливчика. Хейнс с сигаретой присел на камень.

⁸ Проклятье! К черту! (*фр.*)

⁹ Сверхчеловек (*нем.*).

– А вы не будете? – спросил Бык Маллиган.

– Попозже, – отвечал Хейнс. – После завтрака не сразу.

Стивен повернулся идти.

– Я уйду, Маллиган, – сказал он.

– А дай-ка тот ключ, Клинк, – сказал Бык Маллиган, – мою рубашку прижать.

Стивен протянул ему ключ. Бык Маллиган положил его на ворох одежды.

– И двухпенсовик на пинту. Кидай туда же.

Стивен кинул два пенса на мягкий ворох. Одеваются, раздеваются. Бык Маллиган, выпрямившись, сложив перед грудью руки, торжественно произнес:

– Крадущий у бедного дает займы Господу^[61]. Так говорил Заратустра.

Жирное тело нырнуло в воду.

– Еще увидимся, – сказал Хейнс, повернувшись к уходящему Стивену и улыбаясь необузданности ирландцев.

Бычьих рогов, конских копыт и улыбки сакса.^[62]

– В «Корабле»! – крикнул Бык Маллиган. – В полпервого.

– Ладно, – ответил Стивен.

Он шел по тропинке, что вилась вверх.

Liliata rutilantium.

Turma circumdet.

Iubilantium te virginum.

Седой нимб священника за скалой, куда тот скромно удалился для одевания. Сегодня я не буду здесь ночевать. Домой идти тоже не могу.

Зов, протяжный и мелодичный, донесся до него с моря. На повороте тропинки он пома- хал рукой. Голос донесся снова. Лоснящаяся темная голова, тюленья, далеко от берега, круглая.

Захватчик.

2. Нестор

[63]

– Кокрейн, ты скажи. Какой город послал за ним?^[64]

– Тарент, сэра.

– Правильно. А потом?

– Потом было сражение, сэра.

– Правильно. А где?

Мальчуган с пустым выражением уставился в пустоту окна.

Басни дочерей памяти. Но ведь чем-то и не похоже на басни памяти. Тогда – фраза, сказанная в сердцах, шум Блейковых крыл избытка. Слышу, как рушатся пространства, обращаются в осколки стекло и камень, и время охвачено сине-багровым пламенем конца. Что же нам остается?^[65]

– Я позабыл место, сэра. В 279 году до нашей эры.

– Аскулум, – бросил Стивен, глянув название и дату в книге кровоотметин.

– Да, сэра. И он сказал: еще одна такая победа – и мы погибли.

Вот эту фразу мир и запомнил. Утеха для скудоумных. Над усеянной телами равниной, опершись на копье, генерал обращается с холма к офицерам. Любой генерал к любым офицерам. А те внимают.

– Теперь ты, Армстронг, – сказал Стивен. – А каков был конец Пирра?

– Конец Пирра, сэра?

– Я знаю, сэра. Спросите меня, сэра, – вызвался Комин.

– Нет, ты обожди. Армстронг, ты что-нибудь знаешь о Пирре?

В ранце у Армстронга уютно притаился кулек с вялеными фигами. Время от времени он разминал их в ладонях и отправлял потихоньку в рот. Крошки, приставшие к коже на губах. Подслащенное мальчишеское дыхание. Зажиточная семья, гордятся, что старший сын во флоте. Вико-роуд, Долки.

– О Пирре, сэра? Пирр – это пирс.

Все засмеялись. Визгливый, злорадный смех без веселья. Армстронг обвел взглядом класс, дурашливая ухмылка на профиле. Сейчас совсем разойдутся, знают, что мне их не приструнить, а плату их папаши внесли.

– Тогда объясни, – сказал Стивен, касаясь плеча мальчугана книжкой, – что это такое, пирс.

– Ну, пирс, сэра, – тянул Армстронг. – Такая штука над морем. Вроде как мост. В Кингстауне пирс, сэра.

Кое-кто засмеялся снова, без веселья, но со значением. Двое на задней парте начали перешептываться. Да. Они знали: никогда не изведав, никогда не были невинны. Все. Он с завистью оглядел их лица. Эдит, Этель, Герти, Лили. Похожи на этих: дыхание тоже подслащенное от чая с вареньем, браслеты звякают во время возни.

– Кингстаунский пирс, – повторил Стивен. – Да, несбывшийся мост.

Их взгляды смутились от его слов.

– Как это, сэра? – спросил Комин. – Мост, он же через реку.

Хейнсу в его цитатник. Не для этих ушей. Вечером, среди пьянки и пустословия, пронзитель, словно пирс воду, ровную гладь его ума. А что в том? Шут при господском дворе, благоволимый и презираемый, добился от господина милостивой похвалы. Почему все они выбрали эту роль? Не только ведь ради ласки и поощрения. Для них тоже история – это сказка, давно навязшая в ушах, а своя страна – закладная лавка.^[66]

Разве Пирр не пал в Аргосе^[67] от руки старой ведьмы, а Юлия Цезаря не закололи кинжалом? Их уже не изгнать из памяти. Время поставило на них свою мету и заключило, сковав, в пространстве, что занимали уничтоженные ими бесчисленные возможности. Но были ль они возможны, если их так и не было? Или то лишь было возможным, что состоялось? Тките, ветра ткачи.^[68]

- Сэр, а расскажите нам что-нибудь.
- Ага, сэр, про привидения.
- Где мы остановились тут? – спросил Стивен, открывая другую книгу.
- «Оставь рыдания»^[69], – сказал Комин.
- Ну давай, Толбот.
- А историю, сэр?
- Потом, – сказал Стивен. – Давай, Толбот.

Смуглый мальчуган раскрыл книгу и ловко приладил ее за укрытием своего ранца. Он начал читать стихотворение, запинаясь и часто подглядывая в текст:

Оставь рыдания, о пастух, оставь рыдания,
Ликид не умирал, напрасна скорбь твоя,
Хотя над ним волны сомкнулись очертанья...

Тогда это должно быть движением, актуализация возможного как такового. Фраза Аристотеля сложилась из бормотанья ученика и поплыла вдаль, в ученую тишину библиотеки Святой Женевьевы, где он читал, огражден от греховного Парижа, вечер за вечером^[70]. Рядом хрупкий сиамец штудировал учебник стратегии. Вокруг меня насыщенные и насыщающиеся мозги – припиленные под лампочками, слабо подрагивающие щупиками, – а во тьме моего ума грузное подземное чудище, неповоротливое, боящееся света, шевелит драконовой чешуей. Мысль – это мысль о мысли. Безмятежная ясность. Душа – это неким образом все сущее: душа – форма форм^[71]. Безмятежность нежданная, необъятная, лучащаяся: форма форм.

Толбот твердил:

И дивной властью того, кто шел по водам,
И дивной властью...

- Можешь перевернуть, – сказал Стивен безразлично. – Я ничего не вижу.
- Чего, сэр? – спросил простодушно Толбот, подаваясь вперед.

Его рука перевернула страницу. Он снова выпрямился и продолжал, как будто припомнив. О том, кто шел по водам. И здесь лежит его тень, на этих малодушных сердцах, и на сердце безбожника, на его устах, на моих. Она и на снедаемых любопытством лицах тех, что предложили ему динарий^[72]. Кесарево кесарю, а Божие Богу. Долгий взгляд темных глаз, загадочные слова, что без конца будут ткаться на кроснах церкви. Да.

Отгадай загадку, будешь молодец:
Зернышки посеять мне велел отец.

- Толбот закрыл книжку и сунул ее в ранец.
- Все уже? – спросил Стивен.
 - Да, сэр. В десять хоккей, сэр.
 - Короткий день, сэр. Четверг.
 - А кто отгадает загадку? – спросил Стивен.

Они распихивали учебники, падали карандаши, шуршали страницы. Сгрудившись вместе, защелкивали и затягивали ранцы, разом весело тараторя:

- Загадку, сэр? Давайте я, сэр.
- Я, дайте я, сэр.
- Какую потрудней, сэр.
- Загадка такая, – сказал Стивен.

Кочет поет.
Чист небосвод.
Колокол в небе
Одиннадцать бьет.
Бедной душе на небеса
Час улетать настает.^[73]

- Отгадайте, что это.
- Чего-чего, сэр?
- Еще разок, сэр. Мы не расслышали.

Глаза их расширились, когда он повторил строчки. Настала пауза, а потом Кокрейн попросил:

- Скажите отгадку, сэр. Мы сдаемся.
- Стивен, чувствуя подкативший к горлу комок, ответил:
- Это лис хоронит свою бабку под остролистом.

Нервически рассмеявшись, он встал, и эхом ему нестройно раздались их возгласы разочарования.

- В дверь стукнули клюшкой, и голос из коридора прокричал:
- Хоккей!

Они кинулись как оголтелые, боком выскакивая из-за парт, перемахивая через сиденья. Вмиг комната опустела, и из раздевалки послышался их гомон и грохот клюшек и башмаков.

Сарджент, единственный, кто остался, медленно подошел, протягивая раскрытую тетрадь. Его спутанные волосы и тощая шея выдавали явную неготовность, слабые глаза в запотевших очках глядели просяще. На блеклой бескровной щеке расплылось чернильное пятно в форме финика, еще свежее и влажное, как след слизи.

Он подал тетрадку. Наверху страницы было выведено: «Примеры». Дальше шли цифры вкривь и вкось, а внизу имелся корявый росчерк с загогулинами и с кляксой. Сирил Сарджент: личная подпись и печать.

- Мистер Дизи велел все снова переписать и показать вам, сэр.

Стивен потрогал края тетрадки. Что толку?

- Ты уже понял, как их решать? – спросил он.

– С одиннадцатого до пятнадцатого, – отвечал Сарджент. – Мистер Дизи сказал, надо было списать с доски, сэр.

- А сам теперь сможешь сделать?

– Нет, сэр.

Уродлив и бестолков: худая шея, спутанные волосы, пятно на щеке – след слизи. Но ведь какая-то любила его, выносила под сердцем, нянчила на руках. Если бы не она, мир в своей гонке давно подмял бы его, растоптал, словно бескостого слизня. А она любила его жидкую слабосильную кровь, взятую у нее самой. Значит, это и есть настоящее?^[74] Единственно истинное в жизни? В святом своем рвении пламенный Колумбан^[75] перешагнул через тело матери, простершейся перед ним. Ее не стало: дрожащий остов ветки, попаленной огнем, запах розового дерева и могильного тлена. Она спасла его, не дала растоптать и ушла, почти не коснув-

шись бытия. Бедная душа улетела на небеса – и на вересковой пустоши, под мерцающими звездами, лис, горящие беспощадные глаза, рыжим и хищным духом разит от шкуры, рыл землю, вслушивался, откидывал землю, вслушивался и рыл, рыл.

Сидя с ним рядом, Стивен решал задачу. Он с помощью алгебры доказывает, что призрак Шекспира – это дедушка Гамлета. Сарджент глядел искоса через съехавшие очки. Из разделки стук клюшек; с поля голоса и глухие удары по мячу.

Значки на странице изображали чопорный мавританский танец, маскарад букв в причудливых шляпах квадратов и кубов. Подача руки, поворот, поклон партнеру – вот так – бесовские измышленья мавров. И они уже покинули мир, Аверроэс и Моисей Маймонид, мужи, темные обличьем и обхождением, лоящие в свои глумливые зеркала смутную душу мира, и тьма в свете светит, и свет не объемлет ее.^[76]

– Ну как, понял? Сможешь сам сделать следующий?

– Да, сэ.

Вялыми, неуверенными движениями пера Сарджент списал условие. То и дело медля в надежде помощи, рука его старательно выводила кривые значки, слабая краска стыда проступала сквозь блеклую кожу щек. *Amor matris*¹⁰, родительный субъекта и объекта. Она вскормила его своей жидкой кровью и свернувшимся молоком, скрывала от чужих взоров его пеленки.

Я был как он, те же косые плечи, та же нескладность. Детство мое, сгорбась подле меня. Ушло, и не коснуться его, пускай хоть раз, хоть слегка. Мое ушло, а его потаенно, как наши взгляды. Тайны, безмолвно застывшие в темных чертогах двух наших сердец: тайны, уставшие тиранствовать: тираны, мечтающие быть свергнутыми.

Пример был решен.

– Вот видишь, как просто, – сказал Стивен, вставая.

– Ага, сэ, спасибо, – ответил Сарджент.

Он промокнул страницу и отнес тетрадь к парте.

– Бери свою клюшку и ступай к ребятам, – сказал Стивен, направляясь к дверям следом за нескладной фигуркой.

– Ага, сэ.

В коридоре слышалось его имя, его окликали с поля:

– Сарджент!

– Беги, мистер Дизи тебя зовет, – поторопил Стивен.

Стоя на крыльце, он глядел, как пентюх поспешает на поле битвы, где голоса затеяли крикливую перебранку. Их разделили на команды, и мистер Дизи возвращался, шагая через метелки травы затянутыми в гетры ногами. Едва он дошел до школы, как снова заспорившие голоса позвали его назад. Он обернул к ним сердитые седые усы.

– Ну что еще? – прокричал он несколько раз, не слушая.

– Кокрейн и Холлидей в одной команде, сэ! – крикнул ему Стивен.

– Вы не обождете минутку у меня в кабинете, – попросил мистер Дизи, – пока я тут наведу порядок?

Он озабоченно зашагал по полю обратно, строго покрикивая своим старческим голосом:

– В чем дело? Что там еще?

Пронзительные их крики взметнулись разом со всех сторон от него; фигурки их обступили его кольцом, а слепящее солнце выбеливало мед его плохо выкрашенной головы.

Прокуренный застоялый дух царил в кабинете, вместе с запахом кожи вытертых тускло-желтых кресел. Как в первый день, когда мы с ним рядились тут. Как было вначале, так и ныне. Сбоку стоял подносик с монетами Стюарта^[77], жалкое сокровище ирландских болот: и присно.

¹⁰ Любовь матери (родительный субъекта) или любовь к матери (родительный объекта) (*лат.*).

И в футляре для ложек, на выцветшем алом плюше, двенадцать апостолов^[78], проповедовавших всем языкам: и во веки веков.

Торопливые шаги по каменному крыльцу, в коридоре. Раздувая редкие свои усы, мистер Дизи остановился у стола.

– Сначала наши небольшие расчеты.

Он вынул из сюртука перетянутый кожаной ленточкой бумажник. Раскрыв его, извлек две банкноты, одну – из склеенных половинок, и бережно положил на стол.

– Два, – сказал он, вновь перетягивая и убирая бумажник.

Теперь в хранилище золотых запасов. Ладонь Стивена в неловкости блуждала по раковинам, лежавшим грудой в холодной каменной ступке: волнистые рожки, и каури, и багрянки, а эта вот закручена, как тюрбан эмира, а эта – гребешок святого Иакова. Добро старого пилигрима, мертвые сокровища, пустые ракушки.

Соверен, новенький и блестящий, упал на мягкий ворс скатерти.

– Три, – сказал мистер Дизи, вертя в руках свою маленькую копилку. – Очень удобная штука. – Смотрите. Вот сюда соверены. Тут шиллинги, полукроны, шестипенсовики. А сюда – кроны. Смотрите.

Он высыпал на ладонь два шиллинга и две кроны.

– Три двенадцать, – сказал он. – По-моему, это правильно.

– Благодарю вас, сэръ, – отвечал Стивен, с застенчивою поспешностью собирая деньги и пряча их в карман брюк.

– Не за что, – сказал мистер Дизи. – Вы это заработали.

Рука Стивена, освободившись, вернулась снова к пустым ракушкам. Тоже символы красоты и власти. Толика денег в моем кармане: символы, запятнанные алчностью и нищетой.

– Не надо их так носить, – предостерег мистер Дизи. – Где-нибудь вытащите и потеряете. Купите лучше такую же штуковину. Увидите, как это удобно.

Отвечай что-нибудь.

– У меня она часто будет пустовать.

Те же место и час, та же премудрость: и я тот же. Вот уже трижды. Три петли вокруг меня. Ладно. Я их могу разорвать в любой миг, если захочу.

– Потому что вы не откладываете. – Мистер Дизи поднял вверх палец. – Вы еще не знаете, что такое деньги. Деньги – это власть. Вот поживете с мое. Уж я-то знаю. Если бы молодость знала. Как это там у Шекспира? «Набей потуже кошелек».

– Яго, – пробормотал Стивен.

Он поднял взгляд от праздных ракушек к глазам старого джентльмена.

– Он знал, что такое деньги, – продолжал мистер Дизи, – он их наживал. Поэт, но в то же время и англичанин. А знаете, чем англичане гордятся? Какие самые гордые слова у англичанина?

Правитель морей. Холодные, как море, глаза смотрели на пустынную бухту – повинна история – на меня и мои слова, без ненависти.

– Что над его империей никогда не заходит солнце.

– Ха! – воскликнул мистер Дизи. – Это совсем не англичанин. Это сказал французский кельт^[79].

Он постукал своей копилкой о ноготь большого пальца.

– Я вам скажу, – объявил он торжественно, – чем он больше всего хвастает и гордится: «Я никому не должен».

Надо же, какой молодец.

– «Я никому не должен. Я за всю жизнь не занял ни у кого ни шиллинга». Вам понятно такое чувство? «У меня нет долгов». Понятно?

Маллигану девять фунтов, три пары носков, пару обуви, галстуки. Каррэнну десять гиней. Макканну гинею. Фреду Райену два шиллинга. Темплу за два обеда. Расселу гинею, Казинсу десять шиллингов, Бобу Рейнольдсу полгиней, Келеру три гиней, миссис Маккернан за комнату, пять недель. Малая моя толика бессильна.^[80]

– В данный момент нет, – ответил Стивен.

Мистер Дизи от души рассмеялся, пряча свою копилку.

– Я так и думал, – сказал он весело. – Но когда-нибудь вам придется к нему прийти. Мы народ щедрый, но справедливость тоже нужна.

– Я боюсь этих громких слов, – сказал Стивен, – они нам приносят столько несчастий.^[81]

Мистер Дизи вперил суровый взгляд туда, где над камином пребывали дородные стати мужчины в клетчатом килте: Альберт Эдуард, принц Уэльский.

– Вы меня считаете старым замшелым тори, – молвил его задумчивый голос. – Со времен О’Коннелла я видел три поколения. Я помню голод. А вы знаете, что ложи оранжистов вели агитацию против унии за двадцать лет до того, как этим стал заниматься О’Коннелл, причем попы вашей церкви его клеймили как демагога? У вас, фениев, короткая память.^[82]

Вечная, славная и благоговейная память. Алмазная ложа в Армахе великолепном, заваленная трупами папистов. При оружии, в масках, плантаторы хриплыми голосами дают присягу. Черный север и истинная голубая Библия. Берегись, стриженные.^[83]

Стивен сделал легкое движение.

– В моих жилах тоже кровь бунтарей, – продолжал мистер Дизи. – По женской линии. Но прямой мой предок – сэр Джон Блэквуд^[84], который голосовал за Унию. Мы все ирландцы, все королевичи.^[85]

– Увы, – сказал Стивен.

– *Per vias rectas*^[86], – твердо произнес мистер Дизи. – Это его девиз. Он голосовал за Унию и ради этого натянул ботфорты и поскакал в Дублин из Нижнего Ардса.

Трала-лала, трала-лала,
На Дублин путь кремнист.

Деревенщина-сквайр в седле, лоснящиеся ботфорты. Славный денек, сэр Джон. Славный денек, ваша честь. День-денек... День-денек... Ботфорты болтаются, трусят в Дублин. Трала-ла-ла, трала-лала, трусят.

– Кстати, это напомнило мне, – сказал мистер Дизи. – Вы бы могли оказать мне услугу через ваши литературные знакомства. У меня тут письмо в газету. Вы не присядете на минутку, я бы допечатал конец?

Он подошел к письменному столу у окна, подвинул дважды свой стул и перечел несколько слов с листа, заправленного в пишущую машинку.

– Присаживайтесь. Прошу меня извинить, – сказал он через плечо. – *Законы здравого смысла*. Одну минутку.

Вглядываясь из-под косматых бровей в черновик возле своего локтя и бормоча про себя, он принялся тукать по тугим клавишам машинки, медленно, иногда отдуваясь, когда приходилось возвращать валик, чтобы стереть опечатку.

Стивен бесшумно уселся в присутствии августейшей особы. Развешанные по стенам в рамках, почтительно застыли изображения канувших в Лету лошадей, уставив кверху кроткие морды: Отпор лорда Гастингса, Выстрел герцога Вестминстерского, Цейлон герцога Бофора, взявший Парижский приз в 1866 году. На седлах – легкие жокеи в чутком ожиданье сигнала.

¹¹ Прямыми путями (*лат.*).

Он следил за их состязанием, поставив на королевские цвета, и сливал свои крики с криками канувших в Лету толп.

– Точка, – дал указание клавишам мистер Дизи. – *Однако скорейшее разрешение этого важного вопроса...*

Куда Крэнли меня привел, чтобы разом разбогатеть; таскались за его фаворитами среди грязью заляпанных бреков, орущих букмекеров у стоек, трактирной вони, месива под ногами. Один к одному на Честного Мятежника, на остальных десять к одному! Мимо жуликов, мимо игроков в кости спешили мы вслед за копытами, картузами и камзолами, и мимо мяснолицей зазнобы мясника, жадно всосавшейся в апельсин.^[87]

Пронзительные крики донеслись с поля и трель свистка.

Еще гол. Я среди них, в свалке их борющихся тел, на турнире жизни. Ты хочешь сказать, тот маменькин сынок, заморыш со слегка осовелым видом? Турниры. Время при ударе дает отдачу, за удар ударом. Турниры, грязь и рев битв, застывшая предсмертная блевотина убитых, вопль копий, наживленных кровавыми человеческими кишками.

– Готово, – произнес мистер Дизи, вставая с места.

Он подошел к столу, скрепляя вместе свои листки. Стивен тоже поднялся.

– Я тут все выразил в двух словах, – сказал мистер Дизи. – Это насчет эпидемии ящура. Взгляните бегло, пожалуйста. Вопрос бесспорный.

Позволю себе вторгнуться на ваши уважаемые столбцы. Пресловутая политика невмешательства, которая столь часто в нашей истории. Наша скототорговля. Судьба всех наших старинных промыслов. Ливерпульская клика, похоронившая проект Голуэйского порта.^[88] Европейские конфликты. Перевозки зерна через узкие проливы. Завидная невозмутимость ведомства земледелия. Не грех вспомнить классиков. Кассандра. От женщины, не блиставшей добродетелью^[89]. Перейдем к сути дела.

– Я выражаюсь напрямик, вы согласны? – спросил мистер Дизи у читавшего Стивена.

Эпидемия ящура. Известен как препарат Коха. Сыворотка и вирус. Процент вакцинированных лошадей. Эпизоотии. Императорские конюшни в Мюрцштеге, Нижняя Австрия. Квалифицированные ветеринары. Мистер Генри Блэквуд Прайс. Любезное предложение беспристрастной проверки. Законы здравого смысла. Вопрос чрезвычайно важен. Взять быка за рога в прямом и переносном смысле. Позвольте поблагодарить за предоставленную возможность.

– Я хочу, чтобы это напечатали и прочли, – сказал мистер Дизи. – Вот увидите, при следующей же вспышке они наложат эмбарго на ирландский скот. А болезнь излечима. И ее лечат. Как пишет мне родственник, Блэквуд Прайс, в Австрии специалисты научились бороться с ней и надежно вылечивают. Они предлагают приехать к нам. Я пробую найти ходы в ведомстве. Сейчас попытаюсь привлечь газеты. Но всюду столько препятствий... столько интриг... закулисных происков, что...

Подняв указательный палец, он, прежде чем продолжать, погрозил им стариковато в воздухе.

– Помяните мои слова, мистер Дедал, – сказал он. – Англия в когтях у евреев. Финансы, пресса: на всех самых высоких постах. А это признак упадка нации. Всяду, где они скапливаются, они высасывают из нации соки. Я это наблюдаю не первый год. Ясно как Божий день, еврейские торгаши уже ведут свою разрушительную работу. Старая Англия умирает. Он быстро отошел в сторону, и глаза его засветились голубизной, оказавшись в столбе солнечного света. Он оглянулся по сторонам.

– Умирает, – повторил он, – если уже не умерла.

И крики шлюх глухой порой,
Британия, ткнут саван твой.^[90]

Глаза его, расширенные представшим видением, смотрели сурово сквозь солнечный столб, в котором он еще оставался.

– Но торгаш, – сказал Стивен, – это тот, кто дешево покупает и дорого продает, будь он еврей или не еврей, разве нет?

– Они согрешили против света, – внушительно произнес мистер Дизи. – У них в глазах тьма. Вот потому им и суждено быть вечными скитальцами по сей день.

На ступенях парижской биржи златокожие люди показывают курс на пальцах с драгоценными перстнями. Гусиный гогот. Развязно и шумно толпятся в храме^[91], под неуклюжими цилиндрами зреют замыслы и аферы. Все не их: и одежда, и речь, и жесты. Их выпуклые медлительные глаза противоречили их словам, а жесты были пылки, но незлобивы, хотя они знали об окружающей вражде и знали, что их старания тщетны. Тщетно богатеть, запастись. Время разметет все. Богатство, запасенное у дороги, его разграбят и пустят по рукам. Глаза их знали годы скитаний и знали, смиренные, о бесчестье их крови.

– А кто нет? – спросил Стивен.

– Что вы хотите сказать? – не понял мистер Дизи.

Он сделал шаг вперед и остановился у стола, челюсть косо отвисла в недоумении. И это мудрая старость? Он ждет, пока я ему скажу.

– История, – произнес Стивен, – это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться.^[92]

На поле снова крики мальчишек. Трель свистка: гол. А вдруг этот кошмар задаст тебе пинка сзади?

– Пути Господни неисповедимы, – сказал мистер Дизи. – Вся история движется к единой великой цели, явлению Бога.

Стивен, ткнув пальцем в окошко, проговорил:

– Вот Бог.

Ур-ра! Эх! Фью-фьюйть!

– Как это? – переспросил мистер Дизи.

– Крик на улице^[93], – отвечал Стивен, пожав плечами.

Мистер Дизи опустил взгляд и некоторое время подержал пальцами переносицу. Потом поднял взгляд и переносицу отпустил.

– Я счастливей вас, – сказал он. – Мы совершили много ошибок, много грехов. Женщина принесла грех в мир. Из-за женщины, не блиставшей добродетелью, Елены, сбежавшей от Менелая, греки десять лет осаждали Трою. Неверная жена впервые привела чужеземцев на наши берега, жена Макморро и ее любовник О'Рурк, принц Брефни. И Парнелла^[94] погубила женщина. Много ошибок, много неудач, но только не главный грех. Сейчас, на склоне дней своих, я еще борец. И я буду бороться за правое дело до конца.^[95]

Право свое, волю свою
Ольстер добудет в бою.^[96]

Стивен поднял руку с листками.

– Так, значит, сэр... – начал он.

– Сдается мне, – сказал мистер Дизи, – что вы не слишком задержитесь на этой работе. Вы не родились учителем. Хотя, возможно, я ошибаюсь.

– Скорее я ученик, – сказал Стивен.

А чему тебе тут учиться?

Мистер Дизи покачал головой.

– Как знать? Ученик должен быть смиренным. Но жизнь – великий учитель.

Стивен опять зашуршал листками.

– Так насчет этого... – начал он.

– Да-да, – сказал мистер Дизи. – Я дал вам два экземпляра. Желательно, чтобы напечатали сразу.

«Телеграф». «Айриш Хомстед».

– Я попробую, – сказал Стивен, – и завтра вам сообщу. Я немного знаком с двумя редакторами.

– Вот и хорошо, – живо откликнулся мистер Дизи. – Вчера вечером я написал письмо мистеру Филду, Ч. П.¹². Сегодня в гостинице «Городской герб» собрание Ассоциации ското-промышленников. Я его попросил огласить мое письмо в этом собрании. А вы попробуйте через ваши газеты. Это какие?

– «Ивнинг телеграф»...

– Вот и хорошо, – повторил мистер Дизи. – Не будем же терять времени. Мне еще надо написать ответ тому родственнику.

– Всего доброго, – сказал Стивен, пряча листки в карман. – Благодарю вас.

– Не за что, – отозвался мистер Дизи, принимаясь рыться в бумагах у себя на столе. – Я, хоть и стар, сам люблю скрестить с вами копыя.

– Всего доброго, сэр, – повторил Стивен, кланяясь его склоненной спине.

Он вышел на крыльцо через открытые двери и зашагал под деревьями по гравийной дорожке, слыша звонкие голоса и треск клюшек. Львы покойно дремали на постаментах, когда он проходил мимо через ворота, беззубые чудища. Что ж, помогу ему в его баталии. Маллиган даст мне новое прозвище: быколюбивый бард.

– Мистер Дедал!

Нагоняет меня. Надеюсь, не с новым письмом.

– Одну минутку!

– Да, сэр, – отозвался Стивен, поворачивая обратно к воротам.

Мистер Дизи остановился, запыхавшись, дыша прерывисто и тяжело.

– Я только хотел добавить, – проговорил он. – Утверждают, что Ирландия, к своей чести, это единственная страна, где никогда не преследовали евреев. Вы это знаете? Нет. А вы знаете почему?^[97]

Лицо его сурово нахмурилось от яркого света.

– Почему же, сэр? – спросил Стивен, пряча улыбку.

– Потому что их сюда никогда не пускали, – торжественно объявил мистер Дизи.

Ком смеха и кашля вылетел у него из горла, потянув за собой трескучую цепь мокроты. Он быстро повернул назад, кашля и смеясь, размахивая руками над головой.

– Их никогда сюда не пускали! – еще раз прокричал он сквозь смех, топая по гравию дорожки затянутыми в гетры ногами. – Вот почему.

Сквозь ажур листьев солнце рассыпало на его велемудрые плечи пляшущие золотые звездочки и монетки.

¹² Члену парламента.

3. Протей

[98]

Неотменимая модальность зримого. Хотя бы это, если не больше, говорят моей мысли мои глаза. Я здесь, чтобы прочесть отметы сути вещей: всех этих водорослей, мальков, подступающего прилива, того вон ржавого сапога. Сопливо-зеленый, серебряно-синий, ржавый: цветные отметы. Пределы прозрачности. Но он добавляет: в телах. Значит, то, что тела, он усвоил раньше, чем что цветные. Как? А стукнувшись башкой о них, как еще. Осторожно. Он лысый был и миллионер, *maestro di color che sanno*¹³. Предел прозрачного в. Почему в? Прозрачное, непрозрачное. Куда пролезет вся пятерня, это ворота, куда нет – дверь. Закрой глаза и смотри.^[99]

Стивен, закрыв глаза, прислушался, как хрустят хрупкие ракушки и водоросли у него под ногами. Так или иначе, ты сквозь это идешь. Иду, шажок за шажком. За малый шажок времени сквозь малый шажок пространства. Пять, шесть: это *nacheinander*¹⁴. Совершенно верно, и это – неотменимая модальность слышимого. Открой глаза. Нет. Господи! Если я свалюсь с утеса грозного, нависшего над морем, свалюсь неотменимо сквозь *nebeneinander*¹⁵.^[100] Отлично передвигаюсь в темноте. На боку ясеневая шпага. Постукивай ею: они так делают. Ноги мои в его башмаках и его штанинах, *nebeneinander*. Звук твердый: выковано молотом *демиурга Лоса*^[101]. Не в вечность ли я иду по берегу Сэндимаунта?^[102] Хруп-крак-скрип-скрип. Ракушки, деньги туземцев. Магистер Дизи в них дока.

Не придешь ли в Сэндимаунт,
Дороти-кобылка?

Смотри, вырисовывается ритм. Полный четырехстопник, шаги ямбов. Нет, галоп: *роти кобылка*.

Теперь открой глаза. Открываю. Постой. А вдруг все исчезло за это время? Вдруг я открою и окажусь навеки в черноте непрозрачного. Дудки! Умею видеть – буду видеть.

Что ж, смотри. Было на месте и без тебя: и пребудет, ныне и присно и во веки веков.

Они осторожно спустились по ступеням с Лихи-террас, *Frauenzimmer*¹⁶; и по отлогому берегу косолапили вяло, в илестом увязая песке. Как я, как Элджи, стремятся к нашей могучей матери. У номера первого шверно^[103] болталась акушерская сумка, другая тыкала в песок большим зонтиком. На денек выбрались из слободки. Миссис Флоренс Маккейб, вдовица покойного Пэтка Маккейба с Брайд-стрит, горько оплакиваемого. Одна из ее товаров выволокла меня, скулящего, в жизнь. Творение из ничего. Что у нее в сумке? Выкидыш с обрывком пуповины, закутанный в рыжий лоскут. Пуповины всех идут в прошлое, единым проводом связуют-перевивают всю плоть. Вот почему монахи-мистики.^[104] Будете ли как боги?^[105] Всмотритесь в свои омфалы. Алло. Клинк на проводе. Соедините с Эдемом. Алеф, альфа: ноль, ноль, единица.^[106]

Супруга и сподручица Адама Кадмона: Хева, обнаженная Ева.^[107] У нее не было пупка. Всмотрись. Живот без изъяна, пергаменом крытый крупный круглится щит, нет, ворох белой пшеницы, восточной и бессмертной, сущей от века и до века. Лоно греха.^[108]

¹³ Учитель тех, кто знает (*ит.* Данте. Ад, IV, 131).

¹⁴ Друг за другом (*нем.*).

¹⁵ Друг подле друга (*нем.*).

¹⁶ Бабы (*нем.*).

В лоне греховной тьмы и я был сотворен, не рожден.^[109] Ими, мужчиной с моим голо- сом, с моими глазами и женщиной-призраком с дыханием тлена. Они сливались и разделялись, творя волю сочетателя. Прежде начала времен Он возжелал меня и теперь уж не может поже- лать, чтобы меня не бывало. С ним *lex eterna*¹⁷. Так это и есть божественная сущность, в кото- рой Отец и Сын единосущны? Где-то он, славный бедняга Арий, чтобы с этим поспорить? Всю жизнь провоевал против единосверхвеликоеврейскотрахбабахсуция. Злосчастный ересиарх. Испустил дух в греческом нужнике – эвтанасия. В митре с самоцветами, с епископским посо- хом, остался сидеть на троне, вдовец вдовой епархии, с задраным омофором и замаранной задницей.^[110]

Ветерки носились вокруг, пощипывая кожу презрительно.^[111] Вот они мчатся, волны. Хра- пящие морские кони, пенноуздые, белогривые скакуны Мананаана.^[112]

Не забыть про его письмо в газету. А после? В «Корабль», в полпервого. И кстати, будь с деньгами поаккуратней, как примерный юный кретин. Да, надо бы.

Шаги его замедлились. Здесь. Идти к тете Сэре или нет? Глас моего единосущного отца. Тебе не попался брат твой, художник Стивен? Нет? А ты не думаешь, что он у своей тетушки Салли на Страсбург-террас? Не мог, что ли, залететь повыше? А-а-а скажи-ка нам, Стивен, как там дядюшка Сай? Это слезы божьи, моя родня по жене! Детки на сеновале. Пьяненький сче- товодишка и его братец-трубач. Достопочтенные гондольеры^[113]. А косоглазый Уолтер папашу величает не иначе как сэром. Да, сэр. Нет, сэр. Иисус прослезился^[114] – и не диво, ей-ей.^[115]

Я дергаю простуженный колокольчик их домика с закрытыми ставнями – и жду. Они опасаются кредиторов, выглядывают из-за угла иль выступа стены.^[116]

– Это Стивен, сэр.

– Впускай его. Впускай Стивена.

Отодвигают засов, Уолтер меня приветствует:

– А мы тебя за кого-то приняли.

На обширной постели дядюшка Ричи, о подушках и одеяле, простирает дюжее предпле- чье над холмами колен. Чистогруд. Омыл верхний пай.

– День добрый, племянничек.

Откладывает дощечку, на которой составляет счета своих издержек, для глаз мистера Недотеппи и мистера Тристрама Тэнди^[117], сочиняет иски и соглашения, пишет повестки *Duces Tecum*¹⁸. Над лысиной, в рамке мореного дуба, «*Requiescat*»¹⁹ Уайльда.^[118] Обманчивый свист его заставляет Уолтера вернуться.

– Да, сэр?

– Бражки Ричи и Стивену, скажи матери. Она где?

– Купает Криси, сэр.

Та любит с папочкой поваляться. Папочкина крошка-резвушка.

– Нет, дядя Ричи...

– Зови просто Ричи. К чертям сельтерскую. От нее тупеешь. Вуиски!

– Нет, дядя Ричи, правда...

– Да садись, черт дери, не то я сам тебя с ног сшибу.

Уолтер тщетно косит глазами в поисках стула.

– Ему не на что сесть, сэр.

– Ему некуда свою опустить, болван. Тащи сюда чиппендейловское кресло. Хочешь пере- кусить? И брось тут свои ужимки. Поджарить ломоть сала с селедкой? Точно нет? Тем лучше. В доме шаром покати, одни пилюли от поясницы.

¹⁷ Вечный закон (*лат.*).

¹⁸ «Возьмешь с собой» (*лат.*) – повестка о явке в суд с представлением каких-либо документов или предметов.

¹⁹ «Да почит» (*лат.*).

All'erta!^[119]

Насвистывает из aria di sortita²¹ Феррандо. Грандиознейший номер, Стивен, во всей опере. Слушай.

Вновь раздается его звучный свист с мелодичными переходами, шумно вырывается воздух, могучие кулаки отбивают такт по ватным коленям.

Этот ветер мягче.

Распад в домах: у меня, у него, у всех. В Клонгоузе ты сочинял дворянским сынкам,^[120] что у тебя один дядя судья, а другой – генерал. Оставь их, Стивен. Не здесь красота. И не в стоячем болоте библиотеки Марша, где ты читал пожелтевшие пророчества аббата Иоахима^{[121], [122]} Для кого? Стоглавая чернь на паперти. Возненавидевший род свой^[123] бежал от них в чашу безумия, его грива пенилась под луной, глаза сверкали, как звезды. Гуигнгнм с конскими ноздрями. Длинные лошадиные лица. Темпл, Бык Маллиган, Кемпбелл-Лис, Остроскулый.^[124] Отче аббат, неистовый настоятель, что за обида так разожгла им головы? Пафф! Descende, calve, ut ne nimium decalveris²². С венчиком седовласым на главе обреченной карам вижу его себя ковыляющим вниз на солею (descende), сжимающим дароносицу, василискоглазым.^[125] Слезай, лысая башка! У рогов жертвенника хор эхом повторяет угрозу, гнусавую латынь поповлицемеров, грузно шлепающих в своих сутанах, отонзуренных, умащенных и холощенных, тучных от тучной пшеницы.^[126]

А может быть, вот в эту минуту священник где-то рядом возносит дары. Динь-динь! А через две улицы другой запирает их в дарохранительницу. Дон-дон! А третий в часовне Богородицы заправляется всем причастием в одиночку. Динь-динь! Вниз, вверх, вперед, назад. Досточтимый Оккам думал об этом, непобедимый доктор.^[127] Английским хмурым утром чертячья ипостась щекотала ему мозги. Когда он опускал свою гостию и становился на колени он слышал как второй звонок его колокольчика сливается с первым звонком в трансепте (он поднимает свой), а поднимаясь, слышал (теперь я поднимаю) как оба колокольчика (он становится на колени) звенят дифтонгом.

Кузен Стивен^[128], вам никогда не бывать святым. Остров святых.^[129] Ведь ты был прямо по уши в святости, а? Молился Пресвятой Деве, чтобы нос был не такой красный. Молился дьяволу на Серпентайн-авеню, чтобы дородная вдова впереди еще повыше задрала бы юбки из-за луж. O si, certo!²³ Продай за это душу, продай, за крашенные тряпки, подоткнутые бабенкой. И еще мне порасскажи, еще! На верхней площадке трамвая в Хоуте один вопил в дождь: *голые бабы!* Что скажешь про это, а?

Про что про это? А для чего еще их выдумали?

А не набирал что ни вечер по семи книг, прочесть из каждой по две страницы? Я был молод. Раскланивался сам с собой в зеркале, пресерьезно выходил на аплодисменты, паразитическое лицо. Ура отпетому идиоту! Урря! Никто не видел – никому не рассказывай. Собирался написать книги, озаглавив их буквами. А вы прочли его «Ф»? Конечно, но я предпочитаю «К». А как изумительна «У». О да, «У»! Припомни свои эпифании^[130] на зеленых овальных листьях, глубочайше глубокие, копии разослать в случае твоей кончины во все великие библиотеки, включая Александрийскую. Кому-то предстояло их там прочесть через тысячи лет, через махаманвантару^[131]. Как Пико делла Мирандола^[132]. Ага, совсем как кит.^[133] Читая одну за одной^[134] страницы одинокого однодума кого уж нет не одну сотню лет будто сливаешься заодно с тем одиночкой который как-то однажды...

²⁰ Будь на страже! (*ит.*)

²¹ Входная ария (*ит.*)

²² Спустишь, плешивец, чтобы пуше не оплешивел (*лат.*)

²³ О да, бесспорно! (*ит.*)

Зернистый песок исчез у него из-под ног. Ботинки снова ступали по склизким скрипучим стеблям, острым раковинам, визгливой гальке, что по несметной гальке шелестит^[135], по дереву, источенному червями, обломкам Армады^[136]. Топкие окошки песка коварно подстерегали его подошвы, смердя сточными водами. Он осторожно обходил их. Пивная бутылка торчала по пояс в вязком песочном тесте. Часовой: остров смертельной жажды^[137]. Поломанные обручи у самой воды, на песке хитрая путаница почернелых сетей, подальше задние двери с каракулями мелом и выше по берегу веревка с двумя распятыми на ней рубахами. Рингсенд: вигвамы бронзовых шкиперов и рулевых. Раковины людей.

Он остановился. Прощел уже поворот к тете Сэре. Так что, не иду туда? Похоже, нет. Кругом ни души. Он повернул на северо-восток и через более твердую полосу песка направился в сторону Голубятни^[138].

– Qui vous a mis dans cette fichue position?

– C'est le pigeon, Joseph²⁴.^[139]

Патрис, отпущенный на побывку, лакал теплое молоко со мной в баре Макмагона. Сын дикого гуся^[140], Кевина Игена Парижского. Отец мой был птицей, он лакал lait chaud²⁵ розовым молодым языком, пухлая мордочка, как у кролика. Лакай, lapin²⁶. Надеется выиграть в gros lots²⁷. О женской природе он читал у Мишле^[141]. Но он мне должен прислать «La Vie de Jésus»²⁸ мсье Лео Таксиля. Одолжил какому-то другу. – C'est tordant, vous savez. Moi, je suis socialiste. Je ne crois pas en l'existence de Dieu. Faut pas le dire à mon père.

– Il croit?

– Mon père, oui.

Schluss²⁹. Лакает.

Моя шляпа в стиле Латинского квартала. Клянусь Богом, мы же должны держаться в образе. Желая бордовые перчатки. А ты ведь учился, верно? Чему только, ради всех чертей? Ну как же: эфхабе. Физика-химия-биология. А-а. Съедал на грош mon en civet³⁰, мяса из котлов фараоновых^[142], втиснувшись между рыгающими извозчиками. Скажи этак непринужденно: когда я был в Париже, знаете, Буль-Миш^[143], я там имел привычку. Да, привычку носить с собой старые билеты, чтобы представить алиби, если обвинят в каком-нибудь убийстве. Правосудие. В ночь на семнадцатое февраля 1904 года арестованного видели двое свидетелей. Это сделал другой: другой я.^[144] Шляпа, галстук, пальто, нос.^[145] Lui, c'est moi³¹. Похоже, что ты не скучал там.

Гордо вышагивая. А чьей походке ты пробовал подражать? Забыл: кто-то там обездоленный.^[146] В руках перевод от матери, восемь шиллингов, и перед самым носом швейцар захлопывает дверь почты. Зубы ломит от голода. Encore deux minutes³². Посмотрите на часы. Мне нужно получить. Fermé³³. Наемный пес! Ахнуть в него из дробовика, разнести в кровавые ключья, по всем стенкам человечьи ключья медные пуговицы. Ключья фрррр фрррр шелк – все на место. Не ушиблись? О нет, все в порядке. Рукопожатие. Вы поняли, о чем я? О, все в порядке. Пожапожатие. О, все в полном порядке.

²⁴ – Кто же тебя привел в это положеньеце? – Да голубь, Иосиф (фр.).

²⁵ Теплое молоко (фр.).

²⁶ Кролик (фр.).

²⁷ Лотерея (фр.).

²⁸ «Жизнь Иисуса» (фр.).

²⁹ – Знаете, прямо обхохочешься. Я сам социалист. Я в существование Бога не верю. Только отцу моему не говорите. – А он верующий? – Отец-то, да (фр.). Закончили (нем.).

³⁰ Похлебка из легких (фр.).

³¹ Он – это я (фр.).

³² Еще без двух минут (фр.).

³³ Закрыто (фр.).

Ты собирался творить чудеса, да? В Европу миссионером, по стопам пламенного Колумбана. На небе Фиакр и Скотт^[147] даже из кружек пролили, громопокатываясь с латиносмеху на своих табуретках: Euge! Euge!³⁴ Нарочно коверкая английский, сам тащил чемодан, носильщик три пенса, по скользкому причалу в Ньюхейвене. Comment?³⁵ Привез знатные трофеи: «Le Tutu»³⁶, пять истрепанных номеров «Pantalon Blanc et Culotte Rouge»³⁷, голубая французская телеграмма, показать как курьез:

– Нать умирает возвращаясь отец.

Тетка считает, ты убил свою мать. Поэтому запретила бы.

За тетку Маллигана бокал
Мы выпьем дружно до дна.
Она приличья свято блюдет
В семье у Ханнигана.^[148]

Ноги его зашагали в неожиданном гордом ритме по песчаным ложбинкам, вдоль южной стены из валунов. Он гордо глядел на них, мамонтовы черепа тесаного камня. Золотистый свет на море, на валунах, на песке. Там солнце, гибкие деревца, лимонные домики.

Париж просыпается^[149], поеживаясь, резкий свет солнца заливает его лимонные улицы. Дух теплых хлебцев и лягушино-зеленого абсента, фимиамы парижской заутрени, ласкают воздух. Проказник встает с постели жены любовника своей жены, хлопочет хозяйка в платочке, в руках у ней – блюде с уксусной кислотой. У Родо Ивонна и Мадлен подновляют свои помятые прелести, сокрушая золотыми зубами chaussons³⁸, рты у них желтые от pus³⁹ из flan breton⁴⁰. Мелькают мимо лица парижских Парисов, их угодников, которым на славу угодили, завитых конкистадоров.

Полуденная дрема. В пальцах, черных от типографской краски, Кевин Иген катает начиненные порохом сигареты, потягивая зеленое зелье, как Патрис белое. Кругом нас обжоры яро запихивают себе в глотки наперченные бобы. Un demi setier!⁴¹ Струя кофейного пара над блестящим котлом. По его знаку она подходит ко мне. Il est irlandais. Hollandais? Non fromage. Deux irlandais, nous, Irlande, vous savez? Ah, oui!⁴² Она решила, вы хотите голландского сыру. На послетрапезное, слышали это слово? Послетрапезное. Я знал одного малого в Барселоне, такой, со странностями, он всегда это называл послетрапезным. Ну что же, slainte!⁴³ Над мраморными столиками смешенье хмельных дыханий, урчащих рыл. Его дыхание нависает над нашими тарелками в пятнах соуса, меж губ зеленые следы абсента. Об Ирландии, о Далькассиях, о надеждах и заговорах, теперь об Артуре Гриффите. Чтобы и я с ним впрягся в одно ярмо, наши преступления – наше общее дело. Вы сын своего отца. Я узнаю голос. Испанские кисти на его бумазейной рубахе в кроваво-красных цветах трепещут от его тайн. Мсье Дрюмон, знаменитый журналист, знаете, как он назвал королеву Викторию? Старая желтозубая ведьма. Vieille ogresse с dents jaunes⁴⁴. Мод Гонн, изумительная красавица, «La Patrie»⁴⁵, мсье Мильвуа,

³⁴ Славно! Славно! (*греч.*)

³⁵ Как? (*фр.*)

³⁶ «Балетная пачка» (*фр.*).

³⁷ «Белые панталоны и красные рейтузы» (*фр.*).

³⁸ Слоеные пирожки (*фр.*).

³⁹ Гной (*фр.*).

⁴⁰ Бретонское пирожное (*фр.*).

⁴¹ Полчашечки! (*фр.*)

⁴² Он ирландец. Голландский? Не сыр. Мы двое ирландцев, Ирландия, понимаете? А, да-да! (*фр.*)

⁴³ Будем здоровы! (*ирл.*)

⁴⁴ Старая людоедка [с] желтыми зубами (*фр.*).

Феликс Фор, знаете, как он умер?^[150] Эти сластолюбцы. Фрекен, *bonne à tout faire*⁴⁶, растирает мужскую наготу в бане в Упсале. *Moi faire*, говорит. *Tous les messieurs*⁴⁷. Только не этому мсье, я говорю. Этакий распутный обычай. Баня дело интимное. Я даже брату бы не позволил, родному брату, это суший разврат. Зеленые глаза, вижу вас. Чую абсент. Развратные люди.^[151]

Голубым смертоносным огоньком разгорается фитиль меж ладоней. Рыхлые волокна табака занимаются; пламя и едкий дым освещают наш угол. Грубые скулы под его фуражкой ольстерского боевика^[152]. Как бежал главный центр^[153], подлинная история. Переоделся новобрачной, представляете, фата, флердоранж, и укатил по дороге на Малахайд. Именно так, клянусь. Об ушедших вождах^[154], о тех, кого предали, о безумных побегах. Переодетые, пойманные, сгинувшие – их больше нет.

Отвергнутый влюбленный. В ту пору, надо вам сказать, я был этакий деревенский здоровяк, как-нибудь покажу карточку. Клянусь, был таким. Влюбленный, ради ее любви он прокрался с полковником Ричардом Берком, таном своего клана, к стенам Клеркенеуэллской тюрьмы^[155] и сквозь туман видел, припав к земле, как пламя мщениия швырнуло их вверх. Обращаются в осколки стекло и камень. В веселом городке Париже скрывается он, Иген Парижский, и никто не разыскивает его, кроме меня. Его дневные пристанища, обшарпанная печатня, его три трактирчика да логово на Монмартре, где коротает он недолгие ночные часы, на рю де ла Гутт-д'Ор, дорогое убранство по стенам – засиженные мухами лица ушедших.^[156] Без любви, без родины, без жены. А она себе поживает тепло и мило без своего изгнанника, эта мадам на рю Жи-ле-Кер, с канарейкой и двумя франтами-постояльцами. Щечки с пушком, полосатая юбка, игривость, как у молоденькой. Отвергнутый и неунывающий. Скажите Пэту, вы меня видели, хорошо? Я как-то пробовал приискать ему, бедняге, работу. *Mon fils*⁴⁸, солдат Франции. Я его учил петь «Ребята в Килкенни лихие удалцы». Знаете эту старую песню? Я научил ей Патриса. Старый Килкенни: святой Канис, замок Стронгбоу на Норе.^[157] А мотив такой: *эй-эй*. За руку Нэппер Тэнди взял меня.^[158]

Э-эй, ребята
В Килкенни...

Слабая высохшая рука на моей руке. Они забыли Кевина Игена, но не он их. Воспомню тебя, о Сионе.^[159]

Он подошел ближе к морю, сырой песок облепил подошвы. Свежий ветер приветно пахнул в лицо, буйный ветер, напоенный лучами, бередящий, как струны, буйные нервы. Я что, собрался идти до самого маяка? Он резко остановился, ноги тут же начали вязнуть. Назад.

Повернув, он оглядел берег к югу, ноги снова начали вязнуть, в новых лунках. Вон башня, холодная сводчатая комната ждет. Снопы света из окон безостановочно движутся, медленно и безостановочно, как вязнут ноги в песке, ползут к сумеркам по полу-циферблату. Синие сумерки, опускается ночь, синяя глубокая ночь. В сводчатой темноте они ждут, их отодвинутые стулья и мой чемодан-обелиск, вокруг стола с оставленными тарелками. Кому убирать? Ключ у него. Я не буду спать там сегодня ночью. Безмолвная башня с закрытой дверью погребла в себе их слепые тела, сахиба – охотника на пантер и его пойнтера. Зов безответен. Он вытащил увязшие ноги и двинулся назад вдоль дамбы из валунов. Все берите, владейте всем. Со мной шагает душа моя, форма форм. Так в лунные стражи торю я тропу над черно-серебристыми скалами, слыша искуcительный поток Эльсинора.^[160]

⁴⁵ «Родина» (*фр.*).

⁴⁶ Прислуга за все (*фр.*).

⁴⁷ Моя делать... все господа (*фр.*).

⁴⁸ Мой сын (*фр.*).

Поток догоняет меня. Могу поглядеть отсюда, как он прокатит. Потом обратно дорогой на Пулбег, от воды подальше. Он пробрался по скользким водорослям, через осоку, и уселся на скальный стул, пристроив тросточку в расселину.

Вздувшийся труп собаки валялся на слое тины. Перед ним лодочный планшир, потонувший в песке. *Un coche ensablé*⁴⁹, назвал Луи Вейю прозу Готье.^[161] Эти грузные дюны – язык, принесенный сюда приливом и ветром. А там каменные пирамиды мертвых строителей, садки злобных крыс. Там прятать золото. Попробуй. У тебя есть. Пески и камни. Обремененные прошлым. Игрушки сэра Лута^[162]. Берегись, как бы не получить по уху. Я свирепый великан, тут валуны валяю и по костям гуляю. Фу-фу-фу. Чую, ирландским духом пахнет.

Точка, увеличиваясь на глазах, неслась на него по песчаному пространству: живая собака. О Боже, она набросится на меня? Уважай ее свободу. Ты не будешь ничьим господином и ничьим рабом. У меня палка. Сиди спокойно. Подальше наискось бредут к берегу из пенистого прилива чьи-то фигуры, две. Две Марии^[163]. Надежно ее укрыли в тростниках. Прятки. Я тебя вижу. Нет, собаку. Бежит обратно к ним. Кто?

Ладьи лохланнов причаливали тут к берегу в поисках добычи, кроваво-клювые носы их низко скользили над расплавленным оловом прибора. Датчане-викинги, бармы томагавков блесят на груди у них, как храбрый Мэйлахи^[164] носил на шее обруч золотой.^[165] Стая кашалотов^[166] прибилась к берегу в палящий полдень, пуская фонтаны, барахтаясь на мели. И тут, из голодного города за частоколом – орда карликов в кургузых полукафтанных, мой народ, с мясницкими ножами, бегут, карабкаются, кромсают куски зеленого, ворванью пропахлого мяса. Голод, чума и бойни. Их кровь в моих жилах, их похоти бурлят во мне. Я шел среди них по замерзшей Лиффи, другой я, подменыш, среди плюющихся смолой костров. Не говорил ни с кем; и со мной никто.

Собачий лай приближался, смолкал, уносился прочь. Собака моего врага.^[167] Я стоял неподвижно, безмолвный, бледный, затравленный. *Terribilia meditans*⁵⁰. Лимонный камзол^[168], слуга фортуны^[169], посмеивался над моим страхом. И это тебя манит, собачий лай их аплодисментов? Самозванцы: прожить их жизни. Брат Брюса, Томас Фицджеральд, шелковый рыцарь, Перкин Уорбек, лжеотпрыск Йорка, в бело-розовых шелковых штанах, однодневное диво, и Лэмберт Симнел, со свитой карлов и маркитантов, венчанный поваренок.^[170] Все королевичи. Рай для самозванцев и тогда и теперь. Он спасал утопающих, а ты боишься визга дворняги. Но придворные, что насмеялись над Гвидо в Ор-сан-Микеле,^[171] были у себя в доме. В доме... На что нам твоя средневековая заумь! Сделал бы ты, как он? Рядом была бы лодка, спасательный буй. *Natürlich*⁵¹, для тебя специально. Сделал бы или нет? Человек, утонувший девять дней назад возле Мэйденрок. Сейчас ждут всплытия. Скажи-ка начистоту. Я хотел бы. Я попытался бы. Я слабовато плаваю. Вода холодная, мягкая. Когда я окунул голову в таз, в Клонгоузе. Ничего не вижу! Кто там за мной? Скорей обратно, скорей! Видишь, как быстро прилив прибывает со всех сторон, как быстро заполняет все ложбинки песков, цвета шелухи от бобов какао? Если бы под ногами была земля. И все равно хочу, чтобы его жизнь была его, а моя моей. Утопленник. Его человечесьи глаза кричат мне из ужаса его смерти. Я... Вместе с ним на дно... Я не мог ее спасти. Вода – горькая смерть – сгинул.

Женщина и мужчина. Вижу ее юбочки. Похоже, подоткнуты.

Их пес суетился возле осыпающейся грядки песка, рыскал вокруг, обнюхивая со всех сторон. Что-то ищет, что потерял в прошлой жизни. Внезапно он помчался, как заяц, уши назад, погнавшись за тенью низко летящей чайки. Резкий свист мужчины ударил в его вислые уши. Он повернул и помчался назад, приблизился, мелькающие лапы перешли на рысцу.

⁴⁹ Повозка в песке (*фр.*).

⁵⁰ Ужасное помышляя (*лат.*).

⁵¹ Конечно (*нем.*).

В червленом поле олень бегущий, цвета природного, без рогов.^[172] У кружевной кромки прилива остановился, упершись передними копытами, насторожив уши к морю. Задравши морду, обляял шумные волны, стада моржей. Они подползали к его ногам, закручиваясь кольцами, вспенивая, каждая девятая, белый гребень, разбиваясь, расплескиваясь, издалека, из дальнего далека, волны и волны.

Сборщики моллюсков. Они зашли в воду, нагнувшись, окунули свои мешки, вытащили, вышли обратно. Пес с визгом подбежал к ним, вскинулся на них лапами, потом опустил лапы на песок, потом снова вскинул их на хозяев с немой медвежеватой лаской. Оставленный без взаимности, он потрусил следом за ними на сухое, и тряпка волчьего языка краснопыхтела из пасти. Пятнистое его тело трусцой выдвинулось вперед, потом вдруг припустило телячьим галопом. Собачий труп лежал у него на пути. Он остановился, обнюхал, обошел кругом, братец, обнюхал тщательней, сделал еще один обход, быстро, по-собачьи, обнюхивая всю грязную шкуру дохлого пса. Песий череп, песий нюх, глаза в землю, движется к единой великой цели. Эх, пес-бедолага! Здесь лежит тело пса-бедолагы.

– Падаль! Живо оттуда, псина!

Присмирив от окрика, он вернулся, и несильный пинок босой хозяйской ноги швырнул его, сжавшегося на лету, за грядку песка. Подался обратно, описав вороватую кривую. Не видит меня. У края дамбы задержался, посуетился, обнюхал валун и помочился на него, задрав заднюю ногу. Потрусил вперед, задрал снова заднюю ногу и быстро, коротко помочился на необнюханный валун. Простые радости бедняков. Потом задние лапы стали раскидывать песок; потом передние принялись грести, рыть. Что-то он тут хоронит, бабку свою. Он вгрызлся в песок, разгребая, раскидывая; остановился, прислушался, снова принялся рыть яростными когтями, но вскоре перестал, леопард, пантера, зачатый в прелюбодействе, пожирающий мертвых.^[173]

После того как он меня разбудил этой ночью, тот же самый сон или? Постой. Открытая дверь. Квартал проституток. Припомни. Гарун-аль-Рашид. Ага, постепенькаю. Тот человек вел меня и говорил что-то. Я не боялся. У него была дыня, он ее поднес мне к лицу. Улыбался; сливками пахнул плод. Таков обычай, сказал он. Входи. Красный ковер расстелен. Увидишь кто.

Взвалив на плечи мешки, тащились они, краснокожие египтяне. Цыгане.^[174] Его посиленные ноги в подвернутых штанах шлепали по сырому липучему песку, темно-кирпичный шарф охлестнул небритую шею. Женской походкой она семенит за ним: разбойник и его девка. Добыча их болтается у нее за спиной. Босые ноги ее облеплены песком, осколками ракушек, волосы распушились вокруг обветренного лица. За своим господином его сподручница – в град столичный. Когда ночь скроет изъяны тела, она зазывает, закутанная в темную шаль, из подворотни, где гадят псы. Дружок ее угощает двух королевских стрелков у О'Локлина на Блэк-питтсе. А подружка, это по их блатной музыке маруха, потому что «Эх, фартовая маруха». Белизна дьяволицы под ее вонючими тряпками. В ту ночь на Фамболли-лейн: смердящая сыромятня.

Эх, фартовая маруха,
На молодчика присуха!
Маркоташки-голубки,
Выйди в ночку под дубки.^[175]

Безотрадное услаждение называет это пузатый Аквинат, *frate porcospino*⁵².^[176] Адам непадший покрывал и не ведал похоти. Пускай распевает: *Маркоташки-голубки*. Язык ничуть

⁵² Брат-дикобраз (*ит.*).

не хуже, чем у него. Речь монахов, четки бормочут у поясов; блатная речь, литое золото брякает в карманах.

Проходят мимо.

Покосились на мою Гамлетову шляпу. Если бы я тут вдруг оказался голым? Я не гол. Через пески всего мира, на запад, к закатным землям их путь, за ними пламенный меч солнца.^[177] Она влачит, транспортирует, шлептит, тащит, трашинит бремя свое.^[178] Прилив по пятам за ней, влекомый луной на запад. Приливы с мириадами островов у нее внутри, кровь, не моя, *ойнопа понтон*, виноцветное море. Се раба лунная.^[179] Во сне влажный знак будит ее в урочный час, восстать побуждая с ложа. Брачное ложе, детское ложе, ложе смерти в прозрачном свете свечей. *Omnis caro ad te veniet*⁵³.^[180] Грядет он, бледнолицый вампир, сверкают глаза сквозь бурю, паруса, крылья нетопыря, кровавят море, уста к ее лобзающим устам.^[181]

Так. Пришпилим-ка этого молодца, а? Где грифель мой.^[182] Уста ее в лобзанье. Нет. Надо, чтоб были двое. И склей их вместе. Уста к ее лобзающим устам.

Его губы ловили и лобзали бесплотные губы воздуха: уста к тому, чем породила. Иила, лоно всех могила. Уста округлились, но выпускали одно дыхание, бессловесно: ооиииаа: рев рушащихся водопадом планет, шарообразных, раскаленных, ревущих: прочь-прроочь-прроочь-прроочь. Бумаги мне. Деньги, разрази их. Письмо старины Дизи. Вот. Благодарю за предоставленную возможность оторвать свободный клочок. Повернувшись к солнцу спиной и низко склонившись к каменному столу, он принялся строчить слова. Второй раз забываю взять чистые бланки в библиотеке.

Тень его лежала на скале, над которой он склонился, оканчиваясь. А почему не бесконечна, не до самой дальней звезды? Они темны там, за пределами света, тьма в свете светит, дельта Кассиопеи, миры. Мое «я» сидит здесь с ясеневым жезлом жреца, в заемных сандалиях, днем возле свинцово-серого моря, незримо, в лиловой ночи движется под эгидою загадочных звезд. Я отбрасываю от себя эту оконеченную тень, неотменимый антропоконтур, призываю ее обратно. Будь бесконечна, была бы она моей, формой моей формы? Кто здесь видит меня? Кто прочтет где-нибудь и когда-нибудь слова, что я написал? Значки по белому полю. Кто-нибудь и кому-нибудь твоим самым сладкозвучным голосом. Добрый епископ Клойнский извлек храмовую завесу из своей пасторской шляпы: завесу пространства с цветными эмблемами, вышитыми по ее полю.^[183] Постой, подумай. Цветные на плоском: да, именно. Я вижу плоское, а мыслю расстояние, вблизи, вдали, а вижу плоское, на восток, сзади. Ага, понятно! Внезапно падает и застывает в стереоскопе. Щелк – и весь фокус. Вам кажутся темными мои слова. Тьма в наших душах, этого вам не кажется? Сладкозвучней. Наши души, стыдом язвимые за наши грехи, еще теснее льнут к нам, как женщина, льнущая к возлюбленному, теснее, еще теснее.

Она доверяется мне, у нее нежная рука, глаза с длинными ресницами. Куда только, шут меня возьми, я тащу ее за завесу? В неотменимую модальность неотменимой зримости. Она, она, она. Что она? Дева у витрины Ходжеса Фиггиса^[184] в понедельник, искала одну из тех алфавитных книг, что ты собирался написать. Ты в нее так и впился взглядом. Запястье продето в плетеную петлю зонтика. Живет в Лисон-парке, на чувствах и розовых лепестках, литературная дама. Рассказывай, Стиви^[185]: просто уличная. Клянусь, она носит эти уродские пояса с резинками и желтые чулки, штопанные толстой шерстью. Поговори про яблочные пирожки, *piuttosto*⁵⁴. И где твой разум?

Коснись меня. Мягкий взгляд. Мягкая мягкая мягкая рука. Я одинок здесь. О, коснись меня скорее, сейчас. Что это за слово, которое знают все?^[186] Я здесь один, я тих. Я печален. Коснись же, коснись меня.

⁵³ К Тебе прибегает всякая плоть (*лат.* Пс. 64, 3).

⁵⁴ Здесь: лучше (*ит.*).

Он растянулся навзничь на острых скалах, засунув в карман карандаш и исписанный клочок, надвинув на глаза шляпу. Это в точности жест Кевина Игена, когда он устраивается вздремнуть, посубботствовать. *Et vidit Deus. Et erant valde bona*⁵⁵. Алло! Бонжур, добро пожаловать, рады вам, как майским цветам.^[187] Под ее укрытием сквозь павлиньих подрагиванье ресниц он глядел на южнеющее солнце. Тут как в раскаленной печи. Час Пана, полуденный отдых фавна. Среди соконалитых змеерастений, млекоточивых плодов, где широко раскинулись листья на бронзовоцветных водах. Боль далеко.^[188]

Не прячь глаза и не скорби.

Взор его поскорбел над тупоносими башмаками, быка обносками *pebeneinander*. Он сосчитал вмятины на покоробленной коже, в которой удобно гнездилась прежде нога другого. Нога, что мерно пристукивала по земле, неприятная мне нога. Ты был, однако, в восторге, когда башмачок Эстер Освальт^[189] подошел тебе, знакомая девица в Париже. *Tiens, quel petit pied!*⁵⁶ Верный друг, братская душа: любовь Уайльда, та, что назвать себя не смеет.^[190] Теперь он бросит меня. А чья вина? Каков я есть. Каков я есть. Все или ничего.^[191]

Длинными упругими петлями струился поток из озера Кок^[192], зелено-золотистым заполняя песчаные лагуны, набирая силу, струясь. Этак тросточка моя уплывет. Подожду. Нет, минует, ударяясь в низкие скалы, завиваясь в воронки, минуя. Давай лучше побыстрее с этим делом. Слушай: четырехсловная речь волн – *сиссс суссс пыссс фес*. Ярое дыхание вод среди морских змеев, вздыбленных коней, скал. Они плещутся в чашах скал: плеск – плям – плен: пленены в бочках. И, иссякая, речь их стихает. Они льются, журча, широко разливаясь, неся гроздь пены, распускающиеся цветы.

Он видел, как под закипающим приливом извиваются водоросли^[193], истомленно поднимая и колебля слабо противящиеся руки, задирая подолы, в шепчущих струях колебля и простирая вверх робкие серебристые ростки. День за днем, ночь за ночью, захлестнуты – вздымаются – опадают вновь. Боже, они устали; и под шепот струй к ним, вздыхают. Святому Амвросию^[194] вняты были эти вздохи волн и ветвей, ждущих, жаждущих исполнения своих сроков: *diebus ac noctibus iniurias patiens ingemiscit*⁵⁷. Без цели собраны, без пользы отпущены: склонятся вперед – вернуться назад: ткацкий станок луны. Как они, истомленная, под взглядами любовников, сластолюбивых мужчин, нагая женщина, сияющая в своих чертогах, влачит она бремя вод.

Там будет саженой пять. Отец твой спит на дне морском^[195], над ним саженой пять. В час, он сказал. Найден утопленник. Полный прилив на Дублинской отмели. Гонит перед собой наносы гальки, случайные ракушки, широкие стаи рыбы. Труп, выбеленный солью, всплывает из отката, покачивается к берегу, едет-едет сам-сам, самец. Вон он. Цепляй живо. Хотя над ним волны сомкнулись очертанья. Готово, наш. Полегче теперь.

Мешок трупных газов, сочащийся зловонной жижей. Стайка мальков, отъевшихся на рыхлом лакомстве, стрелой вылетает через щели его застегнутой ширинки. Бог стал человеком человек рыбой рыба гагарой гагара перинной горой^[196]. Дыханьями мертвых дышу я живой, ступаю по праху мертвых, пожираю мочой пропитанную требуху от всех мертвых. Мешком переваленный через борт, он испускает смрад своей зеленой могилы, лепрозная дыра носа храпит на солнце.

⁵⁵ И увидел Бог... и вот, хорошо весьма (*лат.* Быт. 1, 31).

⁵⁶ Смотри-ка, какая маленькая нога! (*фр.*)

⁵⁷ Денно и ношно, претерпевая несправедливости, стонает (*лат.*).

Морской сюрприз, соль высинила карие глаза. Морская смерть^[197], мягчайшая из всех, ведомых человеку. Древний отец Океан.^[198] Парижский приз – остерегайтесь подделки. Рекомендуем проверить. Мы получили огромное удовольствие.

Ступай. Пить хочется. Собираются облака. А тучи где-нибудь есть, нет? Гроза.^[199] Сверкающая, он низвергается, гордая молния разума,^[200] *Lucifer, dico, qui nescit occasum*⁵⁸. Нет. В шляпе, с посохом бреду, башмаки стучат.^[201] Его-мои башмаки. Куда? В закатные земли, в страну вечернюю. Вечер обретет себя.

Он взял тросточку за эфес, сделал ею легкий выпад, еще в нерешительности. Да. Вечер обретет себя во мне – без меня. Все дни приходят к концу. Кстати, на той неделе, когда там во вторник самый длинный день. Несет нам радость новый год, о мать, тарам-пам-пам.^[202] Благородному поэту Лаун-Теннисону. *Già*⁵⁹. Старой желтозубой ведьме. И мсье Дрюмону, благородному журналисту. *Già*. А зубы у меня совсем плохие. Почему, интересно? Пощупай. Этот тоже шатается. Скорлупки. Надо бы, наверно, к зубному на эти деньги, а? И тот. Беззубый Клинок, сверхчеловек.^[203] Почему это, интересно, или, может, тут что-то кроется?

Платок мой. Он забрал. Помню. А я назад не забрал?

Рука тщетно пошарила в карманах. Нет, не забрал. Лучше другой купить.

Он аккуратно положил сухую козявку, которую уколупнул в носу, на выступ скалы. Желющие пусть смотрят.

Позади. Кажется, кто-то есть.

Он обернулся через плечо, взирая назад. Пронся в воздухе высокие перекладыны трех мачт, с парусами, убранными по трем крестам салингов, домой, против течения, безмолвно скользя, безмолвный корабль.

⁵⁸ Люцифер, говорю я, который не знает падения (*лат.*).

⁵⁹ Уже (*ит.*).

II. Странствия Улисса

4. Калипсо

[204]

Мистер Леопольд Блум с удовольствием ел внутренние органы животных и птиц. Он любил жирный суп из гусиных потрохов, пупки с орехами, фаршированное сердце, печенку, поджаренную ломтиками в сухарях, жареные наважьи молоки. Всего же больше любил он бараньи почки на углях, которые оставляли во рту тонкий привкус с отдаленным ароматом мочи.

Почки не выходили из головы у него, пока он, стараясь тихо ступать, собирал для нее завтрак на горбатом подносе. На кухне было прохладно, даже зябко, хотя за окном стояло летнее погожее утро. Это как-то еще разжигало аппетит.

Уголь в очаге разгорался.

Хлеб с маслом: еще ломтик – три, четыре – и хватит. Она не любит, когда гора на тарелке. Хватит. Отойдя от подноса, он снял с полки чайник и поставил на огонь сбоку. Чайник сел тусклой глыбой, выставив торчком хобот. Скоро поспеет. Хорошо. Во рту сухо.

Кошка ходила на прямых лапах вокруг ножки стола, хвост кверху.

– Мррау!

– А, вот ты где, – сказал мистер Блум, оборачиваясь от очага.

Кошка мяукнула в ответ и продолжала путь вокруг ножки, ступая на прямых лапах, мяукая. Вот так же она разгуливает по моему письменному столу. Мурр. Почешу за ушком. Мурр.

Мистер Блум с добродушным интересом поглядел на черное гибкое существо. Ладный вид: шерстка гладкая и блестит, белая пуговка под хвостом, глаза зеленые, светятся. Он нагнулся к ней, упершись ладонями в колени.

– Молочка киске!

– Мррау! – громко мяукнула она.

Говорят, они глупые. Они понимают, что мы говорим, лучше, чем мы их понимаем. Вот эта все что хочет поймет. И злопамятная. Интересно, каким я ей кажусь. Вышиной с башню? Нет, она ведь может на меня вспрыгнуть.

– А цыплят боится, – поддразнил он ее. – Боится цып-цыпочек. В жизни не видал такой глупой киски.

Жестокая. Это у них в природе. Странно, что мыши при этом не пищат. Как будто им нравится.

– Мгррау! – мяукнула она громче.

Глаза ее, жадные, полуприкрытые от стыда, моргнули, и жалобно, протяжно мяукнув, она выставила свои молочно-белые зубки. Он видел, как сужаются от жадности черные щелки ее зрачков, превращая глаза в зеленые камешки. Подойдя к шкафу, он взял кувшин, свеженаполненный разносчиком от Ханлона, налил на блюдце теплопузырчатого молока и осторожно поставил блюдце на пол.

– Мяв! – взвизгнула она, кидаясь к еде.

Он смотрел, как металлически поблескивают ее усы в тусклом свете и как, трижды примерившись, она легко принялась лакать. Правда или нет, что, если усы подрезать, не сможет охотиться. Почему бы? Может, кончики светят в темноте. Или служат как щупики, возможно.

Он слушал, как она лакает. Яичницу с ветчиной не стоит. В такую сушь яйца нехорошо. Хочется свежей, чистой воды. Баранью почку у Бакли сегодня тоже не стоит: четверг. Обжарить в масле – и с перчиком. Лучше свиную почку у Длугача. Пока чайник не закипел. Она лакала

все медленней, потом вылизала блюдце. Почему у них языки такие шершавые? Лакать удобней, сплошь пористые, в дырочках. Ничего она тут не слопает? Он поглядел кругом. Ничего.

Тихо поскрипывая подошвами, он поднялся по лестнице в переднюю и стал у дверей спальни. Может, она захочет чего-нибудь повкусней. Обычно предпочитает небольшие бутербродики утром. Но все-таки – вдруг.

Он проговорил негромко, стоя в пустой передней:

– Я схожу за угол. Через минуту вернусь.

Услышал звуки своего голоса, добавил:

– Тебе чего-нибудь не захватить к завтраку?

Мягкий и сонный голос пробормотал в ответ:

– Нне.

Нет. Ничего не хочет. Затем послышался глубокий парной вздох, еще мягче, это она повернулась в постели, и разболтанные медные кольца звякнули. Надо, чтоб подтянули. Жаль. Из Гибралтара, неблизкий путь. Совсем забыла испанский, и ту малость, что знала. Интересно, сколько папаша за нее заплатил. Фасон старинный. Ах да, конечно. С губернаторского аукциона. По знакомству. По части денег старина Твиди кремень. Да, сэр. Было дело под Плевной. Я вышел из рядовых, сэр, и горжусь этим. Но все-таки хватило ума проверить дельце с марками. Проявил дальновидность.

Рука его сняла шляпу с крючка над толстым пальто с его монограммой и над ношеным плащом с распродажи забытых вещей. Марка: картинка, а сзади клей. Наверняка из офицеров многие этим промышляют. Что говорить. Пропотевшее клеймо на дне шляпы молча сообщило ему: Плестуоу, шляпы-лю. Он заглянул воровато за кожаный ободок. Белая полоска бумаги. Надежное место.

На крыльце он ощущал брючный карман: тут ли ключ. Нету. В тех, что оставил. Надо бы взять. Картофелина^[205] на месте. Гардероб скрипит. Не стоит ее тревожить. Была совсем сонная. Он притянул дверь к себе, осторожно, еще чуть-чуть, пока защитная полоска внизу не прикрыла порожек усталым веком. На вид закрыто. Обойдется до моего прихода.

Он перешел на солнечную сторону, минуя открытый люк погреба в семьдесят пятом доме. Солнце приближалось к шпилю церкви Святого Георгия. Похоже, день будет жаркий. Когда в этом черном, особенно чувствуешь. Черное проводит, отражает (а может, преломляет?) тепло. Но в светлом костюме никак нельзя. Не пикник. От ощущения блаженного тепла глаза его часто жмурились. Фургон из пекарни Боланда лотки наш насущный но ей вчерашний больше по вкусу пироги горячая хрустящая корочка. Чувствуешь себя помолодевшим. Где-нибудь на востоке, вот таким утром, пуститься в путь на заре. Будешь двигаться впереди солнца – выиграешь у него день. А если все время так, то в принципе никогда не постареешь ни на один день. Идешь вдоль берега, в незнакомой стране, подходишь к городским воротам, там стража, тоже какой-нибудь служака с усищами старины Твиди опирается на этакую длинную пику. Бродишь по улицам под навесами. Головы прохожих в тюрбанах. Темные пещеры лавок, где торгуют коврами, внутри здоровенный турок, Свирепый турка, сидит, поджавши ноги, покуривая витой кальян. Крики разносчиков. Для питья вода с укропом, шербет. Слоняешься целый день. Можешь повстречать парочку грабителей. Ну и что, повстречаешь. Солнце к закату. Тени мечетей между колонн; мулла со свитком в руках. Дрожь по деревьям, сигнал, вечерняя свежесть. Прохожу дальше. Гаснущее золотое небо. Мать на пороге хижины. Зовет детишек домой на своем темном наречии. Из-за высокой стены звуки струн. Луна в ночном небе, лиловая, как новые подвязки у Молли. Звуки струн. Слушаешь. Девушка играет на этом инструменте, как же он называется, цимбалы. Идешь дальше.

А может быть, там все и не так. Начитался этой ерунды: по следам солнца^[206]. С сияющим солнцем на титуле. Он усмехнулся самодовольно. Как сказал Артур Гриффит про ту заставку над передовицей во «Фримене»: солнце гомруля восходит на северо-западе из пере-

улка за Ирландским банком. Он длил усмешку. В духе еврейских острот: солнце гомруля восходит на северо-западе.^[207]

Он приблизился к пивной Ларри О'Рурка. Из-под решетки погреба плыли влажные испарения портера. Через раскрытые двери бара несло имбирем, бросовым чаем и бисквитной трухой. Но заведение стоящее: как раз у трамвайного кольца. Скажем, Маколи там подальше: гиблое место. А если бы провели линию вдоль Северной окружной, от скотного рынка к набережным, цена тут же бы подскочила.

Лысая голова над занавеской. Прижимист старый пройдоха. Насчет рекламы с ним бесполезно. Что ж, в своем деле ему видней. Вон он, наш бравый Ларри, без пиджака, прислонясь к мешкам с сахаром, созерцает, как прислужник в фартуке орудует с ведром и шваброй. Саймон Дедал его отлично копирует, как он щурит свои глазенки. Знаете, я вам что скажу? Что же, мистер О'Рурк? Знаете, для японцев русские – только закуска к завтраку.

Стоп, надо перекинуться парой слов: может, про похороны. Бедняга Дигнам, вы уже слышали, мистер О'Рурк?

Сворачивая на Дорсет-стрит, он бодро окликнул в дверь:

– День добрый, мистер О'Рурк.

– Добрый день, добрый день.

– Хорошая погодка, сэр.

– Ничего не скажешь.

Откуда у них деньги берутся? Наезжают рыжаки-прислужники из графства Лейтрим, моют стаканы да сливают опивки в погреб. И вдруг, любуйтесь, он уже процветает, как новый Адам Финдлейтер или Дэн Таллон. А еще учесть конкуренцию. Повальная жажда. Неплохая головоломка: пересечь Дублин и не натолкнуться на кабак. Тут просто так не скопишь. Может, с пьяных имеют. Принес три, записал пять. Ну и что это? Там бобик, тут бобик⁶⁰, одни крохи. А может, на оптовых заказах. Станется с агентом поставщиков. Ты босса своего обработай, а навар пополам, идет?

Сколько он может взять за месяц на портере? Скажем, сбыл десять бочек. Скажем, он имеет десять процентов. Какие там десять. Пятнадцать. Он проходил мимо школы Святого Иосифа. Галдят, сорванцы. Окна настезь. Свежий воздух помогает запоминать. И хором полезно. Эйбиси дифиджи килумен опикью эрэтэ видаблью. Это мальчишки там? Да. Иништерк. Инишарк. Инишбоффин. Зубрят свою смехографию. Мою. Горы Блум.^[208]

Он остановился перед витриной Длугача, глядя на связки колбас, копченых и кровавых, темных и светлых. Пятнадцать помножить на. Цифры, ускользя, вертелись в его мозгу: он недовольно прогнал их. Глянцевитые кольца, туго начиненные мясом, насыщали его взгляд, и он безмятежно вдыхал пряный и парной запах вареной свиной крови.

Почка сочила кровь на блюдо с рисунком из ивовых ветвей: последняя. Он стоял у прилавка следом за соседской прислугой. Возьмет ее или нет? Она вычитывала по пунктам, держа в руке списочек. Руки потрескались: от стирки. И полтора фунта сосисок Денни. Взгляд его приковали мощные бедра. Вудс его фамилия. Чем занимается неизвестно. Жена уже старовата. Свежая кровь. Ухажеров не разрешают. Руки крепкие. Выбивала ковер на веревке. Серьезно выбивала, я вам скажу. Юбка сбилась на сторону, взлетала с каждым ударом.

Хореглазый свинопродавец свертывал низку сосисок толстыми, розовыми, как сосиски, пальцами. Эк тугомяса, что телка откормленная в стойле.

Он взял один листок из лежавшей стопки. Образцовая ферма в Киннерете, на берегу Тивериадского озера. Можно создать идеальный зимний санаторий. Мозес Монтефиоре^[209], я так и думал. Усадьба обнесена стеной, в смутной дымке пасущиеся стада. Он отставил от себя листок: интересно; прочесть повнимательней, пасущиеся стада в дымке, листок похрусты-

⁶⁰ Шиллинг (*жарг.*).

вал. Молоденькая белая телочка. Бывало, поутру на скотном рынке^[210]: ревут быки, клейменные овцы в загонах, шлепаются навоз, скотоводы чавкают по грязи в кованных сапогах, держа неошкуранные прутья, похлопывают скотину по мясистым задкам, гляди – первый сорт. Он заставлял себя невозмутимо держать листок, обуздывая волю и чувства, устремив в точку кроткий застывший взор. Юбка сбилась, взлетала каждый раз – рраз – рраз.

Свинопродавец захватил два листа из стопки, завернул первосортные сосиски, ослабил медную рожу.

– Пожалте, мисс.

С дерзкой ухмылкой она протянула ему монету в своей мощной руке.

– Благодарим, мисс. Сдача шиллинг три пенса. А вам, сэр?

Мистер Блум, не мешкая, показал. Догнать и пойти за ней, если недалеко еще, следом за колыхающимися окороками. Недурно, как первая утренняя картинка. Да поживей ты, тьфу. Куй железо, пока горячо. Она вышла из лавки, постояла на ярком солнце и двинулась ленивой походкой направо. Он вздохнул, выпустив воздух через нос: они никогда не понимают. Руки огрубели от стирки. И на ногах ногти с наростами. Изодранная темная власяница защищает все подступы. Укол от ее равнодушия разгорелся в груди у него до слабого наслаждения. Не тебе, другому: какой-то констебль на досуге тискал ее на Экклс-лейн. Они любят, когда есть за что подержаться. Первосортные сосиски. Ах-ах, я заблудилась, о мистер полисмен.

– Три пенса, сэр.

Рука его приняла влажную мякоть и опустила в боковой карман. Затем выудила из брючного кармана три монетки и положила на резиновые пупырышки. Они полежали миг, были мигом подсчитаны и мигом отправлены, одна за другой, в ящик кассы.

– Спасибо, сэр. Заходите.

Лисьи глазки, благодаря его, метнули испытующую искорку. Мистер Блум почти сразу же отвел взгляд. Нет – лучше не стоит – в другой раз.

– Всего доброго, – произнес он, уходя.

– Всего доброго, сэр.

Ни следа. Скрылась. Ну и ладно.

Он зашагал обратно по Дорсет-стрит, углубившись в чтение. Агендат Нетаим – товарищество плантаторов.^[211] Приобрести у турецкого правительства большие песчаные участки и засадить эвкалиптовыми деревьями. Дают отличную тень, топливо и строительный материал. Апельсиновые плантации и необъятные дынные бахчи к северу от Яффы. Вы платите восемьдесят марок, и для вас засаживают дунам земли маслинами, апельсинами, миндалем или лимонами. Маслины дешевле: для апельсинов нужно искусственное орошение. Ежегодно вам высылаются образцы урожая. Вас вносят в книги товарищества в качестве пожизненного владельца. Можете уплатить наличными десять, потом годовые взносы. Берлин W 15, Бляй-бтройштрассе, 34.

Не выйдет. Но что-то есть в этом.

Он видел стадо в знойной серебристой дымке. Пыльные серебристые маслины. Долгие безмятежные дни: уход за деревьями, сбор плодов. Маслины, кажется, кладут в банки? Дома несколько осталось, от Эндрюса. Молли сперва плевалась, теперь входит во вкус. Апельсины в папиросной бумаге укладывают в ящики. Другие цитрусы так же. Цитроны.^[212] Интересно, там ли еще бедняга Цитрон, на Сент-Кевин-пэрейд. И Мастянский со своей цитрой. Славные у нас были вечера. Молли в плетеном кресле Цитрона. Приятно взять в руки, плод восковой, прохладный, поддержишь, поднесешь к носу и вдохнешь аромат. Такой густой, сладкий, одуряющий аромат. Всегда такой же, из года в год. И по хорошей цене идут, Мойзел мне говорил. Арбьютес-плейс, Плизентс-стрит; добрые старые времена. Он говорил, нельзя ни малейшего изъяна.^[213] Проходят весь этот путь: Испания, Гибралтар, Средиземное море, Ближний Восток. Штабеля ящиков в Яффе на набережной, клерк их вычеркивает в гроссбухе, грузчики

в замасленных робах таскают. Вон этот, какбишьего, выходит от. Как ваши де? Не смотрит. Одна скука, когда встречаешь шапочного знакомого. Спина как у того норвежского капитана.^[214] Интересно, еще раз встречу его сегодня? Поливалка. Накликать дождь. На небеси и на земли.

Облако начало закрывать солнце: медленно, больше и больше, целиком. Серое. Вдалеке.

Нет, там не так. Бесплодный, голый, пустынный край. Вулканическое озеро, мертвое море: ни рыбы, ни водорослей, глубокая впадина в земле. Ветру не всколыхнуть эти воды, свинцово-серые, с ядовитыми испарениями. Это называется дождь серный; города долины – Содом, Гоморра, Едом.^[215] Мертвые имена. Мертвое море в мертвой стране, седой, древней. Древней сейчас. Она кормила древнейшее, изначальное племя. Сгорбленная старуха перешла улицу у лавки Кэссиди, цепко сжимая в когтях бутылку. Древнейший народ. Скитался в дальних краях, по всей земле, из плена в плен, плодясь, умирая, рождаясь повсюду. Земля же его лежит там. И больше не может уже родить. Мертва – старушина – седая запавшая пизда планеты.

Запустение.

Седой ужас опалил его плоть. Сложив листок, сунув его в карман, он повернул на Экклс-стрит, торопясь домой. Холодная маслянистость ползла по его жилам, леденя кровь; годы одевали его в соляной покров. Что же, такие мои дела. Ранняя рань, а на уме дрянь. Не с той ноги встал. Надо снова начать упражнения по Сэндоу.^[216] Стойку на руках. Кирпичные бурые дома в пезинах. Восемидесятый так и пустует. Почему бы? Всего двадцать восемь фунтов по оценке. Тауэрс, Баттерсби, Норт, Макартур: все окна первого этажа в билетиках. Нашлепки на больном глазу. Вдохнуть теплый парок от чайника, дымок от масла на сковородке. Подойти поближе к ней, полнотелой, в теплой постели. Да, да.

Стремительные жаркие лучи солнца примчались от Беркли-роуд, проворные, в легких сандалиях, по просиявшему тротуару. Вон она, вон она стремится навстречу мне, девушка с золотыми волосами по ветру.

Открытка и два письма на полу в прихожей. Он, наклонившись, поднял. Миссис Мэрион Блум.^[217] Стремительный ритм сердца резко упал. Дерзкий почерк. Миссис Мэрион.

– Польди!

Войдя в спальню, он полуприкрыл глаза и, двигаясь сквозь теплый и желтый сумрак, приблизился к ее растрепанной голове.

– Кому там письма?

Он поглядел на них. Маллинггар. Милли.

– Письмо мне от Милли, – сказал он, следя за своим голосом, – а тебе открытка. И письмо тебе.

Он положил ее письмо и открытку на саржевое покрывало у сгиба ее колен.

– Тебе шторы поднять?

Подтягивая осторожно шторы до половины, он видел через плечо, как она глянула на конверт и сунула его под подушку.

– Хватит так? – спросил он оборачиваясь.

Она читала открытку, приподнявшись на локте.

– Посылка дошла уже, – сказала она.

Он не уходил; она отложила открытку и медленно, с блаженным вздохом, опять свернулась клубком.

– Давай-ка чай поскорей, – поторопила она. – Совсем горло пересохло.

– Чайник уже кипит.

Однако он задержался убрать со стула: полосатая нижняя юбка, нечистое мятое белье; и, взяв все в охапку, положил в ноги постели.

Когда он был уже на ступеньках, она окликнула:

– Польди!

– Что?

– Ошпарь заварной чайник.

Вполне закипел: пар валит из носика. Он ошпарил и сполоснул заварной чайник, насыпал четыре полные ложечки чаю и, наклонив большой чайник, залил чай водой. Поставив чай настояться, он отодвинул большой чайник в сторону и, вдавив сковороду прямо в жар угля, смотрел, как масло плавится и скользит по ней. Когда он развернул почку, кошка жадно мяукнула рядом с ним. Если ей давать много мяса, не будет мышей ловить. Говорят, они не едят свинину. Кошер. Он бросил ей окровавленную обертку и положил почку в шипящее масло. Перцу. Он взял щепотку из выщербленной рюмки для яйца, посыпал круговыми движениями.

Потом он распечатал письмо, скользнул глазами по всей странице. Спасибо – новая беретка – мистер Коклан – пикник на озере Оул – студент – приморские красотки^[218] Буяна Бойлана.

Чай настоялся. Улыбаясь, он налил себе в свою чашку, имитация фарфора Кроун-Дерби, с приспособлением для усов. Подарок Милли-глупышки ко дню рождения. Тогда ей было всего пять лет. Нет, погоди: четыре. Принес ей бусики под янтарь, она тут же порвала. Опускал для нее в почтовый ящик сложенные листочки. Он улыбался, наливая чай.

О Милли Блум, ты мне мила, моя родная,
В тебя, как в зеркало, гляжусь, тебя желая.
Хоть ты бедна, хочу я быть с тобою рядом,
А не с той Кэти, что виляет толстым задом.^[219]

Бедный старый профессор Гудвин. Конечно, слегка ку-ку. Но до того учтивый старичок. Провожал Молли с эстрады на старомодный манер. А это зеркальце в цилиндре.^[220] В тот вечер Милли его притащила в гостиную. Ой, поглядите, чего было в шляпе у профессора Гудвина! Мы все смеялись. Женская натура уже тогда проявлялась. Такая была вострушка.

Он поддел почку вилок, перевернул, потом поставил заварной чайник на поднос. Горб стал пружинить, когда он поднял поднос. Все взял? Бутерброды – четыре, сахар, ложечка, сливки. Так. Он направился с подносом наверх, продев большой палец в ручку чайника.

Толкнув дверь коленом, он вошел и поставил поднос на стул у изголовья постели.

– До чего же ты долго, – сказала она.

Медь задрезжала, когда она проворно приподнялась, упершись локтем в подушку. Он спокойно смотрел на ее полные формы и на ложбинку между мягких больших грудей, круглившихся в ночной рубашке, как козье вымя. Тепло, шедшее от ее тела, мешалось в воздухе с душистым запахом наливаемого чая.

Краешек распечатанного конверта торчал из-под примятой подушки. Уже уходя, он остановился поправить покрывало.

– А от кого письмо? – спросил он.

Дерзкий почерк. Мэрион.

– Да от Бойлана, – сказала она. – Должен программу принести.

– Что ты собираешься петь?

– *La ci darem*⁶¹ с Дойлом^[221], – ответила она, – и «Старую сладкую песню любви»^[222].

Она пила чай, полные губы улыбались. Довольно затхлый дух от этих курений на другой день. Как тухлая вода от цветов.

– Может быть, приоткрыть окошко?

Отправляя в рот сложенный пополам тонкий ломтик, она спросила:

– А во сколько похороны?

⁶¹ Дуэт «Дай руку мне, красотка» из оперы Моцарта «Дон Жуан» (акт I, сц. 3).

– В одиннадцать, кажется, – ответил он. – Я еще не смотрел газету.

Следуя знаку ее пальца, он поднял за штанину ее грязные панталоны. Не то? Тогда серую перекрученную подвязку с чулком: подошва мягкая, залоснилась.

– Да нет же, книжку.

Другой чулок. Нижняя юбка.

– Должно быть, упала, – сказала она.

Он поглядел по сторонам. *Voglio e non vorrei*^{62[223]}. Интересно, правильно ли она произносит *voglio*. На кровати нигде. Завалилась куда-то. Он нагнулся и приподнял подзор. Упавшая книга распласталась на пузе ночного горшка в оранжевую полоску.

– Дай-ка мне, – сказала она. – Я тут отметила. Хотела одно слово спросить.

Сделав глоток из чашки, которую держала за ручку, и обтерев бесцеремонно пальцы об одеяло, она принялась водить по странице шпилькой, покуда не нашла слово.

– Метим что? – переспросил он.

– Вот это, – сказала она. – Что это значит?

Наклонившись, он прочел подле холеного ногтя на ее большом пальце.

– Метемпсихоз?

– Вот-вот. С чем это вообще едят?

– Метемпсихоз, – начал он, морща лоб, – это греческое. Из греческого языка. Это означает переселение душ.

– Ну и дичь! – оценила она. – А теперь скажи по-простому.

Он улыбнулся, искоса глянув в ее смеющиеся глаза. Все те же молодые глаза. Первый вечер после игры в шарады. Долфинс-барн. Он полистал замусоленные страницы. «Руби – краса арены». Ага, картинка. Свирепый итальянец с хлыстом. А это видно Руби краса чего там положено голая на полу. Милостиво дали прикрыться. «Злодей Маффей остановился и с проклятиями отшвырнул прочь свою жертву». Всюду жестокость. Одурманенные звери. Трапедия в цирке Хенглера. Не мог смотреть, отвернулся. А толпа глазееет. Ты там надрывай силы, а мы животики себе надорвем. Их целые семьи. Вдалбливают им смолоду, они и метемпсихозят. Будто бы мы живем после смерти. Души наши. Будто душа человека, когда он умрет. Дигнама вот душа...

– Ты ее уже кончила? – спросил он.

– Да, – сказала она. – Совсем никакой клубнички. Она что, все время любила того, первого?

– Я даже не заглядывал. Хочешь другую?

– Ага. Принеси еще Поль де Кока.^[224] Такое симпатичное имя⁶³.

Она подлила себе чаю, глядя сбоку на струйку.

Надо продлить ту книжку из библиотеки на Кейпл-стрит, а то напишут Карни, моему поручителю. Перевоплощение: вот то самое слово.

– Некоторые верят, – начал он, – что после смерти мы будем снова жить в другом теле и что уже жили раньше. Это называется перевоплощение. Что все мы уже жили раньше, тысячи лет назад, на Земле или на какой-то другой планете. Они считают, мы забыли про это. А некоторые говорят, будто помнят свои прошлые жизни.

Густые сливки вились витками у нее в чашке. Как бы ей лучше запомнить это слово: метемпсихоз. Хорошо бы пример. Пример.

Над кроватью «Купанье нимфы». Приложение к пасхальному номеру «Фотокартинок»: роскошный шедевр, великолепные краски. Как чай, до того как налили молока. Похожа на нее с распущенными волосами, только потоньше. За рамку отдано три и шесть. Она сказала: над

⁶² Хочу и не хотела бы (*ит.*).

⁶³ Соск – половой член (*англ.*).

кроватку будет красиво. Обнаженные нимфы – Греция – а вот и пример – все люди, что тогда жили.

Он перелистал страницы обратно.

– Метемпсихоз, – сказал он, – так это называли древние греки. Они верили, что человек может превратиться в животное или, скажем, в дерево. Что они называли нимфами, например.

Она перестала вдруг помешивать ложечкой. Смотрела прямо перед собой и втягивала воздух округлившимися ноздрями.

– Горелым пахнет, – сказала она. – У тебя там ничего на огне?

– Почка! – возопил он.

Он сунул не глядя книжку во внутренний карман и, стукнувшись носком ноги о хромой комод, ринулся на запах, сбегая по лестнице прыжками всполошенного аиста. Пахучий дым поднимался сердитой струйкой с одного края сковороды. Поддев почку вилкой, он отодрал ее и перевернул, как на спину черепаху. Совсем чуть-чуть подгорела. Он перебросил ее на тарелку и полил оставшимся бурым соком.

Теперь чайку. Он уселся, отрезал ломоть хлеба, намазал маслом. Срезал пригорелую мякоть и бросил кошке. Наконец отправил кусочек на вилке в рот и принялся жевать, разборчиво смакуя упругое аппетитное мясо. В самый раз. Глоток чаю. Потом он нарезал хлеб на кубики, обмакнул один в соус и сунул в рот. Так что там у нее про студента и про пикник? Он разложил около себя листок с письмом и медленно стал читать, жуя, макая кубики в соус и отправляя их в рот.

Дражайший папулька,

Преогромнейшее спасибо за твой чудный подарочек ко дню рождения.

Он мне дивно идет. Все говорят, что в новой беретке я просто неотразима. Получила от мамочки чудную коробку со сливочными тянучками, пишу ей отдельно. Конфетки – дивные. А я тут зарылась с головой в фотографию. Мистер Коклан снял меня вместе со своей мадам, когда проявим, пришлю. Вчера тут была сплошная запарка. Погожий денек, и все толстомясые припожаловали. В понедельник хотим устроить пикничок небольшой компанией на озере Оул. Спасибо тебе еще раз и тысяча поцелуев, а мамочке скажи, я ее ужасно люблю. Внизу играют на пианино. В субботу будет концерт в отеле «Гревильский герб». Сюда по вечерам иногда заходит один студент, его фамилия Баннон, и у него какие-то родственники ужасные богачи, и он исполняет эту песенку Бойлана (чуть-чуть не написала Буяна Бойлана) о приморских красотках. Передай ему от меня, что Милли-глупышка ему шлет привет. Пора кончать письмо, с любовью

твоя любящая дочь

Милли.

P. S. Извини за каракули, очень спешу. Пока.

М.

Пятнадцать вчера. Как сошлось, и число пятнадцатое. Первый день рождения в чужих местах. Разлука. Помню летнее утро, когда она родилась. Помчался за миссис Торнтон на Дензилл-стрит. Бодрая старушка. Куче младенцев помогла явиться на свет. Она с первой минуты знала: бедняжке Руди не жить. Авось Бог милостив, сэр. А сама уже знала. Остался бы жить, сейчас было бы одиннадцать.

Отсутствующим печальным взглядом он смотрел на постскрипtum. Извини за каракули. Спешу. Внизу пианино. Выпорхнула из гнезда. Сцена с ней из-за браслета в кафе «XL». Не стала есть пирожные, не глядела, не разговаривала. Дерзкая девчонка. Он обмакнул в соус еще кубик хлеба, машинально продолжая доедать почку. Двенадцать и шесть в неделю. Не густо.

Но могло и похуже быть. Мюзик-холл, скажем. Студент. Он глотнул остывшего чая, запить еду. Потом опять перечел письмо: дважды.

Ну ладно, она умеет вести себя осмотрительно. А вдруг нет? Оставь, ничего еще не случилось. Все возможно, конечно. Во всяком случае, обождем. Бесенок. Вечно бегом по лестнице, ножки тонкие, стройные. Судьба. Наступает зрелость. Кокетка – страшная.

Он улыбнулся в кухонное окно с теплотой, с тревогой. Однажды вижу ее на улице: щиплет себя за щеки, чтоб разругались. Слегка малокровная. Поздно отняли от груди. В тот день на «Короле Эрина^[225]» вокруг маяка Киш. Старую посудину качало вовсю. А ей хоть бы что. Шарф по ветру, светло-голубой, распущенные волосы по ветру.

Щечки в ямочках, кудряшки
Вскружат голову бедняжке.

Приморские красотки. Распечатанный конверт. Руки в брюки и распевает, ни дать ни взять извозчик навеселе. Друг дома. *Вскрюжат*, он так поет. Освященный пирс, летний вечер, звуки оркестра.

До чего ж милы и кротки
Те приморские красотки.

И Милли тоже. Первые юные поцелуи. Как давно минуло. Миссис Мэрион. Сейчас снова легла, читает, перебирая прядки волос, заплетая их, улыбаясь.

Сожаление и потерянность, нарастая, смутной волной расплзались вниз по спине. Да, случится. Помешать. Бесполезно: что сделаешь! Девичьи губы, нежные, легкие. Случится то же. Он чувствовал, как волна потерянности охватывает его. Бесполезно тут что-то делать. Губы целуют, целующие, целуемые. Женские губы, полные, клейкие.

Лучше пусть там, где она сейчас: подальше. И занята. Хотела собаку от нечего делать. Можно бы туда съездить. На табельные дни в августе, всего два и шесть в оба конца. Но это через полтора месяца. Можно бы устроить бесплатный проезд, как журналисту. Или через Маккоя.

Кошка, вылизав свою шерстку, вернулась к обертке в кровавых пятнах, потыкала ее носом и пошла к двери. Оглянулась на него, мяукнула. Хочет выйти. Жди перед дверью – когда-нибудь отворится. Пусть подождет. Как-то занервничала. Электричество. Гроза в воздухе. И умывала ушко спиной к огню.

Он ощутил сытую тяжесть – потом легкие позывы в желудке. Поднялся из-за стола, распуская брючный ремень. Кошка настойчиво мяукнула.

– Мяу, – передразнил он. – Обождешь, пока я сам соберусь.

Тяжесть: день будет жаркий. Лень подыматься на площадку по лестнице.

Газетку. В сортире он любил читать. Надеюсь, никакая макака туда не забредет, пока я.

В ящике стола ему попался старый номер «Осколков». Свернув, он сунул его под мышку, подошел к двери и отворил. Кошка кинулась мягкими прыжками наверх. А, вон ты куда – свернуться на постели клубком.

Прислушавшись, он услышал ее голос:

– Поди сюда, кисонька. Ну поди.

Он вышел с черного хода во двор; постоял, прислушиваясь к звукам соседнего двора. Все тихо. Может быть, вешают белье. Королевна в парке вешает белье.^[226] Славное утро.

Он наклонился взглянуть на чахлые кустики мяты, посаженной вдоль стены. Поставить беседку здесь. Бобы, дикий виноград. И надо везде удобрить, земля плохая. Бурая корка серы. Почва всегда такая без навоза. Кухонные помои. Перегной – что бы это за штука? У соседей

куры: вот их помет отличное удобрение. Но самое лучшее от скота, особенно если кормили жмыхами. Сухой навоз. Лучшее средство для чистки лайковых перчаток. Грязь очищает. И зола. Надо тут все переделать. В том углу горох. Салат. Всегда будет свежая зелень. Но с этими садиками свои неудобства. Тот шмель или овод в Духов день.

Он двинулся по дорожке. А где моя шляпа, кстати? Должно быть, повесил обратно на крючок. Или оставил наверху. Вот номер, совсем не помню. На вешалке в прихожей слишком полно. Четыре зонтика, ее плащ. Подбирал письма. У Дрейго колокольчик звонил. Как странно, именно в этот момент я думал. Его волосы, каштановые, напомаженные, над воротничком. Свежевымыт и свежепричесан. Не знаю, успею ли зайти в баню. Тара-стрит. Тип, что у них за кассой, устроил побег Джеймсу Стивенсу. Такие слухи. О'Брайен.^[227]

Каким он басом говорит, этот Длугач. Агенда – как там? Пожалте, мисс. Энтузиаст.

Он отворил, толкнув носком, ветхую дверь сортира. Смотри, чтобы не запачкать брюки, потом на похороны. Вошел, пригнув голову, стараясь не задеть о низкий косяк. Оставив дверь приоткрытой, посреди пыльной паутины и вони заплесневелой хлорки, не спеша, отстегнул подтяжки. Перед тем как усесться, бросил через щель взгляд на соседское окно. А король на троне пишет манифест. Никого нет.

Раскорячившись на позорном стуле, он развернул журнал на оголенных коленях и стал читать. Что-нибудь новенькое и полегче. Не торопись особо. Попридержи. Наш премированный осколок: «Мастерский удар Мэтчена». Автор – мистер Филип Бьюфой, член лондонского Клуба театралов. Гонорар по гинее за столбец. Три с половиной. Три фунта три. Три фунта тринадцать и шесть.

Он мирно прочел, сдерживая себя, первый столбец, затем, уступая, но еще придерживая, начал второй. На середине, окончательно уступив, он дал кишечнику опорожниться свободно, продолжая мирно, неторопливо читать, вчерашний легкий запор прошел без следа. Авось не слишком толсто, геморрой снова не разойдется. Нет, самый раз. Ага. Уфф! Для страдающих запором: одна таблетка святой коры. В жизни может такое быть. Это не тронуло и не взволновало его, но, в общем, было бойко и живо. Теперь что хочешь печатают. На безрыбье. Он читал дальше, спокойно сидя над своими подымавшимися миазмами. Бойко, что говорить. «Мэтчен часто вспоминает свой мастерский удар, покоровший сердце смеющейся чаровницы, которая ныне». Мораль в конце и в начале. «Рука об руку».^[228] Лихо. Он снова окинул взглядом прочитанное и, выпуская ровную заключительную струю, благодушно позавидовал мистеру Бьюфой, который сочинил это и получил гонорар в размере трех фунтов тринадцати шиллингов и шести пенсов.

Я б тоже мог кое-что накропать. Авторы – мистер и миссис Л. М. Блум. Придумать историю на тему пословицы. Какой только? Как-то пробовал записывать на манжете, что она говорит, пока собирается. Не люблю собираться вместе. Порезался, бреясь. Покусывает нижнюю губку, застегивая крючки на платье. Я засекаю время. 9.15. Роберте тебе заплатил уже? 9.20. А в чем была Грета Конрой^[229]? 9.23. Чего меня утраздило купить такую гребенку? 9.24. С этой капусты меня всегда пучит. Заметит пылинки на обуви – потрет каждую туфельку об чулки на икрах, обе по очереди, так ловко. Наутро после благотворительного бала, когда оркестр Мэя исполнял танец часов Понкьелли.^[230] Объяснял ей: утренние часы, потом день, вечер, потом ночные часы. Она чистила зубы. Это была первая встреча. У нее голова кружилась. Пошелкивали пластинки веера. А этот Бойлан богатый? Да, он со средствами. А что? Я во время танца заметила, у него пахнет чем-то приятным изо рта. Тогда не стоит мурлыкать. Надо бы намекнуть. В последний раз какая-то странная музыка. Зеркало было в темноте. Она взяла свое маленькое, потерла о кофточку на груди, нервно, так и заколыхались. Потом смотрелась. Нахмуренный взгляд. Чего-то там такое не сладилось.

Вечерние часы, девушки в серых газовых платьях. Потом ночные часы в черном, с кинжалами, в полумасках. Это поэтично, розовое, потом золотое, потом серое, потом черное. И в то же время как в жизни. День, потом ночь.

Он смело оторвал половину премированного рассказа и подтерся ею. Потом поднял брюки, застегнул, надел подтяжки. Потянул на себя кривую шаткую дверь сортира и вышел из полумрака на воздух.

При ярком свете, облегченный и освеженный в членах, он тщательно осмотрел свои черные брюки, их обшлага, колени и за коленями. Во сколько похороны? Надо уточнить по газете.

Мрачные скрипучие звуки высоко в воздухе. Колокола церкви Святого Георгия. Они отбивали время: гулкий мрачный металл.

Эй-гей! Эй-гей!

Эй-гей! Эй-гей!

Эй-гей! Эй-гей!

Без четверти. Потом снова: по воздуху донесся обертон, терция.
Бедный Дигнам!

5. Лотофаги

[231]

По набережной сэра Джона Роджерсона шагал собранным шагом мистер Блум: мимо ломовых подвод, мимо маслобойни Лиска (льняное масло, жмыхи), мимо Уиндмилл-лейн и мимо почтово-телеграфного отделения. На этот адрес тоже было бы можно. И мимо богадельни для моряков. С шумливой утренней набережной он повернул на Лайм-стрит. У коттеджей Брэди шатался мальчишка-свалочник, примкнув ведерко с требухой, сосал жеваный окурочок. Девчонка помладше, с изъеденным коростой лбом, глазела на него, вяло придерживая ржавый обруч. Сказать ему: если курит – перестанет расти. Да ладно, оставь в покое! И так житье у него не рай. Ждать у трактира, тащить папашу домой. Тять, ну пойдем, мамка ждет. Как раз затишье: не будет много народу. Он перешел Таунсенд-стрит, миновал хмурый фасад Бетеля^[232]. Да, Эль. Его дом: Алеф, Бет. Потом похоронное бюро Николса. В одиннадцать. Времени хватит. Ей-ей, Корни Келлехер подкинул эту работенку О'Нилу. Напеваает, прикрыв глаза. Корни. Повстречал я в темном парке. Одну пташку. Возле арки. Работает на полицию. Свое имя мне сказала и мои труляля труляля там там. Ясное дело, он подкинул. Схороните-ка по дешевке в сухом-немазаном. И мои труляля труляля труляля труляля.

На Уэстленд-роу он остановился перед витриной Белфастской и Восточной чайной компании, прочел ярлыки на пачках в свинцовой фольге: отборная смесь, высшее качество, семейный чай. Жарко становится. Чай. Надо бы им разжиться у Тома Кернана^[233]. Хотя похороны – неподходящий случай. Покуда глаза его невозмутимо читали, он снял не торопясь шляпу, вдохнув запах своего брильянтина, и плавным неторопливым жестом провел правой рукой по лбу и по волосам. Какое жаркое утро. Глаза из-под приспущенных век отыскивали чуть заметную выпуклость на кожаном ободке внутри его шляпы-лю. Вот она. Правая рука погрузилась в тулью. Пальцы живо нащупали за ободком карточку, переместили в карман жилета.

До того жарко. Правая рука еще раз еще неторопливей поднялась и прошла: отборная смесь, из лучших цейлонских сортов. На дальнем востоке. Должно быть, чудесный уголок: сад мира^[234], огромные ленивые листья, на них можно плавать, кактусы, лужайки в цветах, деревья-змеи, как их называют. Интересно, там вправду так? Сингалезы валяются на солнышке в *dolce far niente*⁶⁴ за целый день пальцем не шевельнут. Шесть месяцев в году спят. Слишком жарко для ссор. Влияние климата. Летаргия. Цветы праздности. Главная пища воздух. Азот. Теплицы в Ботаническом саду. Хрупкие растения, водяные лилии.^[235] Листья истомились без. Сонная болезнь в воздухе. Ходишь по розовым лепесткам. Навернуть рубцов, студню, это и в голову не взбретет. Тот малый на картинке, в каком же он месте был? Ах да, на Мертвом море, лежит себе на спине, читает газету под зонтиком. При всем желании не утонешь: столько там соли. Потому что вес воды, нет, вес тела в воде равен весу, весу чего же? Или объем равен весу? Какой-то закон такой, Вэнс нас учил в школе. Вечно крутил пальцами. Учение и кручение. А что это, в самом деле, вес? Тридцать два фута в секунду за секунду. Закон падения тел: в секунду за секунду. Все они падают на землю. Земля. Сила земного тяготения, вот это что такое, вес.

Он повернулся и неспешно перешел через улицу. Как это она вышагивала с сосисками? Примерно так вот. На ходу он вынул из бокового кармана сложенный «Фримен», развернул его, скатал в трубку по длине и начал похлопывать себя по брюкам при каждом неспешном шаге. Беззаботный вид: заглянул просто так. В секунду за секунду. Это значит в секунду на каждую секунду. С тротуара он метнул цепкий взгляд в двери почты. Ящик для опоздавших писем. Опускать сюда. Никого. Пошел.

⁶⁴ Сладкое безделье (*ит.*).

Он протянул свою карточку через медную решетку.

– Нет ли для меня писем? – спросил он.

Пока почтовая барышня смотрела в ячейке, он разглядывал плакат вербовочной службы: солдаты всех родов войск на параде; и, держа конец своей трубки у самых ноздрей, вдыхал запах свежей типографской краски. Нет, наверно, ответа. В последний раз зашел слишком далеко.

Барышня сквозь решетку подала ему карточку и письмо. Он поблагодарил, бросив быстрый взгляд на конверт, заадресованный на машинке:

Здесь

Почтовое Отделение Уэстленд-роу, до востребования
Генри Флауэру⁶⁵, эсквайру.

Ответила все-таки. Сунув письмо и карточку в боковой карман, он вернулся к параду всех родов войск. А где тут полк старины Твиди? Отставной вояка. Вон они: медвежьи шапки с султаном. Нет, он же гренадер. Остроконечные обшлага. Вот: королевские дублинские стрелки. Красные мундиры. Эффектно. Потому женщины за ними и бегают. Военная форма. Легче и вербовать и муштровать. Письмо Мод Гонн, чтобы их не пускали по вечерам на О'Коннелл-стрит: позор для столицы Ирландии. Сейчас газета Гриффита трубит о том же: армия, где кишат венерические болезни, империя Венерия.^[236] Какой-то вид у них недоделанный: как будто одурманенные. Смирно. Равняйся. Сено – солома. Сено – солома. Полк Его Величества. А вот форму пожарника или полисмена^[237] он никогда не наденет. Масон, да.^[238]

Беспечной походкой он вышел с почты и повернул направо. Говорильня: как будто этим что-то исправишь. Рука его опустилась в карман, указательный палец просунулся под клапан конверта и вскрыл его несколькими рывками. Не думаю, чтобы женщины особо обращали внимание. Пальцы вытащили письмо и скомкали в кармане конверт. Что-то подколото: наверно, фотография. Прядь волос? Нет.

Маккой. Как бы поскорей отвязаться. Одна помеха. Чужое присутствие только злит, когда ты.

– Здравствуйте, Блум. Куда направляетесь?

– Здравствуйте, Маккой. Да так, никуда.

– Как самочувствие?

– Прекрасно. А вы как?

– Скрипим помаленьку, – сказал Маккой.

Бросая взгляд на черный костюм и галстук, он спросил, почтительно понизив голос:

– А что-нибудь... надеюсь, ничего не случилось? Я вижу, вы...

– Нет-нет, – сказал Блум. – Это Дигнам, бедняга. Сегодня похороны.

– Ах да, верно. Печальная история. А в котором часу?

Нет, и не фотография. Какой-то значок, что ли.

– В оди... одиннадцать, – ответил мистер Блум.

– Я попытаюсь выбраться, – сказал Маккой. – В одиннадцать, вы говорите? Я узнал только вчера вечером. Кто же мне сказал? А, Холохан. Прыгунчик, знаете?^[239]

– Знаю.

Мистер Блум смотрел через улицу на кеб, стоявший у подъезда отеля «Гровнор». Швейцар поставил чемодан между сиденьями. Она спокойно стояла в ожидании, а мужчина, муж, брат, похож на нее, искал мелочь в карманах. Пальто модного фасона, с круглым воротником, слишком теплое для такой погоды, на вид как байка. Стоит в небрежной позе, руки в карманы,

⁶⁵ Flower – цветок (англ.).

накладные, сейчас так носят. Как та надменная дамочка на игре в поло. Все женщины свысока, пока не раскусишь. Красив телом красив и делом. Неприступны до первого приступа. Достоянная госпожа и Брут весьма достойный человек.^[240] Разок ее поимеешь спеси как не бывало.

– Я был с Бобом Дореном^[241], он снова сейчас в загуле, и с этим, как же его, с Бэнтамом Лайонсом^[242]. Да мы тут рядом и были, у Конвея.

Дорен Лайонс у Конвея. Она поднесла к волосам руку в перчатке. И тут заходит Прыгунчик. Под мухой. Немного откинув голову и глядя вдаль из-под приспущенных век, он видел заплетенные крендельки, видел, как сверкает на солнце ярко-желтая кожа. Как ясно сегодня видно. Может быть, из-за влажности. Болтает о том о сем. Ручка леди. С какой стороны она будет садиться?

– И говорит: *Грустная весть насчет бедного нашего друга Падди! Какого Падди?* Это я говорю. *Бедняжечки Падди Дигнама*, это он говорит.

За город едут – наверно, через Бродстоун. Высокие коричневые ботинки, кончики шнурков свисают. Изящная ножка. Чего он все возится с этой мелочью? А она видит, что я смотрю. Всегда примечают, если кто клюнул. На всякий случай. Запас беды не чинит.

– *А что такое?* я говорю. *Чего это с ним стряслось?* говорю.

Надменная – богатая – чулки шелковые.

– Ага, – сказал мистер Блум.

Он отодвинулся слегка вбок от говорящей Маккоевой головы. Будет сейчас садиться.

– *Чего стряслось?* говорит. *Помер он, вот чего.* И, мать честная, тут же наливает себе. *Как, Падди Дигнам?* Это я говорю. Я просто ушам своим не поверил. Я же с ним был еще в прошлую пятницу, нет, в четверг, в «Радуге» мы сидели. *Да*, говорит. *Покинул он нас. Скончался в понедельник, сердяга.*

Гляди! Гляди! Шелк сверкнул, чулки дорогие белые. Гляди!

Неуклюжий трамвай, трезвоня в звонок, вклинился, заслонил.

Пропало. Чтоб сам ты пропал, курносая рожа. Чувство как будто выставили за дверь. Рай и пери.^[243] Вот всегда так. В самый момент. Девушка в подворотне на Юстейс-стрит. Кажется, в понедельник было, поправляла подвязку. Рядом подружка, прикрывала спектакль. *Esprit de corps*⁶⁶. Ну что, что вылупился?

– Да-да, – промолвил мистер Блум с тяжким вздохом. – Еще один нас покинул.

– Один из лучших, – сказал Маккой.

Трамвай проехал. Они уже катили в сторону Окружного моста, ручка ее в дорогой перчатке на стальном поручне. Сверк-блеск – поблескивала на солнце эгретка на ее шляпе – блеск-сверк.

– Супруга жива-здоровая, надеюсь? – спросил Маккой, сменив тон.

– О да, – отвечал мистер Блум, – спасибо, все в лучшем виде.

Он рассеянно развернул газетную трубку и рассеянно прочитал:

Как живется в доме
Без паштетов Сливи?
Тоскливо.
А с ними жизнь словно рай.

– Моя дражайшая как раз получила ангажемент. То есть уже почти.

Опять насчет чемодана закидывает. И что, пусть. Меня больше не проведешь.^[244]

Мистер Блум приветливо и неторопливо обратил на него свои глаза с тяжелыми веками.

⁶⁶ Дух товарищества (*фр.*).

– Моя жена тоже, – сказал он. – Она должна петь в каком-то сверхшикарном концерте в Белфасте, в Ольстер-холле, двадцать пятого.

– Вот как? – сказал Маккой. – Рад это слышать, старина. А кто это все устраивает?

Миссис Мэрион Блум. Еще не вставала. Королева в спальне хлеб с вареньем. Не за книгой. Замусоленные карты, одни картинки, разложены по семеркам вдоль бедра. На темную даму и светлого короля. Кошка пушистым черным клубком. Полоска распечатанного конверта.

Эта старая
Сладкая
Песня
Любви
Раз-да-ется...

– Видите ли, это нечто вроде турне, – задумчиво сказал мистер Блум. – *Песня любви*. Образован комитет, при равном участии в прибыли и расходах.

Маккой кивнул, пощипывая жесткую поросль усиков.

– Понятно, – произнес он. – Это приятная новость.

Он собрался идти.

– Что же, рад был увидеть вас в добром здравии, – сказал он. – Встретимся как-нибудь.

– Конечно, – сказал мистер Блум.

– Знаете еще что, – решил Маккой. – Вы не могли бы меня вписать в список присутствующих на похоронах? Я бы хотел быть сам, только, возможно, не получится. В Сэндикуове кто-то утонул, и может так выйти, что мне со следователем придется туда поехать, если тело найдут. А вы просто вставьте мое имя, если меня не будет, хорошо?

– Я это сделаю, – сказал мистер Блум, собираясь двигаться. – Все будет в порядке.

– Отлично, – сказал бодро Маккой. – Большое спасибо, старина. Может, я еще и приду. Ну, пока. Просто Ч. П. Маккой, и сойдет.

– Будет исполнено, – твердо пообещал мистер Блум.

Не вышло меня обойти. А подбивал клинья. На простачка. Но я себе на уме. К этому чемодану у меня своя слабость. Кожа. Наугольники, клепаные края, замок с предохранителем и двойной защелкой. В прошлом году Боб Каули ему одолжил свой, для концерта на регате в Уиклоу, и с тех пор о чемоданчике ни слуху ни духу.

С усмешкою на лице мистер Блум неспешно шагал в сторону Брансвик-стрит. Моя дражайшая как раз получила. Писклявое сопрано в веснушках. Нос огрызком. Не без приятности, в своем роде: для небольшого романса. Но жидковато. Вы да я, мы с вами, не правда ли? Как бы на равных. Подлиза. Противно делается. Что он, не слышит разницы? Кажется, он слегка таков. Не по мне это. Я так и думал, Белфаст его заденет. Надеюсь, в тех краях с оспой не стало хуже. А то вдруг откажется еще раз делать прививку. Ваша жена и моя жена.

Интересно, а он за мной не следит?

Мистер Блум стоял на углу, глаза его блуждали по красочным рекламным плакатам. Имбирный эль (ароматизированный), фирма Кантрелл и Кокрейн. Летняя распродажа у Клери. Нет, пошел прямо. Всех благ. Сегодня «Лия»: миссис Бэндмен Палмер. Хотелось бы еще раз посмотреть ее в этой роли. Вчера играла в «Гамлете». Мужская роль. А может, он был женщина. Почему Офелия и покончила с собой. Бедный папа! Так часто рассказывал про Кейт Бейтмен в этой роли! Простоял целый день у театра Адельфи в Лондоне, чтобы попасть. Это за год до моего рождения: в шестьдесят пятом. А в Вене Ристори. Как же она правильно называется? Пьеса Мозенталья. «Рахиль»^[245]? Нет. Всегда говорил про ту сцену, где старый ослепший Авраам узнает голос и ощупывает его лицо пальцами.

– Голос Натана! Голос сына его! Я слышу голос Натана, который оставил отца своего умирать от горя и нищеты на моих руках, и оставил дом отчий, и оставил Бога отцов своих.

Здесь каждое слово, Леопольд, полно глубокого смысла.

Бедный папа! Бедный! Хорошо, что я не пошел в комнату и не видел его лицо. В тот день! Боже! Боже! Эх! Кто знает, быть может, так было лучше для него.

Мистер Блум завернул за угол, прошел мимо понурых одров на извозчичьей стоянке. Что толку об этом думать. Пора для торбы с овсом. Лучше бы я не встретил его, этого Маккоя.

Он подошел ближе, услышал хруст золоченого овса, жующие мирно челюсти. Их выпуклые олени глаза смотрели на него, когда он шел мимо, среди сладковатой овсяной вони лошадиной мочи. Их Эльдорадо. Бедные саврасы! Плевать им на все, уткнули длинные морды в свои торбы, знать ничего не знают и забот никаких. Слишком сыты, чтоб разговаривать. И корм и кров обеспечены. Холощенные: черный обрубок болтается, как резиновый, между ляжками. Что ж, может, они и так счастливы. На вид славная, смиренная животинка. Но как примутся ржать, это бывает невыносимо.

Он вынул из кармана письмо и положил в газету, которую нес. Можно здесь натолкнуться на нее. В переулке надежней.^[246]

Он миновал «Приют извозчика». Странная у извозчика жизнь, туда-сюда, в любую погоду, в любое место, на время или в один конец, все не по своей воле. *Voglio e non*. Люблю иногда их угостить сигареткой. Общительны. Катит мимо, покрикивает на лету. Он замурлыкал:

La ci darem la mano
Ла ла лала ла ла.

Он повернул на Камберленд-стрит и, пройдя несколько шагов, остановился под стеной станции. Никого. Лесосклад Мида. Кучи досок. Развалины и хибарки. Осторожно пересек клетки классиков, в одной – позабытый камушек. Не сгорел. Возле склада мальчик на корточках играл один в шарики, посылая главный щелчком большого пальца. Пестрая и мудрая кошка, моргающий сфинкс, смотрела со своей нагретой приступки. Жалко их беспокоить. Магомет отрезал кусок своего плаща, чтобы не разбудить.^[247] Вынимай. Я тоже играл в шарики, когда ходил в школу к той старой даме. Она любила резеду. Миссис Элис. А мистер где? Он развернул письмо под прикрытием газеты.

Цветок. Кажется, это – Желтый цветочек с расплюснутыми лепестками. Значит, не рассердилась? Чего она там пишет?

Дорогой Генри!

Я получила твое письмо, очень тебе благодарна за него. Жаль, что мое последнее письмо тебе не понравилось. И зачем ты вложил марки? Я на тебя так сердилась. Ужасно хочется, чтобы я могла как-нибудь тебя проучить за это. Я назвала тебя противным мальчишкой, потому что мне совершенно не нравится тот свет. Пожалуйста, объясни мне, что этот твой совет означает? Так ты несчастлив в семейной жизни, мой бедненький противный мальчишка? Ужасно хочется, чтобы я могла чем-нибудь помочь тебе. Напиши мне, пожалуйста, что ты думаешь про меня, бедняжку. Я часто думаю о твоём имени, оно такое красивое. Генри, милый, а когда мы встретимся? Ты просто представить себе не можешь, как часто я о тебе думаю. У меня никогда еще не было такой привязанности к мужчине. Я так страдаю. Пожалуйста, напиши мне длинное письмо, расскажи мне побольше. И помни, если ты этого не сделаешь, я тебя проучу. Вот, знай теперь, что я тебе сделаю, противный мальчишка, если ты не напишешь. Я так мечтаю, чтобы мы встретились. Генри, милый, исполни

эту мою просьбу, пока у меня еще есть терпение. Тогда я скажу тебе все. А сейчас я с тобой прощаюсь, мой противный, мой миленький. У меня сегодня ужасно болит голова, и напиши поскорее тоскующей по тебе
Марте.

P. S. Напиши мне, какими духами душится твоя жена. Я хочу знать.

С глубокомысленным видом он отколол цветок от бумаги, понюхал его почти исчезнувший запах и положил в кармашек у сердца. Язык цветов.^[248] Им это нравится, потому что нельзя подслушать. Или отравленный букет, разделаться с ним. Шагая медленно дальше, он перечел еще раз письмо, шепча отдельные слова про себя. Сердились тюльпаны на тебя миленький мужецвет прочитай твой кактус если ты пожалуйста бедняжка незабудка я так мечтаю фиалки мой милый розы когда же мы анемоны встретимся противный ночной пестик жена духи Марте. Он перечел до конца, вынул его из газеты и спрятал обратно в боковой карман.

Тихая радость приоткрыла его губы. Не сравнить с первым письмом. Интересно, сама писала? Разыгрывает возмущение: я девушка из хорошей семьи, пример добродетели. Могли бы встретиться в воскресенье после мессы. Большое спасибо – не по моей части. Обычная любовная драчка. Потом разбегутся по углам. Не лучше, чем сцены с Молли. Сигара успокаивает. Наркотик. В следующий раз пойди еще дальше. Противный мальчишка, прочитай: боится слов, конечно. Что-нибудь шокирующее, а? Стоит попробовать. Каждый раз понемножку.

Продолжая ощупывать письмо в кармане, он вытащил из него булавку. Простая булавка? Он бросил ее на землю. Откуда-нибудь из одежды: что-то закалывала. Это немислимо, сколько на них булавок. Нет розы без шипов.

Грубые дублинские голоса взвыли у него в голове. В ту ночь в Куме, две девки, обнявшись под дождем:

Эх, у Мэри панталоны на одной булавке.
А булавка упадет –
Как домой она дойдет,
Как домой она дойдет?

Кто? Мэри. Ужасно болит голова. Наверно, их месячные розы. Или целый день за машинкой. Вредно для нервов желудка. Зрительное напряжение. Какими духами душится твоя жена? Додумалась, а?

Как домой она дойдет?

Марта, Мэри. Мария и Марфа. Где-то я видел эту картину, забыл уже, старого мастера или подделка. Он сидит у них в доме, разговаривает. Таинственно. Те девки из Кума тоже слушали бы.^[249]

Как домой она дойдет?

Приятное вечернее чувство. Скитанья кончены. Можешь расслабиться – мирные сумерки – пусть все идет своим чередом. Забудь. Рассказывай о тех местах, где ты был, о чужих обычаях. Другая, с кувшином на голове, готовила ужин: фрукты, маслины, прохладная вода из колодца, хладнокаменного, как дырка в стене в Эштауне.^[250] В следующий раз, как пойду на бега, надо будет прихватить бумажный стаканчик. Она слушает с расширенными глазами, темные ласковые глаза. Рассказывай – еще и еще – все Расскажи. И потом вздох: молчание. Долгий долгий долгий покой. Проходя под железнодорожным мостом, он вынул конверт, про-

ворно изорвал на клочки и пустил по ветру. Клочки разлетелись, быстро падая вниз в сыром воздухе: белая стайка, потом все попадали.

Генри Флауэр. Вот так можно разорвать и чек на сто фунтов. Простой листик бумаги. Лорд Айви явился как-то в Ирландский банк с семизначным чеком, получил миллион наличными. Вот и смотри, что можно взять на портере. Зато другой братец, лорд Ардилон,^[251] говорят, должен менять рубашку четыре раза на день. Какие-то вши, не то черви. Миллион фунтов, минутку. Два пенса – это пинта, четыре – кварта, значит, галлон портера восемь пенсов, хотя нет, шиллинг четыре пенса. Двадцать поделить на один и четыре: примерно пятнадцать. Так, точно. Пятнадцать миллионов бочонков портера.

Что я говорю, бочонков? Галлонов. Но все равно около миллиона бочонков.

Прибывающий поезд тяжело пролязгал над головой у него, один вагон за другим. В голове стукались бочонки; плескался и переливался мутный портер. Затычки вылетели, полился мощный мутный поток, растекаясь по грязной земле, петляя, образуя озерки и водовороты хмельной влаги и увлекая с собой широколистые цветы ее пены.

Он подошел к отворенным задним дверям церкви Всех Святых. Ступив на крыльцо, снял шляпу, вытащил из кармана визитную карточку и снова засунул ее за кожаный ободок. Тьфу ты. Ведь мог прощупать Маккоя насчет бесплатного проезда в Маллинггар.

Прежнее объявление на дверях. Проповедь высокопреподобного Джона Конми^[252] О. И.⁶⁷, о святом Петре Клавере^[253] О. И. и об африканской миссии. Спасать миллионы китайцев. Как они ухитряются это растолковать косоглазым? Те предпочли бы унцию опиума. Жители Небесной Империи. Для них первейшая ересь. За обращение Гладстона молились, когда был уже почти в беспамятстве. Протестанты такие же. Обратить в истинную веру Вильяма Дж. Уолша, доктора Богословия.^[254] Ихний бог – Будда, что на боку в музее лежит.^[255] Подложил руку под голову, прохлаждается. Возжигают курения. Не похоже на Ессе Номо^{68[256]}. Терновый венец и крест. Трилистник – хорошая придумка святого Патрика^[257]. А едят палочками? Конми: Мартин Каннингем^[258] с ним знаком: почтенного вида. Надо было к нему пойти, когда устраивал Молли в хор, а не к этому отцу Фарли, что на вид простачок, а на самом деле. Так учат их. Уж этот не отправится крестить негрятят: пот ручьями, солнечные очки. А те дивились бы на очки, как сверкают. Забавно бы поглядеть, как они там сидят в кружок, развесив толстые губищи, и в полном восторге слушают. Натюрморт. Лакают как молочко.

Прохладный запах святых камней влек его. Он поднялся по истертым ступеням, толкнул дверь и тихонько вошел.

Что-то тут делается: служба какой-то общины. Жаль, что так пусто. Отличное укромное местечко, где бы пристроиться рядом с приятной девушкой. Кто мой ближний?^[259] Часами в тесноте, под тягучую музыку. Та женщина у вечерней мессы. На седьмом небе. Женщины стали на колени у своих скамей, опустив головы, вокруг шей алые ленточки^[260]. Часть стала на колени у алтарной решетки. Священник обходил их, шепотом бормоча, держа в руках эту штуку. Возле каждой он останавливался, вынимал причастие, стряхивал одну-две капли (они что, в воде?) и аккуратненько клал ей в рот. Ее шляпа и голова дернулись вниз. К следующей: маленькая старушка. Священник наклонился, чтобы положить его ей в рот, все время продолжая шептать. Латынь. К следующей. Закрой глаза, открой рот. Что? Corpus⁶⁹. Тело. Труп. Хорошая находка, латынь. Первым делом их одурманить. Приют для умирающих. Кажется, они это не жуют: сразу глотают. Дикая идея – есть куски трупа. То-то каннибалы клюют на это.

Он стоял чуть поодаль, глядя, как их незрячие маски движутся вереницей по проходу, ищут свои места. Потом подошел к скамье и сел с краю, продолжая держать свои газету и

⁶⁷ Член Общества Иисуса (орден иезуитов).

⁶⁸ Се Человек (*лат.*).

⁶⁹ Тело (*лат.*).

шляпу. И что за горшки мы носим. Шляпы надо бы делать по форме головы. Они были рассеяны вокруг, там и сям, головы все еще опущены, алые ленточки, ждут, пока это растопится в их желудках. Вроде мацы, тот же сорт хлеба: пресные хлебы предложения.^[261] Только посмотреть на них. Так и видно, как счастливы. Конфетка. Счастливы до предела. Да, это называется хлеб ангелов.^[262] За этим большая идея, чувствуешь что-то в том роде, что Царство Божие внутри нас. Первые причастники. Чудо для крошек леденец за грошик.^[263] После этого они все чувствуют себя как одна семья, то же самое в театре, все заодно. Конечно, чувствуют, я уверен. Не так одиноко: мы все собратья. Потом в приподнятых чувствах. Дает разрядку. Во что веришь по-настоящему, это и существует. Исцеления в Лурде, воды забвения, явление в Ноке^[264], кровоточащие статуи. Старикан заснул возле исповедальни. Оттуда и храп. Слепая вера. Обеспечил местечко в грядущем царствии. Убаюкивает все страдания. Разбудите в это же время через год.

Он увидел, как священник убрал чашу с причастием куда-то внутрь и на мгновение стал на колени перед ней, выставив серую большую подметку из-под кружевного балахона, что был на нем. А вдруг и у него на одной булавке. Как он домой дойдет? Сзади круглая плешь. На спине буквы. И.Н.Ц.И.? Нет: И.Х.С.^[265] Молли мне как-то объяснила. Ищу храм святости – или нет: ищу храм страдания, вот как. А те, другие? И нас целиком искупил.

Встретиться в воскресенье после мессы. Исполни эту мою просьбу. Появится под вуалью и с черной сумочкой. В сумерках и против света.^[266] Могла бы быть тут, с ленточкой на шее, и все равно тайком проделывать такие делишки. Они способны. Тот гусь, что выдал непобедимых^[267], он каждое утро ходил, Кэри его звали, к причастию. Вот в эту самую церковь. Питер Кэри. Нет, это у меня Петр Клавер в голове. Дэнис Кэри. Представить только себе. Дома жена и шестеро детей. И все время готовил это убийство. Эти святоши, вот самое подходящее для них слово, в них всегда что-то скользкое. И в делах тоже они виляют. Да нет, ее нет здесь – цветок – нет, нет. А кстати, конверт-то я разорвал? Да-да, под мостом.

Священник ополоснул потир, потом залпом ловко опрокинул остатки.^[268] Вино.^[269] Так аристократичней чем если бы он пил что уж они там пьют портер Гиннеса или что-нибудь безалкогольное дублинское горькое Уитли или имбирный эль (ароматизированный) Кантрелла и Кокрейна. Им не дает: вино предложения: только то, другое. Скупятся. Святые мошенники; но правильно делают: иначе бы все пьянчужки сбегались кланчить. Странная атмосфера в этих. Правильно делают. Совершенно правы.

Мистер Блум оглянулся на хоры. Музыка никакой не будет. Жаль. Кто у них органист? Старый Глинн, вот тот умел заставить инструмент говорить, *вибрато*: по слухам, пятьдесят фунтов в год ему платили на Гардинер-стрит. В тот день Молли была очень в голосе, «Stabat mater»^{70[270]} Россини. Сначала проповедь отца Бернарда Вохена^[271]. Христос или Пилат? Да Христос, только не томи нас всю ночь. Вот музыку они хотели. Шарканье прекратилось. Булавка упадет – слышно. Я ей посоветовал направлять голос в тот угол. Волнение так и чувствовалось в воздухе, на пределе, все даже головы подняли:

Quis est homo!⁷¹

В этой старой церковной музыке есть чудесные вещи. Меркаданте: семь последних слов^[272]. Двенадцатая месса Моцарта, а из нее – «Gloria».^[273] Папы в старину знали толк и в музыке и в искусстве, во всяческих статуях, картинах. Или Палестрина, к примеру. Пока так было, в добрые старые времена, славная была жизнь. И для здоровья полезно, пение, правильный режим, потом варили ликеры. Бенедиктин. Зеленый шартрез. Но все-таки держать в хоре

⁷⁰ «Мать стояла» (лат.).

⁷¹ Кто тот человек (лат.).

кастратов – это уж что-то слишком. А какие это голоса? Наверно, интересно было слушать после их собственных густых басов. Знатоки. Должно быть, они после этого ничего не чувствуют. Некая безмятежность. Не о чем беспокоиться. Жиреют, что им еще? Высокие длинные обжоры. Кто знает? Кастрат. Тоже выход из положения.

Он увидел, как священник нагнулся и поцеловал алтарь, потом, повернувшись к собравшимся, благословил их. Все перекрестились и встали. Мистер Блум оглянулся по сторонам и тоже встал, глядя вверх поднявшихся шляп. Встают – это, конечно, для Евангелия. Потом все опять стали на колени, а он спокойно уселся на скамью. Священник сошел с алтарного возвышения, держа перед собой предмет, и они с прислужником стали друг другу отвечать полатыни. Потом священник стал на колени и начал читать по бумажке:

– Господь наше прибежище и сила наша...

Мистер Блум подался вперед, чтобы уловить слова. Английский. Бросить им кость. Еще что-то помню. Когда был у мессы последний раз? Преславная и непорочная дева. Супруг ее Иосиф. Петр и Павел. Так интересней, когда понимаешь, о чем все это. Блестящая организация, это факт, работает как часы. Исповедь. Все стремятся. Тогда я скажу тебе все. Раскаяние. Прошу вас, накажите меня. Сильнейшее оружие в их руках. Сильней, чем у доктора или адвоката. Женщины просто с ума сходят. А я шушушушушу-шу. А вы бубубубубу? Зачем же это вы? Разглядывает свое кольцо, ищет оправдание. Шепчущая галерея, у стен есть уши. Муж, к своему изумлению, узнает. Господь слегка подшутил. Потом она выходит. Раскаяние на пять минут. Мило пристыжена. Молитва у алтаря. Аве Мария да святая Мария. Цветы, ладан, оплывающие свечи. Прячет румянец. Армия спасения – жалкая подделка. Перед нашим собранием выступит раскаявшаяся блудница. Как я обрела Господа. В Риме, должно быть, головастые парни: это они ведь заправляют всей лавочкой. И денежки хорошие загребают. Завещания: приходскому священнику в его полное распоряжение. Служить мессы за упокой моей души всенародно при открытых дверях. Монастыри мужские и женские. В деле о завещании Ферманы священник в числе свидетелей. Этого не собьешь. Ответ заранее на все готов. Свобода и возвышение нашей святой матери церкви. Учители церкви, они на это придумали целое богословие.

Священник молился:

– Блаженный архангеле Михаиле^[274], огради нас в час бедствий. Сохрани нас от злобы и козней диавола (смиренно молим, да укротит его Господь); и властью Божией, о княже воинства небесного, низрини его, сатану, во ад, и с ним купно прочих злых бесов, кои рыщут по свету погибели ради душ наших.

Священник с прислужником встали и пошли прочь. Кончено. Женщины еще остались: благодарение.

Пора убираться. Брат Обирало. Вдруг пойдет с блюдом. Вноси свою лепту.

Он поднялся. Эге. Это что же, две пуговицы на жилете так и были расстегнуты. Женщины в таких случаях в восторге. Досадуют, если ты не. Что же ты раньше не сказал? Никогда не скажут тебе. А уж мы-то. Простите, мисс, тут у вас (гмм!) крохотная (гмм!) пушинка. Или крючок расстегнется сзади на юбке. Проблеск луны.^[275] Любят, когда у тебя слегка растрепанный вид. Хорошо еще тут, а не дальше к югу. Он прошел меж скамей, незаметно застегиваясь на ходу, и главную дверь вышел на свет. Зажмурясь, он остановился на миг возле холодной черной мраморной чаши, покуда сзади и спереди от него две богомолки окунали робкие руки в мелководье святой воды. Трамвай – фургон из красильни Прескотта – вдовица в трауре. Замечаю, потому что сам в трауре. Он надел шляпу. Сколько там набежало? Четверть? Хватает времени. Стоит сейчас заказать лосьон. Где это? Ах да, в прошлый раз. Свени на Линкольн-плейс. Аптекари редко переезжают. Эти бутылки их зеленые, золотые, не очень сдвинешь. Аптека Гамильтона Лонга основана в год наводнения. Недалеко от гугенотского кладбища. Зайти как-нибудь.

Он двинулся в южном направлении по Уэстленд-роу. А ведь рецепт-то в тех брюках. Ох, да и ключ там же. Морока с этими похоронами. Ну ладно, он, бедный, не виноват. Когда я заказывал это дело в последний раз? Постой-ка. Еще, помню, разменял соверен. Должно быть, первого числа или второго. По книге заказов можно найти.

Аптекарь перелистывал страницу за страницей назад. От него будто пахнет чем-то песочным, сохшимся. Сморщенный череп. Старик. Ищут философский камень. Алхимия. Наркотики дают возбуждение, а потом старят. Потом летаргия. А почему? Реакция. Целая жизнь за одну ночь. Характер постепенно меняется. Живешь постоянно среди трав, мазей, лекарств. Все эти алебастровые горшочки. Ступка и пестик. *Aq. Dist. Fol. Laur. Te Virid*⁷². Уже один запах почти вылечивает, как позвонить в дверь к зубному. Доктор Коновал. Ему бы самому подлечиться. Лечебная кашка или эмульсия. Кто первый решился нарвать травы и лечиться ею, это был храбрый мальчик. Целебные травы. Нужна осторожность. Тут хватит всего вокруг, чтобы тебя хлороформировать. Проверка: синяя лакмусовая бумажка краснеет. Хлороформ. Чрезмерная доза опия. Снотворное. Приворотные зелья. Парегорик, маковый сироп, вреден при кашле. Закупоривает поры или мокроту. Яды, вот единственные лекарства. Исцеление там, где не ожидаешь. Мудрость природы.

– Примерно две недели назад, сэр?

– Да, – ответил мистер Блум.

Он ждал у конторки, вдыхая едкую вонь лекарств, сухой пыльный запах губок и люффы. Долгая история выкладывать про свои болячки.

– Миндальное масло и бензойная настойка, – сказал мистер Блум, – и потом померанцевая вода...

От этого лосьона кожа у нее делается нежная и белая, точно воск.

– И еще воск, – добавил он.

Подчеркивает темный цвет глаз. Смотрела на меня, натянув простыню до этих самых глаз, испанских, нюхала себя, пока я продевал запонки. Домашние средства часто самые лучшие: клубника для зубов, крапива и дождевая вода, а еще, говорят, толокно с пахтаньем. Питает кожу. Один из сыновей старой королевы, герцог Олбани кажется, у него была всего одна кожа. Да, у Леопольда.^[276] А у всех нас по три. В придачу угри, мозоли и бородавки. Но тебе еще нужно и духи. Какими духами твоя? *Peau d'Esperagne*⁷³. Тот флердоранж. Чистое ядровое мыло. Вода очень освежает. Приятный у этого мыла запах. Еще успеваю в баню, тут за углом. Хаммам. Турецкая. Массаж. Грязь скапливается в пупке. Приятней, если бы хорошенькая девушка это делала. Да я думаю и я. Да, я. В ванне этим заняться. Странное желание я. Вода к воде. Полезное с приятным. Жалко, нет времени на массаж. Потом весь день чувство свежести. Похороны мраку нагонят.

– Вот, сэр, – отыскал аптекарь. – Это стоило два и девять. А склянка у вас найдется с собой?

– Нет, – сказал мистер Блум. – Вы приготовьте, пожалуйста, а я зайду попоздней сегодня. И я возьму еще мыло, какое-нибудь из этих. Они почему?

– Четыре пенса, сэр.

Мистер Блум поднес кусок к носу. Сладковато-лимонный воск.

– Вот это я возьму, – решил он. – Итого будет три и пенни.

– Да, сэр, – сказал аптекарь. – Вы можете заплатить за все сразу, когда придете.

– Хорошо, – сказал мистер Блум.

Он вышел из аптеки, не торопясь, держа под мышкой трубку газеты и в левой руке мыло в прохладной обертке.

⁷² Фармацевтические сокращения: дистиллированная вода, лавровый лист, зеленый чай (*лат.*).

⁷³ Испанская кожа (*фр.*).

У самой подмышки голос и рука Бэнтама Лайонса сказали:

– Приветствую, Блум, что новенького? Это сегодняшняя? Вы не покажете на минутку?

Фу-ты, опять усы сбрил. Длинная, холодная верхняя губа. Чтобы выглядеть помоложе.

А выгладит по-дурачки. Он моложе меня.

Пальцы Бэнтама Лайонса, желтые, с чернотой под ногтями, развернули газету. Ему бы тоже помыться. Содрать корку грязи. Доброе утро, вы не забыли воспользоваться мылом Пирса? По плечам перхоть. Череп бы смазывал.

– Хочу взглянуть насчет французской лошадки, что сегодня бежит, – сказал Бэнтам Лайонс. – Черт, да где тут она?

Он шелестел мятыми страницами, ерзая подбородком туда-сюда по тугому воротничку. Зуд после бритья. От такого воротничка волосы будут лезть. Оставить ему газету, чтоб отвязался.

– Можете взять себе, – сказал мистер Блум.

– Аскот. Золотой кубок. Пойдите, – бормотал Бэнтам Лайонс. – Один мо. Максим Второй.

– Я здесь только рекламу смотрел, – добавил мистер Блум.

Внезапно Бэнтам Лайонс поднял на него глаза, в которых мелькнуло хитрое выражение.

– Как-как вы сказали? – переспросил он отрывисто.

– Я говорю: можете взять себе, – повторил мистер Блум. – Я все равно хотел выбросить, только посмотрел рекламу.

Бэнтам Лайонс с тем же выражением в глазах поколебался минуту – потом сунул раскрытые листы обратно мистеру Блуму.

– Ладно, рискну, – проговорил он. – Держите, спасибо.

Едва не бегом он двинулся в сторону Конвея. Прыть как у зайца.

Мистер Блум, усмехнувшись, снова сложил листы аккуратным прямоугольником и поместил между ними мыло. Дурацкие стали губы. Играет на скачках. Последнее время просто повальная зараза. Мальчишки-посыльные воруют, чтобы поставить шесть пенсов. Разыгрывается в лотерею отборная нежная индейка. Рождественский ужин за три пенса. Джек Флеминг играл на казенные деньги, а после сбежал в Америку. Теперь владелец отеля. Назад никогда не возвращаются. Котлы с мясом в земле египетской.

Бодрой походкой он приблизился к мечети турецких бань. Напоминает мечеть, красные кирпичи, минареты. Я вижу, сегодня университетские велогонки. Он рассматривал афишу в форме подковы над воротами Колледж-парка: велосипедист, согнувшийся в три погибели. Бездарная афишка. Сделали бы круглую, как колесо. Внутри спицы: гонки – гонки – гонки; а по ободу: университетские. Вот это бы бросалось в глаза.

Вон и Хорнблоуэр у ворот. С ним стоит поддерживать: мог бы туда пропускать за так. Как поживаете, мистер Хорнблоуэр? Как поживаете, сэр?

Погодка прямо райская. Если бы в жизни всегда так. Погода для крикета. Рассядутся под навесами. Удар за ударом. Промах. Здесь для крикета тесновато. Подряд шесть воротцев. Капитан Буллер пробил по левому краю и вышиб окно в клубе на Килдер-стрит. Таким игрокам место на ярмарке в Доннибруке. Эх, башки мы им открутим^[277], как на поле выйдет Джек. Волна тепла. Не слишком надолго. Вечно бегущий поток жизни: ищет в потоке жизни наш взгляд,^[278] что нам до-ро-о-оже всего.

А теперь насладимся баней: чистая ванна с водой, прохладная эмаль, теплый, ласкающий поток. Сие есть тело мое.^[279]

Он видел заранее свое бледное тело, целиком погруженное туда, нагое в лоне тепла, умащенное душистым тающим мылом, мягко омываемое. Он видел свое туловище и члены, покрытые струйной рябью, невесомо зависшие, слегка увлекаемые вверх, лимонно-желтые; свой пуп,

завязь плоти; и видел, как струятся темные спутанные пряди поросли и струятся пряди потока
вокруг поникшего отца тысяч, вяло колышущегося цветка.^[280]

6. Аид

[281]

Мартин Каннингем, первый, просунул оцилиндренную голову внутрь скрипучей кареты и, ловко войдя, уселся. За ним шагнул мистер Пауэр, пригибаясь из-за своего роста.

– Садитесь, Саймон.

– После вас, – сказал мистер Блум.

Мистер Дедал надел живо шляпу и поднялся в карету, проговорив:

– Да-да.

– Все уже здесь? – спросил Мартин Каннингем. – Забирайтесь, Блум.

Мистер Блум вошел и сел на свободное место. Потом взялся за дверцу и плотно притянул ее, пока она не закрылась плотно. Прodel руку в петлю и с серьезным видом посмотрел через открытое окошко кареты на спущенные шторы соседских окон. Одна отдернута: старуха глазеет. Приплюснула нос к стеклу: побелел. Благодарит небо, что не ее черед. Поразительно, какой у них интерес к трупам. Рады нас проводить на тот свет так тяжело родить на этот. Занятие в самый раз по ним. Шушуканье по углам. Шмыгают неслышно в шлепанцах боятся еще проснется. Потом прибрать его. Положить на стол. Молли и миссис Флеминг стелют ложе.^[282] Подтяните слегка к себе. Наш саван. Не узнаешь кто тебя мертвого будет трогать. Обмыть тело, голову. Ногти и волосы, кажется, подрезают. Часть на память в конвертик. Потом все равно отрастают. Нечистое занятие.

Все ждали, не говоря ни слова. Наверно, венки выносят. На что-то твердое сел. А, это мыло в заднем кармане. Лучше убрать оттуда. Подожди случая.

Все ждали. Потом спереди донеслись звуки колес – ближе – потом стук копыт. Тряхнуло. Карета тронулась, скрипя и покачиваясь. Послышались другие копыта и скрипучие колеса, сзади. Проплыли соседские окна и номер девятый с открытой дверью, с крепом на дверном молотке. Шагом.

Они еще выжидали, с подпрыгивающими коленями, покуда не повернули и не поехали вдоль трамвайной линии. Трайтонвилл-роуд. Быстрой. Колеса застучали по булыжной мостовой, и расшатанные стекла запрыгали, стуча, в рамах.

– По какой это он дороге? – спросил мистер Пауэр в оба окошка.

– Айриштаун, – ответил Мартин Каннингем. Рингсенд. Брансвик-стрит.

Мистер Дедал, поглядев наружу, кивнул.

– Хороший старый обычай^[283], – сказал он. – Отрадно, что еще не забыт.

С минуту все смотрели в окна на фуражки и шляпы, приподнимаемые прохожими. Дань уважения. Карета, миновав Уотери-лейн, свернула с рельсов на более гладкую дорогу. Взгляд мистера Блума заметил стройного юношу в трауре и широкополой шляпе.

– Тут мимо один ваш друг, Дедал, – сказал он.

– Кто это?

– Ваш сын и наследник.

– Где он там? – спросил мистер Дедал, перегибаясь к окну напротив.

Карета, миновав улицу с доходными домами и развороченной, в канавах и ямах, мостовой, свернула, накренившись, за угол и снова покатила вдоль рельсов, громко стуча колесами. Мистер Дедал откинулся назад и спросил:

– А этот прохвост Маллиган тоже с ним? Его *fidus Achates*?^{74[284]}

– Да нет, он один, – ответил мистер Блум.

⁷⁴ Верный Ахат (*лат.*).

– От тетушки Салли, надо думать, – сказал мистер Дедал. – Эта шайка Гулдингов, пьяненький счетоводишка и Кресси, папочкина вошка-сикушка^[285], то мудрое дитя, что узнает отца^[286].

Мистер Блум бесстрастно усмехнулся, глядя на Рингсенд-роуд. Братья Уоллес, производство бутылок. Мост Доддер.

Ричи Гулдинг с портфелем стряпчего. Гулдинг, Коллис и Уорд, так он всем называет фирму. Его шуточки уже сильно с бородой. А был хоть куда. Воскресным утром танцевал на улице вальс с Игнатием Галлахером^[287], на Стеймер-стрит, напялив две хозяйкины шляпы на голову. Ночи напролет куролесил. Теперь начинает расплачиваться: боюсь, что эта его боль в поясице. Жена утужит спину. Думает вылечиться пилюльками. А в них один хлеб. Проценто шестьсот чистой прибыли.

– Связался со всяким сбродом, – продолжал сварливо мистер Дедал. – Этот Маллиган, вам любой скажет, это отпетый бандит, насквозь испорченный тип. От одного его имени воняет по всему Дублину. Но с помощью Божией и Пресвятой Девы, я им особо займусь, я напишу его матери, или тетке, или кто она там ему такое письмо, что у нее глаза полезут на лоб. Я тыл ему коленом почешу^[288], могу вас заверить.

Он силился перекричать громыханье колес:

– Я не позволю, чтобы этот ублюдок, ее племянничек, губил бы моего сына. Отродье зывалы из лавки. Шнурки продает у моего родича, Питера Пола Максвайни^[289]. Не выйдет.

Он смолк. Мистер Блум перевел взгляд с его сердитых усов на кроткое лицо мистера Пауэра, потом на глаза и бороду Мартина Каннингема, которые солидно покачивались. Шумливый человек, своевольный. Носится со своим сыном. И правильно. Что-то после себя оставить. Если бы Руди, малютка, остался жить. Видеть, как он растет. Слышать голосок в доме. Как идет рядом с Молли в итонской курточке^[290]. Мой сын. Я в его глазах. Странное было бы ощущение. От меня. Слепой случай. Это видно тем утром на Реймонд-террас она из окна глядела как две собаки случаются под стеной не содейте зла^[291]. И сержант ухмылялся. Она была в том палевом халате с прорехой, так и не собралась зашить. Польди, давай мы. Ох, я так хочу, умираю. Так начинается жизнь.

Потом в положении. Пришлось отменить концерт в Грейстоуне. Мой сын в ней. Я мог бы его поставить на ноги. Мог бы. Сделать самостоятельным. Немецкому научить.

– Мы не опаздываем? – спросил мистер Пауэр.

– На десять минут, – сказал Мартин Каннингем, посмотрев на часы.

Молли. Милли. То же самое, но пожиже. Ругается как мальчишка. Катись колбаской! Чертики с рожками! Нет, она милая девчушка. Станет уж скоро женщиной. Маллинггар. Дражайший папулька. Студент. Да, да: тоже женщина. Жизнь. Жизнь.

Карету качнуло взад-вперед и с ней четыре их тулова.

– Корни мог бы нам дать какую-нибудь колымагу поудобней, – заметил мистер Пауэр.

– Мог бы, – сказал мистер Дедал, – если бы он так не косил. Вы меня понимаете?

Он прищурил левый глаз. Мартин Каннингем начал смахивать хлебные крошки со своего сиденья.

– Что это еще, Боже милостивый? – проговорил он. – Крошки?

– Похоже, что кто-то тут устраивал недавно пикник, – сказал мистер Пауэр.

Все привстали, недовольно оглядывая прелую, с оборванными пуговицами, кожу сидений. Мистер Дедал покрутил носом, глядя вниз, поморщился и сказал:

– Или я сильно ошибаюсь... Как вам кажется, Мартин?

– Я и сам поразился, – сказал Мартин Каннингем.

Мистер Блум опустил на сиденье. Удачно, что зашел в баню. Ноги чувствуешь совершенно чистыми. Вот только бы еще миссис Флеминг заштопала эти носки получше.

Мистер Дедал, отрешенно вздохнув, сказал:

- В конце концов, это самая естественная вещь на свете.
- А Том Кернан появился? – спросил Мартин Каннингем, слегка теребя кончик бороды.
- Да, – ответил мистер Блум. – Он едет за нами с Хайнсом^[292] и с Недом Лэмбертом.
- А сам Корни Келлехер? – спросил мистер Пауэр.
- На кладбище, – сказал Мартин Каннингем.
- Я встретил утром Маккоя, – сообщил мистер Блум, – и он сказал, тоже постарается

приехать.

Карета резко остановилась.

– Что там такое?

– Застряли.

– Где мы?

Мистер Блум высунул голову из окна.

– Большой канал, – сказал он.

Газовый завод. Говорят, вылечивает коклюш. Повезло, что у Милли этого не было. Бедные дети. Сгибаются пополам в конвульсиях, синеют, чернеют. Просто кошмар. С болезнями сравнительно легко обошлось. Одна корь. Чай из льняного семени. Скарлатина, эпидемии инфлюэнцы. Рекламные агенты смерти. Не упустите такого случая. Вон там собачий приют. Старый Атос, бедняга! Будь добрым к Атосу, Леопольд, это мое последнее желание. Да будет воля твоя. Слушаемся их, когда они в могиле. Предсмертные каракули. Он себе места не находил, тосковал. Смирный пес. У стариков обычно такие.

Капля дождя упала ему на шляпу. Он спрятал голову и увидел, как серые плиты моментально усеялись темными точками. По отдельности. Интересно. Как через сито. Я так и думал, пойдет. Помнится, подошвы скрипели.

– Погода меняется, – спокойно сообщил он.

– Жаль, быстро испортилась, – откликнулся Мартин Каннингем.

– Для полей нужно, – сказал мистер Пауэр. – А вон и солнце опять выходит.

Мистер Дедал, воззрившись через очки на задернутое солнце, послал немое проклятие небесам.

– Не надежнее, чем попка младенца, – изрек он.

– Поехали.

Колеса с усилием завертелись снова, и торсы сидящих мягко качнуло. Мартин Каннингем живее затеребил кончик бороды.

– Вчера вечером Том Кернан был грандиозен, – сказал он. – А Падди Леонард^[293] его передразнивал у него на глазах.

– О, покажите-ка нам его, Мартин, – оживился мистер Пауэр. – Сейчас вы, Саймон, услышите, как он высказался про исполнение «Стриженого паренька»^[294] Беном Доллардом.

– Грандиозно, – с напыщенностью произнес Мартин Каннингем. – *То, как он спел эту простую балладу, Мартин, это самое проникновенное исполнение, какое мне доводилось слышать при всем моем долгом опыте.*

– Проникновенное, – со смехом повторил мистер Пауэр. – Это словечко у него просто пунктик. И еще – ретроспективное упорядочение.

– Читали речь Дэна Доусона^[295]? – спросил Мартин Каннингем.

– Я нет, – сказал мистер Дедал. – А где это?

– В сегодняшней утренней.

Мистер Блум вынул газету из внутреннего кармана. Я еще должен поменять книгу для нее.

– Нет-нет, – сказал поспешно мистер Дедал. – Потом, пожалуйста.

Взгляд мистера Блума скользнул по крайнему столбцу, пробежав некрологи. Каллан, Коулмен, Дигнам, Фоусетт, Лаури, Наумен, Пик, это какой Пик, не тот, что служил у Кроссби

и Оллейна? нет, Секстон, Эрбрайт. Черные литеры уже начали стираться на потрепанной и мятой бумаге. Благодарение Маленькому Цветку^[296]. Горькая утрата. К невыразимой скорби его. В возрасте 88 лет, после продолжительной и тяжелой болезни. Панихида на тридцатый день. Квинлен. Да помилует Иисус Сладчайший душу его.

Уж месяц как Генри ушел без возврата
В обители вечной он пребывает
Семейство скорбит над жестокой утратой
На встречу в горнем краю уповая.

А я конверт разорвал? Да. А куда положил письмо, после того как перечитывал в бане? Он ощупал свой жилетный карман. Тут. Генри ушел без возврата. Пока у меня еще есть терпение.

Школа. Лесосклад Мида. Стоянка кебов. Всего два сейчас. Дремлют. Раздулись, как клещи. Мозгов почти нет, одни черепные кости. Еще один трусит с седоком. Час назад я тут проходил. Извозчики приподняли шапки.

Спина стрелочника неожиданно выросла, распрямившись, возле трамвайного столба, у самого окна мистера Блума. Разве нельзя придумать что-нибудь автоматическое, чтобы колеса сами гораздо удобней? Да но тогда этот парень потеряет работу? Да но зато еще кто-то получит работу, делать то, что придумают?

Концертный зал Эншент. Закрыт сегодня. Прохожий в горчичном костюме, с крепом на рукаве. Некрупная скорбь. Четверть траура. Женина родня, скажем.

Они проехали мрачную кафедру Святого Марка, под железнодорожным мостом, мимо театра «Куинз»: в молчании. Рекламные щиты. Юджин Стрэттон^[297], миссис Бэндмен Палмер. А не сходить ли мне на «Лию» сегодня вечером? Говорил ведь что. Или на «Лилию Килларни»^[298]? Оперная труппа Элстер Граймс. Новый сенсационный спектакль. Афиши на будущую неделю, еще влажные, яркие. «Бристольские забавы»^[299]. Мартин Каннингем мог бы достать контрамарку в «Гэйети». Придется ему поставить. Шило на мыло.

Он придет днем. Ее песни.

Шляпы Плестоу. Бюст сэра Филипа Крэмптона у фонтана. А кто он был-то?

– Как поживаете? – произнес Мартин Каннингем, приветственно поднося ладонь ко лбу.

– Он нас не видит, – сказал мистер Пауэр. – Нет, видит. Как поживаете?

– Кто? – спросил мистер Дедал.

– Буян Бойлан, – ответил мистер Пауэр. – Вон он, вышел проветриться.

В точности когда я подумал.

Мистер Дедал перегнулся поприветствовать. От дверей ресторана «Ред бэнк» блеснул ответно белый диск соломенной шляпы – скрылся.

Мистер Блум осмотрел ногти у себя на левой руке, потом на правой руке. Да, ногти. Что в нем такого есть что они она видит? Наваждение. Ведь хуже не сыщешь в Дублине. Этим и жив. Иногда они человека чувствуют. Инстинкт. Но этакого гуся. Мои ногти. А что, просто смотрю на них: вполне ухожены. А после: одна, раздумывает. Тело не такое уже упругое. Я бы заметил по памяти. Отчего так бывает наверно кожа не успевает стянуться когда с тела спадет. Но фигура еще на месте. Еще как на месте. Плечи. Бедра. Полные. Вечером, когда одевалась на бал. Рубашка сзади застряла между половинок.

Он зажал руки между колен и отсутствующим, довольным взглядом обвел их лица.

Мистер Пауэр спросил:

– Что слышно с вашим турне, Блум?

– О, все отлично, – отвечал мистер Блум. – Мнения самые одобрительные. Вы понимаете, такая удачная идея...

– А вы сами поедете?

– Нет, знаете ли, – сказал мистер Блум. – Мне надо съездить в графство Клэр по одному частному делу. Идея в том, чтобы охватить главные города. Если в одном прогоришь, в других можно наверстать.

– Очень правильно, – одобрил Мартин Каннингем. – Сейчас там Мэри Андерсон^[300].

– А партнеры у вас хорошие?

– Ее импресарио Луис Вернер, – сказал мистер Блум. – О да, у нас все из самых видных. Дж. К. Дойл и Джон Маккормак^[301] я надеюсь и. Лучшие, одним словом.

– И Мадам, – добавил с улыбкой мистер Пауэр. – Хоть упомянем последней, все равно первая.

Мистер Блум развел руками в жесте мягкой учтивости и снова сжал руки. Смит О'Брайен. Кто-то положил букет у подножия. Женщина. Наверно, годовщина смерти. Желаем еще многих счастливых. Объезжая статую Фаррелла^[302], карета бесшумно сдвинула их несопротивляющиеся колени.

Ркии: старик в темных лохмотьях протягивал с обочины свой товар, разевая рот: ркии.

– Шну-ркии, четыре на пенни.

Интересно, за что ему запретили практику. Имел свою контору на Хьюм-стрит. В том же доме, где Твиди, однофамилец Молли, королевский адвокат графства Уотерфорд. Цилиндр с тех пор сохранился. Остатки былой роскоши. Тоже в трауре. Но так скатиться, бедняга! Каждый пинает, как собаку. Последние деньки О'Каллахана^[303].

И Мадам. Двадцать минут двенадцатого. Встала. Миссис Флеминг принялась за уборку. Причесывается, напевает: *voglio e non vorrei*. Нет: *vorrei e non*⁷⁵. Рассматривает кончики волос, не секутся ли. *Mi trema un poco il*⁷⁶. Очень красиво у нее это *tre*: рыдающий звук. Тревожный. Трепетный. В самом слове «трепет» уже это слышится.

Глаза его скользнули по приветливому лицу мистера Пауэра. Виски седеют. Мадам: и улыбается. Я тоже улыбнулся. Улыбка доходит в любую даль. А может, просто из вежливости. Приятный человек. Интересно, это правду рассказывают насчет его соержанки? Для жены ничего приятного. Но кто-то меня уверял, будто между ними ничего плотского. Можно себе представить, тогда у них живо бы все завяло. Да, это Крофтон^[304] его как-то встретил вечером, он нес ей фунт вырезки. Где же она служила? Барменша в «Джури». Или из «Мойры»?

Они проехали под фигурой Освободителя в обширном плаще.

Мартин Каннингем легонько коснулся мистера Пауэра.

– Из колена Рувимова,^[305] – сказал он.

Высокий чернобородый мужчина с палкой грузно проковылял за угол слоновника Элвери^[306], показав им за спиной скрюченную горстью ладонь.

– Во всей своей девственной красе, – сказал мистер Пауэр.

Мистер Дедал, поглядев вслед ковыляющей фигуре, пожелал кротко:

– Чтоб тебе сатана пропорол печенки!

Мистер Пауэр, зашедшись неудержимым смехом, заслонил лицо от окна, когда карета проезжала статую Грэя.

– Мы все это испытали, – заметил неопределенно Мартин Каннингем.

Глаза его встретились с глазами мистера Блума. Погладив свою бороду, он добавил:

– Ну, скажем, почти все из нас.

Мистер Блум заговорил с внезапной живостью, вглядываясь в лица спутников.

– Это просто отличная история, что ходит насчет Рувима Дж. и его сына.

– Про лодочника? – спросил мистер Пауэр.

– Да-да. Отличная ведь история?

⁷⁵ Хотела бы и не (*ит.*).

⁷⁶ Слегка дрожит мое (*ит.*) – далее «сердце»: из дуэта «Дай руку мне, красотка».

– А что там? – спросил мистер Дедал. – Я не слышал.
– Там возникла какая-то девица, – начал мистер Блум, – и он решил услать его от греха подальше на остров Мэн, но когда они оба...
– Что-что? – переспросил мистер Дедал. – Это этот окаянный уродец?
– Ну да, – сказал мистер Блум. – Они оба уже шли на пароход, и тот вдруг в воду...
– Варавва в воду!^[307] – воскликнул мистер Дедал. – Экая жалость, не утонул!
Мистер Пауэр снова зашелся смехом, выпуская воздух через заслоненные ноздри.
– Да нет, – принялся объяснять мистер Блум, – это сын...
Мартин Каннингем бесцеремонно вмешался в его речь.
– Рувим Дж. с сыном шли по набережной реки к пароходу на остров Мэн, и тут вдруг юный балбес вырвался и через парапет прямо в Лиффи.
– Боже правый! – воскликнул мистер Дедал в испуге. – И утонул?
– Утонул! – усмехнулся Мартин Каннингем. – Он утонет! Лодочник его выудил багром за штаны и причалил с ним прямиком к папаше, с полумертвым от страха. Полгорода там столпилось.
– Да, – сказал мистер Блум, – но самое-то смешное...
– И Рувим Дж., – продолжал Мартин Каннингем, – пожаловал лодочнику флорин за спасение жизни сына.
Приглушенный вздох вырвался из-под ладони мистера Пауэра.
– Да-да, пожаловал, – подчеркнул Мартин Каннингем. – Героически. Серебряный флорин.
– Отличная ведь история? – повторил с живостью мистер Блум.
– Переплатил шиллинг и восемь пенсов, – бесстрастно заметил мистер Дедал.
Тихий сдавленный смех мистера Пауэра раздался в карете.
Колонна Нельсона.
– Сливы, восемь на пенни! Восемь на пенни!
– Давайте-ка мы примем более серьезный вид, – сказал Мартин Каннингем.
Мистер Дедал вздохнул:
– Бедняга Падди не стал бы ворчать на нас, что мы посмеялись. В свое время сам порассказывал хороших историй.
– Да простит мне Бог! – проговорил мистер Пауэр, вытирая влажные глаза пальцами. – Бедный Падди! Не думал я неделю назад, когда его встретил последний раз и был он, как всегда, здоровехонек, что буду ехать за ним вот так. Ушел от нас.
– Из всех, кто только носил шляпу на голове, самый достойный крепышок, – выразился мистер Дедал. – Ушел в одночасье.
– Удар, – молвил Мартин Каннингем. – Сердце.
Печально он похлопал себя по груди.
Лицо как распаренное: багровое. Злоупотреблял горячительным. Средство от красноты носа. Пей до чертиков, покуда не станет трупно-серым. Порядком он денег потратил, чтоб перекрасить.
Мистер Пауэр смотрел на проплывающие дома со скорбным сочувствием.
– Бедняга, так внезапно скончался.
– Наилучшая смерть, – сказал мистер Блум.
Они поглядели на него широко открытыми глазами.
– Никаких страданий, – сказал он. – Момент, и кончено. Как умереть во сне.
Все промолчали.
Мертвая сторона улицы. Днем всякий унылый бизнес, земельные конторы, гостиница для непьющих, железнодорожный справочник Фолконера, училище гражданской службы, Гилл, католический клуб, общество слепых. Почему? Какая-то есть причина. Солнце или ветер. И

вечером то же. Горняшки да подмастерья. Под покровительством покойного отца Мэтью^[308]. Камень для памятника Парнеллу. Удар. Сердце.

Белые лошади с белыми султанами галопом вынеслись из-за угла Ротонды. Мелькнул маленький гробик. Спешит в могилу. Погребальная карета. Неженатый. Женатому вороных. Старому холостяку пегих. А монашке мышастых.

– Грустно, – сказал Мартин Каннингем. – Какой-то ребенок.

Личико карлика, лиловое, сморщенное, как было у малютки Руди. Тельце карлика, мягкое, как замазка, в сосновом гробике с белой обивкой внутри. Похороны оплачены товариществом. Пенни в неделю за клочок на кладбище. Наш. Бедный. Крошка. Младенец. Несмышленьш. Ошибка природы. Если здоров, это от матери. Если нет, от отца. В следующий раз больше повезет.

– Бедный малютка, – сказал мистер Дедал. – Отмаялся.

Карета медленно взбиралась на холм Ратленд-сквер. Растрясут его кости. Свалят гроб на погосте. Горемыка безродный. Всему свету чужой.^[309]

– В расцвете жизни,^[310] – промолвил Мартин Каннингем.

– Но самое худшее, – сказал мистер Пауэр, – это когда человек кончает с собой.

Мартин Каннингем быстрым движением вынул часы, кашлянул, спрятал часы обратно.

– И это такое бесчестье, если у кого-то в семье, – продолжал мистер Пауэр.

– Временное умопомрачение, разумеется, – решительно произнес Мартин Каннингем. –

Надо к этому относиться с милосердием.

– Говорят, тот, кто так поступает, трус, – сказал мистер Дедал.

– Не нам судить, – возразил Мартин Каннингем.

Мистер Блум, собравшись было заговорить, снова сомкнул уста. Большие глаза Мартина Каннингема. Сейчас отвернулся. Гуманный, сострадательный человек. И умный. На Шекспира похож.^[311] Всегда найдет доброе слово. А у них никакой жалости насчет этого, и насчет детоубийства тоже. Лишают христианского погребения. Раньше загоняли в могилу кол, в сердце ему. Как будто и так уже не разбито. Но иногда те раскаиваются, слишком поздно. Находят на дне реки^[312] вцепившимися в камыши. Посмотрел на меня. Жена у него жуткая пьянчужка.^[313] Сколько раз он заново обставит квартиру, а она мебель закладывает чуть ли не каждую субботу. Жизнь как у проклятого. Это надо каменное сердце. Каждый понедельник все заново. Тяни лямку. Мать Божья, хороша же она была в тот вечер. Дедал рассказывал, он там был. Как есть в стельку, и приплясывает с Мартиновым зонтиком:

На Востоке слыву я первойшей

Ах, первойшей

Красавицей гейшей.^[314]

Опять отвернулся. Знает. Растрясут его кости.

В тот день, дознание. На столе пузырек с красным ярлыком. Номер в гостинице, с охотничьими картинками. Духота. Солнце просвечивает сквозь жалюзи. Уши следователя крупные, волосатые. Показания коридорного. Сперва подумал, он спит. Потом увидел на лице вроде как желтые потеки. Свесился с кровати. Заключение: чрезмерная доза. Смерть в результате неосторожности. Письмо. Моему сыну Леопольду.

Не будет больше мучений. Никогда не проснешься. Всему свету чужой.

Лошади припустили вскачь по Блессингтон-стрит. Свалят гроб на погосте.

– А мы разогнались, я вижу, – заметил Мартин Каннингем.

– Авось, он нас не перевернет, – сказал мистер Пауэр.

– Надеюсь, нет, – сказал Мартин Каннингем. – В Германии завтра большие гонки. Кубок Гордона Беннета.^[315]

– Да, убей Бог, – хмыкнул мистер Дедал. – Это бы стоило посмотреть.

Когда они свернули на Беркли-стрит, уличная шарманка возле Бассейна встретила и проводила их разухабистым скачущим мотивчиком мюзик-холла. Не видали Келли?^[316] Ка – е два эл – и. Марш мертвых из «Саула»^[317]. Этот старый негодник Антонио.^[318] Меня бросил без всяких резонно. Пируэт! Скорбящая Божья Матерь. Экклс-стрит. Там дальше мой дом. Большая больница. Вон там палата для безнадежных. Это обнадеживает. Приют Богоматери для умирающих. Мертвецкая тут же в подвале, удобно. Где умерла старая миссис Риордан^[319]. Эти женщины, ужасно на них смотреть. Ее кормят из чашки, подбирают ложечкой вокруг рта. Потом обносят кровать ширмой, оставляют умирать. Славный был тот студент, к которому я пришел с пчелиным укусом. Потом сказали, он перешел в родильный приют. Из одной крайности в другую.

Карета завернула галопом за угол – и стала.

– Что там еще?

Стадо клейменого скота, разделившись, обтекало карету, тяжело ступая разбитыми копытами, мыча, лениво обмахивая хвостами загаженные костлявые крупы. По бокам и в гуще гурта трусили меченые овцы, блея от страха.

– Эмигранты, – сказал мистер Пауэр.

– Гей! Гей! – покрикивал голос скотогона, бич его щелкал по их бокам. – Гей! С дороги!

Конечно, четверг. Завтра же день забоя. Молодняк. У Каффа шли в среднем по двадцать семь фунтов. Видимо, в Ливерпуль. Ростбиф для старой Англии.^[320] Скупают самых упитанных. И потом пятая четверть теряется: все это сырье, шерсть, шкуры, рога. За год наберется очень порядочно. Торговля убоиной. Побочные продукты с боен идут кожевникам, на мыло, на маргарин. Интересно, еще действует этот трюк, когда можно было мясо с душиком покупать прямо с поезда, в Клонзилле.

Карета пробиралась сквозь стадо.

– Не могу понять, почему муниципалитет не проложит линию трамвая от ворот парка к набережным, – сказал мистер Блум. – Можно было бы весь этот скот доставлять вагонами прямо на пароходы.

– Чем загораживать движение, – поддержал Мартин Каннингем. – Очень правильно. Так и надо бы сделать.

– Да, – продолжал мистер Блум, – и еще другое я часто думаю, это чтобы устроили похоронные трамваи, знаете, как в Милане. Провести линию до кладбища и пустить специальные трамваи, катафалк, траурный кортеж, все как положено. Вы понимаете мою идею?

– Ну, это уж анекдот какой-то, – молвил мистер Дедал. – Вагон спальный и вагон-ресторан.

– Печальные перспективы для Корни, – добавил мистер Пауэр.

– Почему же? – возразил мистер Блум, оборачиваясь к мистеру Дедалу. – Разве не будет это приличней, чем трястись вот так парами, нос к носу?

– Ну ладно, может, тут и есть что-то, – снизошел мистер Дедал.

– И к тому же, – сказал Мартин Каннингем, – мы бы избавились от сцен вроде той, когда катафалк перевернулся у Данфи и опрокинул гроб на дорогу.

– Совершенно ужасный случай! – сказала потрясенное лицо мистера Пауэра. – И труп вывалился на мостовую. Ужасно!

– Первым на повороте у Данфи, – одобрительно кивнул мистер Дедал. – На кубок Гордона Беннета.

– Господи помилуй! – произнес набожно Мартин Каннингем.

Трах! На попа! Гроб грохается о мостовую. Крышка долой. Падди Дигнам вылетает и катится в пыли, как колода в коричневом костюме, который ему велик. Красное лицо – сейчас серое. Рот разинут. Спрашивает, чего такое творится. Правильно закрывают им. Жуткое зре-

лице с открытым. И внутренности быстрее разлагаются. Самое лучшее закрыть все отверстия. Ага, и там. Воском. Сфинктер расслабляется. Все заткнуть.

– Данфи, – объявил мистер Пауэр, когда карета повернула направо.

Перекресток Данфи. Стоят траурные кареты: залить горе. Придорожный привал. Для трактира идеальное место. Наверняка заглянем на обратном пути пропустить за его здоровье. Чаша утешения. Эликсир жизни.

А допустим правда случилось бы. Пошла бы у него кровь скажем если бы напоролся на гвоздь? И да и нет, я так думаю. Смотря где. Кровообращение останавливается. Но из артерии еще сколько-нибудь может вытечь. Было бы лучше хоронить в красном. В темно-красном.

Они ехали молча по Фибсборо-роуд. Навстречу с кладбища пустой катафалк: с облегченным видом.

Мост Кросганс: королевский канал.

Вода с ревом устремлялась сквозь шлюзы. Человек стоял на опускающейся барже между штабелями сухого торфа. У створа, на буксирной тропе, лошадь на длинной привязи. Плавание на «Бугабу».^[321]

Глаза их смотрели на него. По медленным тинистым каналам и рекам проплыл он в своем дощанике через всю Ирландию к побережью на буксирном канате мимо зарослей камыша, над илом, увязшими бутылками, трупами дохлых псов. Атлон, Маллинггар, Мойвэлли, я бы мог Милли навестить пешим ходом, шагай себе вдоль канала. Или на велосипеде. Взять старенький напрокат, никакого риска. У Рена был как-то на торгах, только дамский. Улучшать водные пути. У Джеймса Макканна^[322] хобби катать меня на пароме. Дешевый транспорт. Малыми расстояниями. Плавающие палатки. Туризм. И катафалки можно. Водой на небо. А что, поехать вот так, без предупреждения. Сюрприз. Лейклип, Клонзилла. Спустился, шлюз за шлюзом, до Дублина. С торфом из внутренних болот. Привет. Он снял соломенную порыжелую шляпу, приветствуя Падди Дигнама.

Проехали дом Брайена Бороиме^[323]. Близко уже.

– Интересно, как там наш друг Фогарти^[324], – сказал мистер Пауэр.

– Спросите у Тома Кернана, – отозвался мистер Дедал.

– Как так? – спросил Мартин Каннингем. – Я думал, он ему сделал ручкой.

– Хоть скрылся из глаз, но для памяти дорог,^[325] – промолвил мистер Дедал.

Карета повернула налево по Финглас-роуд.

Направо камнерезные мастерские. Финишная прямая. На полоске земли столпились безмолвные фигуры, белые, скорбные, простирая безгневно руки, в горе пав на колени, с указующим жестом. Тесные куски фигур. В белом безмолвии – взывают. Обширный выбор. Том. Х. Деннани, скульптор и изготовитель надгробий.

Проехали.

Перед домом Джимми Гири, могильщика, сидел на обочине старый бродяга и ворча вытряхивал сор и камешки из здоровенного пропыленного башмака с зияющей пастью. После жизненного странствия.

Потянулись угрюмые сады один за другим – угрюмые дома.

Мистер Пауэр показал рукой.

– Вон там был убит Чайлдс,^[326] – сказал он. – В крайнем доме.

– Там, – подтвердил мистер Дедал. – Жуткая история. Братоубийство. Так считали, по крайней мере. А Сеймур Буш его вытянул.

– Улик не было, – сказал мистер Пауэр.

– Одни косвенные, – сказал Мартин Каннингем. – Таков принцип правосудия. Пусть лучше девяносто девять виновных ускользнут, чем один невиновный будет приговорен.^[327]

Они смотрели. Земля убийцы. Зловеще проплыла мимо. Закрыты ставни, никто не живет, запущенный сад^[328]. Все пошло прахом. Невиновный приговорен. Убийство. Лицо

убийцы в зрачках убитого. Про такое любят читать. В саду найдена голова мужчины. Одежда ее состояла из. Как она встретила смертный час. Знаки недавнего насилия. Орудием послужило. Убийца еще на свободе. Улики. Шнурок от ботинок. Тело решено эксгумировать. Убийство всегда откроется.

Теснота тут в карете. А вдруг ей не понравится, если я неожиданно-негаданно. С женщинами надо поосторожней. Один раз застанешь со спущенными панталонами всю жизнь не простит. Пятнадцать.

Прутья высокой ограды Проспекта замелькали рябью в глазах. Темные тополя^[329], редкие белые очертания. Очертания чаще, белые силуэты толпою среди деревьев, белые очертания, части их, безмолвно скользили мимо с тщетными в воздухе застывшими жемами.

Ободья скрипнули по обочине: стоп. Мартин Каннингем потянулся к ручке, нажал, повернул ее и распахнул дверцу, толкнув коленом. Он вышел. За ним мистер Пауэр и мистер Дедал.

Момент переложить мыло. Рука мистера Блума проворно расстегнула задний брючный карман и отправила мыло, слипшееся с оберткой, во внутренний карман с носовым платком. Он вышел, сунув обратно газету, которую все еще держала другая рука.

Убогие похороны: три кареты и катафалк. Какая разница. Факельщики, золоченая сбруя, заупокойная месса, артиллерийский салют. Смерть с помпой. У последней кареты стоял разносчик с лотком фруктов и пирожков. Черствые пирожки ссохлись вместе: пирожки для покойников. Собачья радость. Кто их ест? Те, кто обратно с кладбища.

Он шел за своими спутниками, позади мистер Кернан и Нед Лэмберт, за ними Хайнс. Корни Келлехер, стоявший у открытого катафалка, взял два венка и передал один мальчику.

А куда же делись те детские похороны?

Упряжка лошадей со стороны Финглас-роуд натужно тащила в похоронном молчании скрипучую телегу с глыбой гранита. Шагавший впереди возчик снял шапку.

Теперь гроб. Хоть мертвый, а поспел раньше.^[330] Лошадь оглядывается на него, султан съехал. Глаза тусклые: хомут давит, зажало ей вену или что там. А знают они, что такое возят сюда каждый день? Верно, что ни день – похорон двадцать – тридцать. Еще Иеронимова Гора для протестантов. Хоронят везде и всюду каждую минуту по всему миру. Спихивают под землю возами, в спешном порядке. Тысячи каждый час. Чересчур много развелось.

Из ворот выходили женщина и девочка в трауре. Тонкогубая гарпия, из жестких деловых баб, шляпка набок. У девочки замурзанное лицо в слезах, держит мать за руку, смотрит на нее снизу, надо или не надо плакать. Рыбье лицо, бескровное, синее.^[331]

Служители подняли гроб и понесли в ворота. Мертвый вес больше. Я сам себя чувствовал тяжелей, когда вылезал из ванны. Сначала труп: потом друзья трупа. За гробом с венками шли Корни Келлехер и мальчик. А кто это рядом с ними? Ах да, свояк.

Все двигались следом.

Мартин Каннингем зашептал:

– Я так и обомлел, когда вы при Блуме начали о самоубийствах.

– Что-что? – зашептал мистер Пауэр. – А почему?

– Его отец отравился, – шептал Мартин Каннингем. – Он был хозяин отеля «Куинз» в Эннисе. Слышали он сказал он едет в Клэр. Годовщина.

– О Господи! – шептал мистер Пауэр. – В первый раз слышу. Отравился!

Он оглянулся туда, где в сторону усыпальницы кардинала двигалось лицо с темными задумчивыми глазами. Беседуя.

– А он был застрахован? – спросил мистер Блум.

– Кажется, да, – отвечал мистер Кернан, – но только он заложил свой полис. Мартин хлопочет, чтобы младшего устроить в Артейн^[332].

– А сколько всего детишек?

- Пятеро. Нед Лэмберт обещает устроить одну из девочек к Тодду^[333].
- Печальный случай, – с сочувствием произнес мистер Блум. – Пятеро маленьких детей.
- А какой удар для жены, – добавил мистер Кернан.
- Еще бы, – согласился мистер Блум.

Чихала она теперь на него.

Он опустил взгляд на свои начищенные ботинки. Она пережила его. Овдовела. Для нее он мертвее, чем для меня. Всегда один должен пережить другого. Мудрецы говорят. Женщин на свете больше, мужчин меньше. Выразить ей соболезнование. Ваша ужасная утрата. Надеюсь, вы вскоре последуете за ним. Это только вдовы индусов. Она может выйти за другого. За него? Нет. Хотя кто знает. Вдовство больше не в чести^[334], как старая королева умерла. Везли на лафете. Виктория и Альберт. Траурная церемония во Фрогморе^[335]. Но в конце она себе позволила парочку фиалок на шляпку. Тщеславие, в сердце сердца^[336]. Все ради тени. Консорт, даже не король. Ее сын, вот где было что-то реальное. Какая-то новая надежда, а не то прошлое, которое, она все ждала, вернется. Оно не может вернуться. Кому-то уйти первым – в одиночку, под землю – и не лежать уж в ее теплой постели.

– Как поживаете, Саймон? – тихо спросил Нед Лэмберт, пожимая руку. – Не виделись с вами целую вечность.

– Лучше не бывает. А что новенького в нашем преславном Корке?

– Я ездил туда на скачки на Светлой неделе, – сказал Нед Лэмберт. – Нового одно старое.

Остановился у Дика Тайви.

– И как там наш Дик, честняга?

– Как есть ничего между ним и небом, – выразился Нед Лэмберт.

– Силы небесные! – ахнул мистер Дедал в тихом изумлении. – Дик Тайви облысел?

– Мартин Каннингем пустил подписной лист в пользу ребятни, – сказал Нед Лэмберт, кивнув вперед. – По несколько шиллингов с души. Чтобы им продержаться, пока получают страховку.

– Да-да, – произнес неопределенно мистер Дедал. – Это что, старший там впереди?

– Да, – сказал Нед Лэмберт, – и брат жены. За ними Джон Генри Ментон. Он уже подписался на фунт.

– Я был всегда в нем уверен, – заявил мистер Дедал. – Сколько раз я говорил Падди, чтоб он держался за ту работу. Джон Генри – это не худшее, что бывает.

– А как он потерял это место? – спросил Нед Лэмберт. – Попивал чересчур?

– Грешок многих добрых людей, – со вздохом молвил мистер Дедал.

Они остановились у входа в часовню. Мистер Блум стоял позади мальчика с венком, глядя вниз на его прилизанные волосы и тонкую, с ложбинкой, шею в новеньком тесном воротничке. Бедный мальчуган! Был ли он при этом, когда отец? Оба без сознания. В последний миг приходит в себя и узнает всех в последний раз. Все, что он мог бы сделать. Я должен три шиллинга О’Грэди. Понимал ли он? Служители внесли гроб в часовню. Где голова у него?

Через мгновение он прошел за другими, моргая после яркого света. Гроб стоял перед алтарем на подставке, по углам четыре высокие желтые свечи. Всегда впереди нас. Корни Келлехер, прислонив венки у передних углов, знаком указал мальчику стать на колени. Вошедшие стали там и сям на колени у мест для молящихся. Мистер Блум стоял позади, невдалеке от купели, и, когда все стали на колени, аккуратно уронил из кармана развернутую газету и стал на нее правым коленом. На левое колено он осторожно поместил свою шляпу и, придерживая ее за поля, благочестиво склонил голову.

Из дверей появился служка^[337], неся медное ведро с чем-то внутри. За ним шел священник в белом, одной рукой поправляя столу, другой придерживая маленькую книжицу у своего жабьего брюха. А кто будет нам читать? Каркнул ворон: я опять.^[338]

Они стали у гроба, и священник принялся быстро каркать по своей книжке.

Отец Гробби. Я помню, как-то похоже на гроб. Dominepamine⁷⁷. Здоровенная морда. Заправляет спектаклем. Дюжий христианин.^[339] Горе тому, кто на него косо глянет: священник. Ты еси Петр. Отъел бока, как баран на клевере, сказал бы Дедал. И брюхо раздулось, как у дохлого пса. Где он такие выражения находит, диву даешься. Пуфф: бока лопаются.

– Non intres in iudicium cum servo tuo, Domine⁷⁸.

Дает им чувство собственной важности, когда над ними молятся по-латыни. Заупокойная месса. Все в трауре, рыдают. Бумага с траурной каймой. Твое имя в поминальном листе. Как зябко тут. Его и тянет поесть, когда сидит уныло все утро притопывает ногами да ждет следующего милости просим. И глаза жабы. С чего его так пучит? Молли, эту с капусты. Может быть, тут воздух такой. На вид как будто раздут от газов. В таком месте должна быть адская пропасть газов. Мясников взять: сами становятся как сырые бифштексы. Кто мне рассказывал? Мервин Браун^[340]. В крипте Святой Верберги^[341] у них чудный орган старинный полтора ста лет им там пришлось пробуровать дырки в гробах чтобы газы выпустить и поджечь. Со свистом вырывается: синий. Свистнуло – и тебя нет.

Колено больно. Ох. Вот так лучше.

Священник взял из служкиного ведерка палку с шишкой на конце и помахал ей над гробом. Потом пошел в ноги гроба, помахал там. Вернулся на место и положил ее обратно в ведерко. Каким и был покуда не упокоился. Это все записано: он это все обязан проделать.

– Et ne nos inducas in tentationem⁷⁹.

Служка вторил ему писклявым дискантом. Я часто думал, что лучше брать прислугу из мальчиков. Лет до пятнадцати. Старше уже, конечно...

А там святая вода, должно быть. Окропляет сном. Небось уже обрыдло ему махать махалкой над всеми трупами, что подвозят. Пускай бы полюбовался, над чем он машет. Каждый Божий день свежая порция: мужчины средних лет, старухи, дети, женщины, умершие родами, бородачи, лысые бизнесмены, чахоточные девицы с цыплячьими грудками. Круглый год бормочет над ними одно и то же потом покропит водой: спите. Сейчас вот Дигнама.

– In paradisum⁸⁰.

Говорит, он пойдет в рай или уже в раю. Над каждым повторяет. Нудное дело. Но что-то он должен говорить.

Священник закрыл книжку и вышел, служка за ним. Корни Келлехер открыл боковые двери, и вошли могильщики. Они снова подняли гроб, вынесли его и опустили на свою каталку. Корни Келлехер дал один веночек мальчику, другой свояку, и все следом за ними вышли через боковые двери на воздух, теплый и пасмурный. Мистер Блум вышел последним, сунув обратно в карман сложенную газету. Взор его оставался чинно потуплен, пока каталка с гробом не повернула налево. Железные колеса визгливо скрежетнули по гравию, и отряд тупоносых башмаков двинулся за каталкой по аллее могил. Тари тара тари тара тару. Батюшки, тут разве можно петь.

– Мавзолей О'Коннелла^[342], – сказал Дедал рядом с ним.

Кроткие глаза мистера Пауэра поднялись к вершине высокого обелиска.

– Тут он покоится, – произнес он, – среди своего народа, старый Дэн О'. Но сердце его погребено в Риме. А сколько разбитых сердец погребено тут, Саймон!

– Там вон ее могила, Джек, – сказал мистер Дедал. – Скоро и я лягу рядом. Да призовет Он меня, когда будет воля Его.

⁷⁷ Господиимия (*искаж. лат.*).

⁷⁸ Не осуди раба Твоего, Господи (*лат.*).

⁷⁹ И не введи нас во искушение (*лат.*).

⁸⁰ В рай (*лат.*).

Не удержавшись, он начал тихо всхлипывать, бредя неровной, оступающей походкой. Мистер Пауэр взял его под руку.

– Ей лучше там, где она сейчас, – мягко промолвил он.

– Да, я знаю, – ответил сдавленно мистер Дедал. – Она сейчас на небе, если только есть небо.

Корни Келлехер шагнул в сторону и пропустил остальных вперед.

– Печальные события, – учтиво заговорил мистер Кернан.

Мистер Блум прикрыл глаза и дважды скорбно покивал головой.

– Все остальные надели шляпы, – заметил мистер Кернан. – Я думаю, и нам тоже стоит.

Мы последние. Это кладбище коварное место.

Они покрыли головы.

– А вам не кажется, что его преподобие отслужил слишком скоропалительно? – сказал с неодобрением мистер Кернан.

Мистер Блум солидно кивнул, глянув в живые глаза с красными прожилками. Скрытые глаза, скрытые и обыскивающие. Видимо, масон: точно не знаю. Опять рядом с ним. Мы последние. В равном положении. Авось, он что-нибудь еще скажет.

Мистер Кернан добавил:

– Служба Ирландской Церкви^[343], на Иеронимовой Горе и проше и более впечатляет, я должен это сказать.

Мистер Блум выразил сдержанное согласие. Язык, конечно, многое значит.

Мистер Кернан торжественно произнес:

– *Я емь воскресение и жизнь.*^[344] Это проникает до самой глубины сердца.

– Действительно, – сказал мистер Блум.

Твоего-то может и да но какой прок малому в ящике шесть футов на два с цветочком из пятки? Ему проникает? Седалище страстей. Разбитое сердце. В конечном счете насос, качает каждый день сотни галлонов крови. Потом в один прекрасный день закупорка, и ты с концами. Их тут вокруг навалом: кишки, печенки, сердца. Старые ржавые насосы – и ни черта больше. Воскресение и жизнь. Уж если умер так умер. Или идея насчет Страшного суда. Всех вытряхнуть из могил. Лазарь! Иди вон.^[345] А пошла вонь, и трюк провалился. Подъем! Страшный суд! И все шныряют как мыши разыскивают свои печенки и селезенки и прочие потроха. Чтоб все до крохи собрал за утро, так твою и растак. Ползолотника праху в черепе. Двенадцать гран ползолотника. Тройская мера^[346].

Корни Келлехер пристроился к ним.

– Все было экстракласс, – сказал он. – А?

Он искоса поглядел на них тягучим взглядом. Грудь полисмена. С твоим труляля труляля.

– Как полагается, – согласился мистер Кернан.

– Что? А? – переспросил Корни Келлехер.

Мистер Кернан повторил.

– А кто это позади нас с Томом Кернаном? – спросил Джон Генри Ментон. – Лицо знакомое.

Нед Лэмберт мельком оглянулся назад.

– Блум, – ответил он. – Мадам Мэрион Твиди, та, что была, вернее, она и есть, певица, сопрано. Это жена его.

– А, вон что, – протянул Джон Генри Ментон. – Давненько я ее не видал. Была эффектная женщина. Я танцевал с ней, постой-ка, тому назад пятнадцать-семнадцать золотых годиков, у Мэта Диллона в Раундтауне. Было что подержать в руках.

Он оглянулся в конец процессии.

– А что он такое? Чем занимается? Он не был в писчебумажной торговле? Помню, я с ним расплевался как-то вечером в кегельбане.

Нед Лэмберт усмехнулся:

– Ну как же, был. Пропагандист промокашек.

– Бога ради, – посетовал Джон Генри Ментон, – и что она вышла за этого гуся лапчатого? Ведь какая была, с изюминкой, с огоньком.

– Такой пока и осталась, – заверил Нед Лэмберт. – А он сейчас рекламный агент.

Большие выпуклые глаза Джона Генри Ментона глядели неподвижно вперед.

Тележка свернула в боковую аллею. Солидный мужчина выступил из засады за кустами и снял шляпу. Могильщики тронули свои кепки.

– Джон О’Коннелл, – сказал мистер Пауэр, довольный. – Никогда не забудет друга.

Мистер О’Коннелл молча пожал всем руки. Мистер Дедал сказал:

– Я снова с визитом к вам.

– Любезный Саймон, – произнес негромко смотритель, – я совсем не желаю вас в свои завсегдатаи.

Поклонившись Неду Лэмберту и Джону Генри Ментону, он пошел рядом с Мартином Каннингемом, позвякивая связкой ключей у себя за спиной.

– А вы не слышали историю, – спросил он у всех, – насчет Малкэхи из Кума?

– Я не слышал, – ответил Мартин Каннингем.

Все дружно склонили к нему цилиндры, Хайнс тоже подставил ухо. Смотритель подцепил большими пальцами золотую цепочку от часов и, деликатно понизив голос, заговорил, обращаясь к их выжидательным улыбкам:

– Рассказывают, будто бы двое дружков, подвыпив, в один туманный вечер заявили сюда навестить могилу приятеля. Спросили, где тут лежит Малкэхи из Кума, им объяснили, куда идти. Ну-с, проплутав сколько-то в тумане, они находят могилу. Один из пьяниц читает по буквам: Теренс Малкэхи. Другой в это время хлопает глазами на статую Спасителя, которую вдова заказала и поставила.

Смотритель похлопал глазами на один из попутных памятников. Потом снова продолжал:

– Ну поморгал он, поморгал на божественную статую и говорит: *Да ни хрена он не похож на нашего Малкэхи. Какой-то сапожник делал, ни малейшего сходства.*

Вознагражденный улыбками, он пропустил их вперед и принялся тихо толковать с Корни Келлехером, забирая у него квитанции, листая и проглядывая их на ходу.

– Это он специально, – объяснил Мартин Каннингем Хайнсу.

– Знаю, – ответил Хайнс, – я раскусил.

– Подбодрить публику, – сказал Мартин Каннингем. – Из чистой доброты, ничего другого.

Мистера Блума восхищала осанистая фигура смотрителя. С ним все хотят быть в хороших отношениях. Глубоко порядочный человек, Джон О’Коннелл, отличной выпечки. Ключи – как реклама для Ключчи – нет опасения, что кто-то сбежит, на выходе не проверяем. Хабеат корпус.^[347] После похорон надо заняться этой рекламой. Кажется, я написал Боллс-бридж на том конверте, которым прикрыл листок, когда она вдруг вошла, а я писал Марте. Еще застрянет как неверно заадресованное. Не мешало бы побриться. Щетина седая. Это первый признак, когда волос седеет у корней. Еще характер портится. И в седых волосах уж блестит серебро.^[348] Интересно, что чувствует его жена. Как у него хватило духу сделать кому-то предложение. Пошли, будешь жить на кладбище. Огорошить ее этим. Сначала может это ее возбудит. Смерть в ухажерах. Тут всюду ночные тени роятся при таком множестве мертвецов. Тени могил когда скрипят гроба^[349] и Дэниэл О’Коннелл наверно он потомок его кто ж это уверял будто он был со странностями и любвеобилен на редкость но все равно великий католик как огромный гигант во тьме. Блуждающие огоньки. Могильные газы. Ей надо отвлекать

мысли от этого, а то не сможет зачать. Женщины особенно впечатлительны. Рассказать ей в постели историю с привидениями, чтоб заснула. Ты видела когда-нибудь привидение? Знаешь, а я видел. Стояла тьма, хоть глаз выколи. Часы пробили двенадцать. Но могут и целоваться со всем пылом, стоит только настроить. В Турции шлюхи на кладбищах. Если взять молодую, чему угодно научится. Можешь тут подцепить молодую вдовушку. Мужчинам такое нравится. Любовь среди могил. Ромео.^[350] Обостряет удовольствие. В расцвете смерти объаты мы жизнью. Крайности сходятся. Танталовы муки для бедных мертвецов. Запахи жареных бифштексов для голодных. Гложущие собственные потроха. Желание подразнить других. Молли хотелось заняться любовью перед окном. Как бы там ни было, восемь детей у него.

Он тут насмотрелся вдоволь на уходящих в землю, укладывает ими участок за участком вокруг. Святые поля. Больше было бы места, если хоронить стоя. Сидя или же на коленях не выйдет. Стоя?^[351] В один прекрасный день, оползень или что, вдруг голова показывается наружу, и протянутая рука. Тут вся земля кругом, наверное, как соты: продолговатые ячейки. Содержит все в чистоте: бордюры, трава подрезана. Майор Гэмбл^[352] называет Иеронимову Гору мой сад. А что, верно. Должны быть сонные цветы. Мастянский говорил, в Китае гигантские маки на кладбищах дают самый лучший опиум. Ботанический сад тут недалеко. Кровь впитывается в землю дает новую жизнь. Та же идея у тех евреев что говорят убили христианского мальчика.^[353] Каждому человеку своя цена. Хорошо сохранившийся жирный труп джентльмена-эпикурейца необходим для вашего сада. Цена дешевая. Туша Вильяма Уилкинсона, ревизора и бухгалтера, недавно скончавшегося, три фунта тринадцать и шесть. Рады слушать вам.

Можно ручаться почва тучнеет на славу от трупного удобрения, кости, мясо, ногти. Начинка склепов. Жуть. Делаются зеленые и розовые, разлагаются. В сырой земле гниют быстро. Тощие старики дольше держатся. Становятся не то сальные не то творожистые. Потом чернеют, сочатся черной вонючей патокой. Потом высыхают. Мотыльки смерти.^[354] Конечно клетки или что там есть живут дальше. Изменяются, но по сути вечные. Нечем кормиться кормятся собой.

На них ведь должна развестись чертова погибель червей. Должно быть в почве так и кишат так и кружат. Вскружат голову бедняжке. Щечки в ямочках, кудряшки. А вид у него вполне бодрый. Дает ему ощущение власти, видеть как все уходит в землю раньше него. Интересно как он смотрит на жизнь. Не прочь пошутить: отвести душу. Анекдот-сообщение. Сперджен отправился на небо сегодня утром в 4 часа. Сейчас 11 вечера, время закрытия. Еще не прибыл. Петр. Мертвецы и сами по крайней мере мужчины вполне бы послушали анекдотец, а женщинам бы разузнать насчет моды. Сочную грушу или дамский пунш, крепкий, сладкий, горячий. Предохраняет от сырости. Смеяться полезно так что это самое лучшее когда в таком стиле. Могильщики в «Гамлете»: говорит о глубоком знании наших душ. О мертвых по крайней мере два года нельзя шутить. *De mortuis nil nisi prius*^[355]. Сначала чтобы кончился траур. Трудно представить себе его похороны. Как будто каламбур. Говорят прочесть собственный некролог будешь жить дольше. Дает второе дыхание. Новый контракт на жизнь.

– Сколько у нас на завтра? – спросил смотритель.

– Двое, – ответил Келлехер. – В пол-одиннадцатого и в одиннадцать.

Смотритель сунул бумаги в карман. Колеса каталки остановились. Присутствующие, разделившись, пройдя осторожно между могил, стали по обе стороны ямы. Могильщики сняли гроб и поставили его носом на край, подведя снизу веревки.

Хороним его. Днесь Цезаря пришли мы хоронить.^[356] Его мартовские или июньские иды.^[357] Он не знает кто тут и ему все равно.

⁸¹ Здесь: О мертвых ничего, прежде чем прошел срок (*лат.*).

Нет, а это-то еще кто этот долговязый раззява в макинтоше? Нет правда кто хочю знать. Нет грош я дам за то чтоб узнать. Всегда кто-нибудь объявится о ком ты отродясь не слыхивал. Человек может всю жизнь прожить в одиночестве. А что, может. Но все-таки кто-то ему нужен кто бы его зарыл хотя могилу он себе может выкопать сам. Это мы все делаем. Только человек погребает. Нет, еще муравьи. Первое что всех поражает. Хоронить мертвых. Говорят Робинзон Крузо был на самом деле. Тогда стало быть Пятница его и похоронил. Каждая Пятница хоронит четверг если так поглядеть.

О бедный Крузо Робинзон,
И как же смог прожить там он?^[358]

Бедный Дигнам! Последнее земное ложе его в этом ящике. Как подумаешь сколько их кажется такой тратой дерева. Все равно сгложут. А можно было бы придумать нарядный гроб с какой-то скажем панелью чтобы с нее соскальзывали. Эх только будут возражать чтобы их хоронили в из-под другого. Страшная привередливость. Положите меня в родной земле.^[359] Горсточку глины из Палестины. Только мать и мертворожденного могут похоронить в одном гробу.^[360] А я понимаю почему. Понимаю. Чтобы его защищать как можно дольше даже в земле. Дом ирландца его гроб.^[361] Бальзамирование в катакомбах, мумии, тот же смысл.

Мистер Блум стоял поодаль со шляпой в руках, считая обнаженные головы. Двенадцать, я тринадцатый. Нет. Чудик в макинтоше тринадцатый. Число смерти. И откуда он выскочил? В часовне не было, за это я поручусь. Глупейший предрассудок насчет тринадцати.

Хороший твид, мягкий, у Неда Лэмберта на костюме. Красноватая искра. У меня был похожий когда жили на Западной Ломбард-стрит. Раньше он был большой щеголь. Три раза на день менял костюм. А мой серый надо снести к Мизайесу, чтоб перелицевал. Эге. Да он перекрашен. Надо бы его жене хотя у него нет жены или там хозяйке повыдергивать эти нитки.

Гроб уходил из виду, могильщики спускали его, крепко уперев ноги на подгробных подпорах. Они выпрямились и отошли: и все обнажили головы. Двадцать.

Пауза.

Если бы все мы вдруг стали кем-то еще.

Вдалеке проревел осел. К дождю. Не такой уж осел. Говорят, никогда не увидишь мертвого осла.^[362] Стыд смерти. Прячутся. Бедный папа тоже уехал.^[363]

Легкий ветерок овеял обнаженные головы, шепча. Шепот. Мальчик возле могилы держал обеими руками венки, покорно глядя в открытый черный провал. Мистер Блум стал позади осанистого и благожелательного зрителя. Фрак хорошо пошит. Прикидывает наверно кто из нас следующий. Что ж, это долгий отдых. Ничего не чувствуешь. Только сам момент чувствуешь. Должно быть чертовски неприятно. Сперва не можешь поверить. Должно быть ошибка: это не меня. Спросите в доме напротив. Обождите, я хотел то. Я не успел это. Потом затемненная палата для смертников. Им хочется света.^[364] Кругом перешептываются. Вы не хотите позвать священника? Потом бессвязная речь, мысли путаются. Бред: все что ты скрывал всю жизнь. Борьба со смертью. Это у него не естественный сон. Оттяните нижнее веко. Смотрят: а нос заострился а челюсть отвисла а подошвы ног пожелтели? Заберите подушку и пусть кончается на полу все равно обречен.^[365] На той картинке смерть грешника ему дьявол показывает женщину И он умирающий в рубашке тянется ее обнять. Последний акт «Лючии». «Ужель никогда не увижу тебя?»^[366] Бамм! Испустил дух. Отошел наконец-то. Люди слегка поговорят о тебе – и забудут. Не забывайте молиться о нем. Поминайте его в своих молитвах. Даже Парнелл. День плюща отмирает.^[367] Потом и сами за ним: один за другим все в яму.

Мы сейчас молимся за упокой его души. Три к носу брат и не угоди в ад. Приятная перемена климата. Со сковородки жизни в огонь чистилища.

А думает он когда-нибудь про яму ждущую его самого? Говорят про это думаешь если внезапно дрожь проберет в жаркий день. Кто-то прошел по твоей могиле. Предупреждение: скоро на выход. За другими. Моя в том конце к Фингласу, участок что я купил. Мама бедная мамочка и малютка Руди.

Могильщики взялись за лопаты и начали швырять на гроб тяжелые комья глины. Мистер Блум отвернул лицо. А если он все это время был жив? Брр! Вот это уж было бы ужасно! Нет, нет: он мертвый, конечно. Конечно мертвый. В понедельник умер. Надо бы какой-то закон чтобы протыкать им сердце для верности или электрический звонок в гробу или телефон и какую-нибудь решетку для доступа воздуха. Сигнал бедствия. Три дня. Летом это довольно долго. Пожалуй лучше сразу сплавлять как только уверились что не.

Глина падала мягче. Начинают забывать. С глаз долой из сердца вон.

Смотритель отошел в сторону и надел шляпу. С него хватит. Провожающие понемногу приободрились и неприметно, один за другим, тоже покрывали головы. Мистер Блум надел шляпу и увидел, как осанистая фигура споро прокладывает путь в лабиринте могил. Спокойно, с хозяйской уверенностью, пересекал он поля скорби^[368].

Хайнс что-то строчит в блокнотике. А, имена. Он же их все знает. Нет: идет ко мне.

– Я тут записываю имена и фамилии, – полушепотом сказал Хайнс. – Ваше как имя? Я не совсем помню.

– На эл, – отвечал мистер Блум. – Леопольд. И можете еще записать Маккоя. Он меня попросил.

– Чарли, – произнес Хайнс записывая. – Знаю его. Он когда-то работал во «Фримене».

Верно, работал, до того как устроился в морге под началом Луиса Берна. Хорошая мысль чтобы доктора делали посмертные вскрытия. Выяснить то что им кажется они и так знают. Он скончался от Вторника. Намазал пятки. Смылся, прихватив выручку с нескольких объявлений. Чарли, ты моя душка.^[369] Потому он меня и попросил. Ладно, кому от этого вред. Я все сделал, Маккой. Спасибо, старина, премного обязан. Вот и пускай будет обязан – а мне ничего не стоит.

– И скажите-ка, – продолжал Хайнс, – вы не знаете этого типа, ну там вон стоял, еще на нем...

Он поискал глазами вокруг.

– Макинтош, – сказал мистер Блум. – Да, я его видел. Куда же он делся?

– Макинтош, – повторил Хайнс, записывая. – Не знаю, кто он такой. Это его фамилия?

Он двинулся дальше, оглядываясь по сторонам.

– Да нет, – начал мистер Блум, оборачиваясь задержать его. – Нет же, Хайнс!

Не слышит. А? Куда же тот испарился? Ни следа. Ну что же из всех кто. Не видали? Ка е два эл. Стал невидимкой. Господи, что с ним случилось?

Седьмой могильщик подошел к мистеру Блуму взять лежавшую рядом с ним лопату.

– О, извините!

Он поспешно посторонился.

Бурая сырая глина уже видна была в яме. Она поднималась. Вровень. Гора сырых комьев росла все выше, росла, и могильщики опустили свои лопаты. На минуту все опять обнажили головы. Мальчик прислонил венок сбоку, свояк положил свой сверху. Могильщики надели кепки и понесли обглиненные лопаты к тележке. Постукали лезвием по земле: очистили. Один нагнулся и снял с черенка длинный пучок травы. Еще один отделился от товарищей и медленно побрел прочь, взяв на плечо оружие с синевлеющим лезвием. Другой в головах могилы медленно сматывал веревки, на которых спускали гроб. Его пуповина. Свояк, отвернувшись, что-то вложил в его свободную руку. Безмолвная благодарность. Сочувствуем, сэр: такое горе. Кивок. Понимаю. Вот лично вам.

Участники похорон разбредались медленно, бесцельно, окольными тропками задерживались у могил прочесть имена.

– Давайте кругом, мимо могилы вождя^[370], – предложил Хайнс. – Время есть.

– Давайте, – сказал мистер Пауэр.

Они свернули направо, следуя медленному течению своих мыслей. Тусклый голос мистера Пауэра с суевренным почтением произнес:

– Говорят, его вовсе и нет в могиле. Гроб был набит камнями. И что он еще вернется когда-нибудь.

Хайнс покачал головой.

– Парнелл никогда не вернется, – сказал он. – Он там, все то, что было смертного в нем. Мир праху его.

Мистер Блум шагал в одиночестве под деревьями меж опечаленных ангелов, крестов, обломанных колонн, фамильных склепов, каменных надежд, молящихся с поднятыми горé взорами, мимо старой Ирландии рук и сердец.^[371] Разумнее тратить эти деньги на добрые дела для живых. Молитесь за упокой души его. Как будто кто-то на самом деле. Спустили в яму и кончено. Как уголь по желобу. Потом для экономии времени за всех чохом. День поминовения. Двадцать седьмого я буду у него на могиле. Садовнику десять шиллингов. Выпалывает сорняки. Сам старик. Сгорбленный в три погибели, щелкает своими ножницами. В могиле одной ногой. Ушедший от нас. Покинувший этот мир. Как будто они по своей воле. Всех выкинули пинком. Сыгравший в ящик. Интересней, если б писали, кто они были. Имярек, колесник. Я был коммивояжер, сбывал коркский линолеум. Я выплачивал по пять шиллингов за фунт. Или женщина с кастрюлей. Я стряпала добрую ирландскую похлебку. Как там это стихотворение эклогия на сельском кладбище^[372] написал то ли Вордсворт то ли Томас Кемпбелл. У протестантов говорят: обрел вечный покой. Или старый доктор Моррен: великая исцелительница позвала его к себе. Для них это Божий надел^[373]. Очень милая загородная резиденция. Заново оштукатурена и покрашена. Идеальное местечко, чтобы спокойно покурить и почитать «Чёрч таймс»⁸². Объявления о свадьбах никогда не берут в венок. Проржавелые венки, гирлянды из фольги висели на крестах и оградках. Вот это выгодней. Хотя цветы более поэтично. А такое надоедает, не вянет никогда. Совершенно невыразительно. Бессмертники.

Птица неподвижно сидела на ветке тополя. Как чучело. Как наш свадебный подарок от олдермена Хупера. Кыш! Не пошевелинется. Знает, что тут не ходят с рогатками. Это еще печальней, мертвые животные. Милли-глупышка хоронила мертвую птичку в коробочке, на могилку венков из маргариток, обрывки бусиков.

Это Святое Сердце^[374] там: выставлено напоказ. Душа нараспашку. Должно быть сбоку и раскрашено красным как настоящее сердце. Ирландия была ему посвящена или в этом роде. Выглядит страшно недовольным. За что мне такое наказание? Птицы слетались бы^[375] и клевали как там про мальчика с корзинкой плодов но он сказал нет потому что они бы испугались мальчика. Аполлон это был.

Сколько их!^[376] И все когда-то разгуливали по Дублину. В бозе почившие. И мы были вот такими как ты.

И потом как можно всех запомнить? Глаза, голос, походку. Ладно, голос – положим: граммофон. Установить в каждом гробу граммофон или иметь дома. После воскресного обеда. Поставим-ка нашего бедного прадедушку. Кррааххек! Здраздрразраст страшнорад крххек страшнорадноавстре здраздрас страшккрупффе. Напоминает голос как фотография напоминает лицо. Иначе ты бы не вспомнил лицо скажем через пятнадцать лет. Чье например? Например кого-то кто умер когда я был у Уиздома Хили.

Фыррст! Шорох камней. Стой. Обожди-ка.

Он остановился вглядываясь в подножие склепа. Какой-то зверь. Погоди. Вон вылезает.

⁸² «Церковные ведомости» (англ.), газета англиканской церкви.

Жирная серая крыса проковыляла вдоль стены склепа, шурша по гравию. Старый ветеран – прапрадедушка – знает все ходы-выходы. Серая живность протиснулась в щель под стену, сжавшись и извиваясь. Вот где прятать сокровища.

Кто там живет? Здесь покоится Роберт Эмери. Роберта Эммета^[377] похоронили тут при свете факелов, так, кажется? Совершает обход.

Хвост скрылся.

Такие вот молодцы живо разделяются с любим. Не будут разбирать кто оставят гладкие косточки. Для них мясо и мясо. Труп это протухшее мясо. А сыр тогда что такое? Труп молока. В этих «Путешествиях по Китаю»^[378] написано что китайцы говорят от белых воняет трупом. Лучше сжигать. Попы страшно против. На руку другой фирме. Оптовая торговля кремационными и голландскими печами. Чумные поветрия. Сваливают в ямы с негашеной извешткой. Камеры усыпления для животных. Прах еси и в прах возвратишься. Или хоронить в море. Где это про башню молчания^[379] у парсов? Птицы пожирают. Земля, огонь, вода. Говорят утонуть приятней всего. В одной вспышке видишь всю свою жизнь. А если спасли уже нет. Но в воздухе нельзя хоронить. С аэроплана. Интересно, передаются там новости когда свеженького спускают под землю. Подземные средства связи. Мы этому научились у них. Не удивился бы. Их хлеб насыщенный. Мухи слетаются когда еще не помер как следует. Пронюхали про Дигнама. Запах это им все равно. Рыхлая белая как соль трупная каша: на запах, на вкус как сырая репа.

Ворота забелелись впереди: открыты еще. Обратнo на этот свет. Довольно тут. Каждый раз приближаешься еще на шаг. Последний раз был на похоронах миссис Синико^[380]. И у бедного папы. Любовь которая убивает. Бывает даже разрывают землю ночью при фонарях как тот случай я читал чтоб добраться до свежезахороненной женщины или уже даже тронутой когда трупные язвы пошли. Мурашки забегают от такого. Я тебе явлюсь после смерти. Ты увидишь призрак мой после смерти. Мой призрак будет тебя преследовать после смерти. Существует тот свет после смерти и называется он ад. Мне совсем не нравится тот свет, так она написала. Мне нисколько не больше. Еще столько есть посмотреть, услышать, почувствовать. Чувствовать тепло живых существ рядом. Пускай эти спят в своих червивых постелях. В этом тайме они меня еще не возьмут. Теплые постели: теплая полнокровная жизнь.

Мартин Каннингем появился из боковой аллеи, о чем-то серьезно говоря.

Кажется, стряпчий. Лицо знакомое. Ментон, Джон Генри, стряпчий, поверенный по присягам и свидетельствам. Дигнам работал у него раньше. У Мэта Диллона в давние времена. Мэт компанейский человек. Веселые вечеринки. Холодная дичь, сигареты, танталовы кружки. Уж вот у кого золотое сердце. Да, Ментон. В тот вечер в кегельбане взъярился на меня как черт что я заехал своим шаром к нему. Просто по чистойшей случайности: смазал. А он меня всеми фибрами невлюбил. Ненависть с первого взгляда. Молли и Флуи Диллон обнялись под сиренью, хихикали. Мужчины всегда так, их до смерти уязвляет если при женщинах.

На шляпе у него вмятина на боку. Из кареты наверно.

– Прошу прощения, сэръ, – сказал мистер Блум, поравнявшись с ними.

Они остановились.

– У вас шляпа слегка помялась, – показал мистер Блум.

Джон Генри Ментон одно мгновение смотрел на него в упор, не двигаясь.

– Тут вот, – пришел на выручку Мартин Каннингем и показал тоже.

Джон Генри Ментон снял шляпу, исправил вмятину и тщательно пригладил ворс о рукав.

Затем опять нахлобучил шляпу.

– Теперь все в порядке, – сказал Мартин Каннингем.

Джон Генри Ментон отрывисто дернул головой в знак признательности.

– Спасибо, – бросил он кратко.

Они продолжали свой путь к воротам. Мистер Блум, удрученный, отстал на несколько шагов, чтобы не подслушивать разговора. Мартин разделает этого законника. Мартин такого обалдуя обведет и выведет, пока тот не успеет рта разинуть.

Рачьи глаза. Ничего. Потом еще может пожалеет когда дойдет до него. И получится твой верх.

Спасибо. Ишь ты, какие мы важные с утра.

7. Эол

[381]

В СЕРДЦЕ ИРЛАНДСКОЙ СТОЛИЦЫ

Перед колонною Нельсона^[382] трамваи притормаживали, меняли пути, переводили дугу, отправлялись на Блэкрок, Кингстаун и Долки, Клонски, Рэтгар и Тереньюр, Пальмерстон-парк и Верхний Рэтмайнс, Сэндимаунт Грин, Рэтмайнс, Рингсенд и Сэндимаунт Тауэр, Хэролдс-кросс. Осипший диспетчер Объединенной Дублинской трамвайной компании раскрикивал их:

– Рэтгар и Тереньюр!

– Заснул, Сэндимаунт Грин!

Параллельно справа и слева со звоном с лязгом одноэтажный и двухэтажный двинулись из конечных тупиков, свернули на выездную колею, заскользили параллельно.

– Поехал, Пальмерстон-парк!

ВЕНЦЕНОСЕЦ

У дверей главного почтамта чистильщики зазывали и надраивали. Его Величества ярко-красные почтовые кареты, стоящие на Северной Принс-стрит, украшенные по бокам королевскими вензелями Е. Р.^[383], принимали с шумом швыряемые мешки с письмами, открытками, закрытками, бандеролями простыми и заказными, для рассылки в адреса местные, провинциальные, британские и заморских территорий.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРЕССЫ

Ломовики в грубых тяжелых сапогах выкатывали с глухим стуком бочки из складов на Принс-стрит и загружали их в фургон пивоварни. В фургон пивоварни загружались бочки, с глухим стуком выкатываемые ломовиками в грубых тяжелых сапогах из складов на Принс-стрит.

– Вот оно, – сказал Рыжий Мерри. – Алессандро Ключчи.

– Вы это вырежьте, хорошо? – сказал мистер Блум. – А я захвачу в редакцию «Телеграфа».

Дверь кабинета Ратледжа снова скрипнула. Дэви Стивенс, малютка в огромном плаще, в маленькой мягкой шляпе, венчающей кудрявую шевелюру, проследовал со свертком бумаг под плащом, королевский гонец.

Длинные ножницы Рыжего четырьмя ровными взмахами вырезали объявление из газеты. Ножницы и клей.

– Я сейчас зайду в типографию, – сказал мистер Блум, принимая квадратик вырезки.

– Разумеется, если он хочет заметку, – сказал Рыжий Мерри серьезно, с пером за ухом, – мы можем это устроить.

– Идет, – кивнул мистер Блум. – Я это ему втолкую.

Мы.

ВИЛЬЯМ БРАЙДЕН^[384], ЭСКВАЙР, ОКЛЕНД, СЭНДИМАУНТ

Рыжий Мерри тронул рукав мистера Блума своими ножницами и шепнул:

– Брайден.

Мистер Блум обернулся и увидал, как швейцар в ливрее приподнял литерную фуражку при появлении величественной фигуры, что, войдя, двинулась между щитами газет «Уикли фримен энд нэшнл пресс» и «Фрименс джорнэл энд нэшнл пресс». Глухое гроыхание пивных бочек. Она прошествовала величественно по лестнице, зонтом себе указуя путь, с лицом недвижноважным, брадообрамленным. Спина в тонких сукнах возносилась с каждой ступенью выше: спина. У него все мозги в затылке, уверяет Саймон Дедал. Плоть складками обвисала сзади. Жирные складки шеи, жир, шея, жир, шея.

– Вам не кажется, что у него лицо напоминает Спасителя? – шепнул Рыжий Мерри.

И дверь кабинета Ратледжа шепнула: скрип-скрип. Вечно поставят двери напротив одна другой чтобы ветру. Дуй сюда. Дуй отсюда.

Спаситель: брадообрамленный овал лица; беседа в вечерних сумерках. Мария, Марфа. За путеводным зонтом-мечом к рампе: Марио, тенор.^[385]

– Или Марио, – сказал мистер Блум.

– Да, – согласился Рыжий Мерри. – Но всегда говорили, что Марио – вылитый Спаситель.

Иисус Марио с нарумяненными щеками, в камзоле и тонконогий. Прижал руку к сердцу. В «Марте»^[386].

Ве-е-рнись моя утрата,
Ве-е-рнись моя любовь.

ПОСОХ И ПЕРО

– Его преосвященство звонили дважды за это утро, – сказал Рыжий Мерри почтительно. Они смотрели, как исчезают из глаз колени, ноги, башмаки. Шея.

Влетел мальчишка, разносчик телеграмм, кинул пакет на стойку, вылетел с телеграфной скоростью, бросив лишь слово:

– «Фримен»!

Мистер Блум неторопливо проговорил:

– Что же, ведь он действительно один из наших спасителей.^[387]

Кроткая улыбка сопутствовала ему, когда он поднимал крышку стойки и когда выходил в боковые двери и шел темной и теплой лестницей и потом по проходу по доскам, уже совсем расшатавшимся. Спасет ли он, однако, тираж газеты? Стук. Стук машин.

Он толкнул створки застекленных дверей и вошел, переступив через ворох упаковочной бумаги. Пройдя меж лязгающих машин, он проследовал за перегородку, где стоял письменный стол Наннетти^[388].

С ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕМ О КОНЧИНЕ ВЫСОКОЧТИМОГО ГРАЖДАНИНА ДУБЛИНА

Хайнс тоже тут: сообщение о похоронах, наверно. Стук. Перестук.

Сегодня утром прах опочившего мистера Патрика Дигнама. Машины. Перемелют человека на атомы, если попадетсся туда. Правят миром сегодня. И его машинерия тоже трудится. Как эти, вышла из подчинения: забродило. Пошло вразнос, рвется вон. А та серая крыса старая рвется, чтоб пролезть внутрь.

КАК ВЫПУСКАЕТСЯ КРУПНЕЙШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Мистер Блум остановился за спиной щупловатого фактора, дивясь гладкоблестящей макушке.

Странно, он никогда не видал своей настоящей родины. Моя родина – Ирландия. Избран от Колледж Грин. Выпячивал как мог, что он работяга на полном рабочем дне. Еженедельник берут из-за реклам, объявлений, развлекательных пустячков, а не протухших новостей из официоза. Королева Анна скончалась.^[389] Опубликовано властями в тыща таком-то году. Поместье расположено в округе Розеналлис, баронские владения Тинначинч. Для всех заинтересованных лиц согласно установлениям приводим сведения о числе мулов и лошадей испанской породы, запроданных на экспорт в Баллине. Заметки о природе. Карикатуры. Очередная история Фила Блейка из серии про быка и Пэта. Страничка для малышей, сказки дядюшки Тоби. Вопросы деревенского простака. Господин Уважаемый Редактор, какое лучшее средство, когда пучит живот? В этом отделе я бы хотел, пожалуй. Уча других, кой-чему сам научишься. Светская хроника. К. О. К.^[390] Кругом одни картинки. Стройные купальщицы на золотом пляже. Самый большой воздушный шар в мире. Двойной праздник: общая свадьба у двух сестер. Два жениха глядят друг на дружку и хохочут. Купрани, печатник, он ведь тоже. Ирландец больше чем сами ирландцы.

Машины лязгали на счет три-четыре. Стук-стук-стук. А положим, вдруг у него удар и никто их не умеет остановить, тогда так и будут без конца лязгать и лязгать, печатать и печатать, туда-сюда, взад-вперед. Мартышкин труд. Тут надо хладнокровие.

– Давайте пустим это в вечерний выпуск, советник, – сказал Хайнс.

Скоро начнет его называть лорд-мэр. Говорят, Длинный Джон^[391] покровительствует ему.

Фактор молча нацарапал печатать в углу листа и сделал знак наборщику. Все так же без единого слова он передал листок за грязную стеклянную перегородку.

– Прекрасно, благодарю, – сказал Хайнс и повернулся идти.

Мистер Блум преграждал ему путь.

– Если хотите получить деньги, то имейте в виду, кассир как раз уходит обедать, – сказал он, указывая себе за спину большим пальцем.

– А вы уже? – спросил Хайнс.

– Гм, – промычал мистер Блум. – Если вы поспешите, еще поймаете его.

– Спасибо, дружище, – сказал Хайнс. – Пойду и я его потрясу.

И он энергично устремился к редакции «Фрименс джорнэл».

Три шиллинга я ему одолжил у Маэра. Три недели прошло. И третий раз намекаю.

МЫ ВИДИМ РЕКЛАМНОГО АГЕНТА ЗА РАБОТОЙ

Мистер Блум положил свою вырезку на стол мистера Наннетти.

– Прошу прощения, советник, – сказал он. – Вот эта реклама, вы помните, для Ключчи.

Мистер Наннетти поглядел на вырезку и кивнул.

– Он хочет, чтобы поместили в июле, – продолжал мистер Блум.

Не слышит. Наннан. Железные нервы.

Фактор наставил свой карандаш.

– Минутку, – сказал мистер Блум, – он бы кое-что хотел изменить. Понимаете, Ключчи.

И он хочет два ключа наверху.

Адский грохот. Может он понимает что я.

Фактор повернулся, готовый выслушать терпеливо, и, подняв локоть, не спеша принялся почесывать под мышкой своего альпакового пиджака.

– Вот так, – показал мистер Блум, скрестив указательные пальцы наверху.
Пускай до него сначала дойдет.

Мистер Блум, поглядев вверх и наискось от устроенного им креста, увидел землистое лицо фактора, похоже у него легкая желтуха, а за ним послушные барабаны, пожирающие нескончаемые ленты бумаги. Лязг. Лязг. Мили и мили ненамотанной. А что с ней будет потом? Ну, мало ли: мясо заворачивать, делать кульки: тысячу применений найдут.

Проворно вставляя слова в паузы между лязганьем, он быстро начал чертить на исцарапанном столе.

Дом ключ(ч)ей^[392]

– Вот так, видите. Тут два скрещенных ключа. И круг. А потом имя и фамилия, Алесандро Ключчи, торговля чаем и алкогольными напитками. Ну, и прочее.

В его деле лучше его не учить.

– Вы сами представляете, советник, что ему требуется. И потом наверху по кругу в разрядку: дом ключей. Понимаете? Как ваше мнение, это удачная мысль?

Фактор опустил руку ниже и теперь молча почесывал у нижних ребер.

– Суть идеи, – пояснил мистер Блум, – это дом ключей. Вы же знаете, советник, парламент острова Мэн. Легкий намек на гомруль. Туристы, знаете ли, с острова Мэн. Сразу бросается в глаза. Можете вы так сделать?

Пожалуй, можно бы у него спросить, как произносится это *voglio*. Ну а вдруг не знает тогда выходит поставлю в неудобное положение. Не будем.

– Это мы можем, – сказал фактор. – У вас есть эскиз?

– Я принесу, – заверил мистер Блум. – Это уже печатала газета в Килкенни. У него и там торговля. Сейчас сбегаю и попрошу у него. Стало быть, вы сделайте это и еще коротенькую заметку, чтобы привлечь внимание. Знаете, как обычно. Торговый патент, высокое качество. Давно ощущается необходимость. Ну, и прочее.

Фактор подумал минуту.

– Это мы можем, – повторил он. – Только пускай он закажет на три месяца.

Наборщик поднес ему влажный лист верстки, и он молча принялся править. Мистер Блум стоял возле, слушая, как скрипуче вращаются валы, и глядя на наборщиков, склонившихся в молчанье над кассами.

НА ТЕМУ ПРАВОПИСАНИЯ

Должен все назубок знать как пишется. Охота за опечатками. Мартин Каннингем утром забыл нам дать свой головоломный диктант на правописание. Забавно наблюдать бес а не без прецеде перед дэ эн не ставим нтное изумление уличного разносчика через эсче внезапно оценившего башмаком изысканную тут два эн симме а тут двойное эм, верно? трию сочного грушевого плода заблаговременно в середине о а не а оставленного неизвестным после эс надо тэ доброжелателем у врат некрополя. Нелепо накручено, правда же?

Надо мне было сказать что-то когда он напяливал свой цилиндр. Спасибо. Сказать насчет старой шляпы или что-то этакое. Нет. Можно было сказать. Смотрится почти как новая. Поглядеть бы на его физию в этот момент.

Тахх. Нижний талер ближайшей машины выдвинул вперед доску с первой – тахх – пачкой сфальцованной бумаги. Тахх. Почти как живая тахает чтоб обратили внимание. Изо всех сил старается заговорить. И та дверь тоже – тахх – поскрипывает, просит, чтобы прикрыли. Все сущее говорит, только на свой манер. Тахх.

ИЗВЕСТНЫЙ ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЬ В РОЛИ КОРРЕСПОНДЕНТА

Неожиданно фактор протянул оттиск назад, со словами:

– Погоди. А где же письмо архиепископа? Его надо перепечатать в «Телеграфе». Где этот, как его?

Он обвел взглядом свои шумные, но не дающие ответа машины.

– Монкс, сэр? – спросил голос из словолитни.

– Ну да. Где Монкс?

– Монкс!

Мистер Блум взял свою вырезку. Пора уходить.

– Так я принесу эскиз, мистер Наннетти, – сказал он, – и я уверен, вы дадите это на видном месте.

– Монкс!

– Да, сэр.

Заказ на три месяца. Это надо сперва обдумать на свежую голову. Но попробовать можно. Распишу про август: прекрасная мысль: месяц конной выставки. Боллсбридж.^[393] Туристы съедутся на выставку.

СТАРОСТА ДНЕВНОЙ СМЕНЫ

Он прошел через наборный цех мимо согбенного старца в фартуке и в очках. Старина Монкс, староста дневной смены. Какой только дребедени не прошло у него через руки за долгую службу: некрологи, трактирные рекламы, речи, бракоразводные тяжбы, обнаружен утопленник. Подходит уж к концу своих сроков. Человек непьющий, серьезный, и с недурным счетом в банке, я полагаю. Жена отменно готовит и стирает. Дочка швея, работает в ателье. Простая девушка, безо всяких фокусов.

И БЫЛ ПРАЗДНИК ПАСХИ

Он приостановился поглядеть, как ловко наборщик верстает текст. Сначала читает его справа налево. Да как быстро, мангиД киртаП. Бедный папа читает мне, бывало, свою Хаггаду справа налево, водит пальцем по строчкам, Пессах. Через год в Иерусалиме. О Боже, Боже! Вся эта длинная история об исходе из земли Египетской и в дом рабства аллилуйя. Шема Израэл Адонаи Элоим. Нет, это другая. Потом о двенадцати братьях, сыновьях Иакова. И потом ягненок, и кошка, и собака, и палка, и вода, и мясник. А потом ангел смерти убивает мясника, а тот убивает быка, а собака убивает кошку. Кажется чепухой, пока не вдумаешься как следует. По смыслу здесь правосудие, а на поверку о том как каждый пожирает всех кого может. В конечном счете жизнь такова и есть. Но до чего же он быстро. Отработано до совершенства. Пальцы как будто зрячие.^[394]

Мистер Блум выбрался из лязга и грохота, пройдя галереей к площадке. И что, тащиться в эту даль на трамвае, а его, может, и не застанешь? Лучше сначала позвонить. Какой у него номер? Да. Как номер дома Цитрона. Двадцатьвосемь. Двадцатьвосемь и две четверки.

ОПЯТЬ ЭТО МЫЛО

Он спустился по лестнице. Кой дьявол тут исчиркал все стены спичками? Как будто на спор старались. И всегда в этих заведениях спертый тяжелый дух. Когда у Тома работал – от неостывшего клея в соседней комнате.

Он вынул платок, чтобы прикрыть нос. Цитрон-лимон? Ах да, у меня же там мыло. Оттуда может и потеряться. Засунув платок обратно, он вынул мыло и упрятал в брючный карман. Карман застегнул на пуговицу.

Какими духами душитесь ваша жена? Еще можно сейчас поехать домой – трамваем – мол, забыл что-то. Повидать и все – до этого – за одеванием. Нет. Спокойствие. Нет.

Из редакции «Ивнинг телеграф» вдруг донесся визгливый хохот. Ясно, кто это. Что там у них? Зайду на минутку позвонить. Нед Лэмберт, вот это кто.

Он тихонько вошел.

ЭРИН, ЗЕЛЕНЬИ САМОЦВЕТ В СЕРЕБРЯНОЙ ОПРАВЕ МОРЯ^[395]

– Входит призрак, – тихонько прошамкал запыленному окну профессор Макхью полным печенья ртом.

Мистер Дедал, переводя взгляд от пустого камина на ухмыляющуюся физиономию Неда Лэмберта, скептически ее спросил:

– Страсти Христовы, неужели у вас от этого не началась бы изжога в заднице?

А Нед Лэмберт, усевшись на столе, продолжал читать вслух:

– *Или обратим взор на извины говорливого ручейка, что, журча и пенясь, враждует с каменистыми препонами на своем пути к бурливым водам голубых владений Нептуна и струится меж миистых берегов, овеваемый нежными зефирами, покрытый то играющими бляшками света солнца, то мягкой тенью, отбрасываемой на его задумчивое лоно высоким пологом роскошной листвы лесных великанов.* Ну, каково, Саймон? – спросил он поверх газеты. – Как вам высокий стиль?

– Смешивает напитки, – выразился мистер Дедал.

Нед Лэмберт хлопнул себя газетою по коленке и, заливаясь хохотом, повторил:

– Играющие бляхи и задумчивое лоно. Ну, братцы! Ну, братцы!

– И Ксенофонт смотрел на Марафон, – произнес мистер Дедал, вновь бросив взгляд на нишу камина и оттуда к окну, – и Марафон смотрел на море^[396].

– Хватит уже! – закричал от окна профессор Макхью. – Не желаю больше выслушивать этот вздор.

Прикончив ломтик-полумесяц постного печенья, которое непрерывно грыз, он тут же, оголодавший, собрался перейти к следующему, уже заготовленному в другой руке.

Высокопарный вздор. Трепачи. Как видим, Нед Лэмберт взял выходной. Все-таки похороны, это как-то выбивает из колеи на весь день. Говорят, он пользуется влиянием. Старый Чаттертон^[397], вице-канцлер, ему двоюродный то ли дедушка, то ли прадедушка. Говорят, уж под девяносто. Небось и некролог на первую полосу давно заготовлен. А он живет им назло. Еще как бы самому не пришлось первым. Джонни, ну-ка уступи место дядюшке. Достопочтенному Хеджесу Эйру Чаттертону. Я так думаю по первым числам он ему выписывает иногда чек а то и парочку дрожащей рукой. То-то будет подарок когда он протянет ноги. Аллилуйя.

– Очередные потуги, – сказал Нед Лэмберт.

– А что это такое? – спросил мистер Блум.

– Вновь найденный недавно фрагмент Цицерона, – произнес профессор Макхью торжественным голосом. – *Наша любимая отчизна.*

КОРОТКО, НО МЕТКО

- Чья отчизна? – спросил бесхитростно мистер Блум.
- Весьма уместный вопрос, – сказал профессор, не прекращая жевать. – С ударением на «чья».
- Отчизна Дэна Доусона, – промолвил мистер Дедал.
- Это его речь вчера вечером? – спросил мистер Блум.
- Нед Лэмберт кивнул.
- Да вы послушайте, – сказал он.
- Дверная ручка пихнула мистера Блума в поясницу: дверь отворяли.
- Прошу прощения, – сказал Дж. Дж. О’Моллой, входя. Мистер Блум поспешно посторонился.
- А я у вас, – сказал он.
- Привет, Джек.
- Заходите, заходите.
- Приветствую.
- Как поживаете, Дедал?
- Жить можно. А вы?
- Дж. Дж. О’Моллой пожал плечами.

ПРИСКОРБНО

Раньше был самый способный из молодых адвокатов. Скатился, бедняга. Этот чахоточный румянец вернейший признак что песенка спета. Теперь только прощальный поцелуй. Интересно, с чем он пожаловал. Трудности с деньгами.

– *Или задумаем достигнуть горных вершин, сомкнувшихся мощным строем.*

– Вид у вас просто люкс.

– А редактора можно сейчас увидеть? – спросил Дж. Дж. О’Моллой, кивая в сторону другой двери.

– Сколько угодно, – сказал профессор Макхью. – Не только увидеть, но и услышать. Он с Ленеханом^[398] в своем святилище.

Дж. Дж. О’Моллой не спеша подошел к конторке с подшивкой газеты и начал перелистывать розовые страницы.

Практика захирела. Неудачник. Падает духом. Азартные игры. Долги под честное слово. Пожинает бурю. А раньше имел солидные гонорары от Д. и Т. Фицджеральдов. В париках, чтоб показать серое вещество. Мозги выставлены наружу, как сердце у той статуи в Гласневине. Кажется, он пописывает какие-то вещицы для «Экспресса» вместе с Габриэлом Конроем^[399]. Неплохо начитан. Майлс Кроуфорд начинал в «Индепенденте». Просто смешно как эти газетчики готовы вилять, едва почуют что ветер в другую сторону. Флюгера. И нашим и вашим, не поймешь чему верить. Любая басня хороша, пока не расскажут следующую. На чем свет грызутся друг с другом в своих газетах, и вдруг все лопаются как мыльный пузырь. И на другое утро уже друзья-приятели.

– Нет, вы послушайте, послушайте, – взмолился Нед Лэмберт. – *Или задумаем достигнуть горных вершин, сомкнувшихся мощным строем...*

– Пустозвонит! – вмешался профессор с раздражением. – Довольно нам этого надутого болтуна!

– *Строем*, – продолжал Нед Лэмберт, – *уходящих все выше в небо, дабы словно омыть наши души...*

– Лучше омыл бы глотку, – сказал мистер Дедал. – Господи, Твоя воля! Ну? И за этакое еще платят?

– Души бесподобною панорамой истинных сокровищ Ирландии, непревзойденных, несмотря на множество хваленых подобию в иных шумно превозносимых краях, по красоте своих тенистых роц, оживляемых холмами долин и сочных пастбищ, полных весеннею зеленью, погруженной в задумчивое мерцание наших мягких таинственных ирландских сумерек ...

ЕГО РОДНОЕ НАРЕЧИЕ

– Луна, – сказал профессор Макхью. – Он забыл «Гамлета».^[400]

– Застилающих вид вдаль и вишьрь, покуда мерцающий диск луны не воссияет, расточая повсюду свое лучезарное серебро...

– Ох! – воскликнул мистер Дедал, испустив безнадежный стон. – Ну и дерьмо собачье! С нас уже хватит, Нед. Жизнь и так коротка.

Он снял цилиндр и, раздувая в нетерпении густые усы, причесался по валлийскому способу: растопыренной пятерней.

Нед Лэмберт отложил газету, довольно посмеиваясь. Через мгновение резкий лающий смех сотряс небритое и в темных очках лицо профессора Макхью.

– Сдобный Доу! – воскликнул он.

КАК ГОВАРИВАЛ ВЕЗЕРАП^[401]

Язвить можно конечно но публика-то это хватает как горячие пирожки. Кстати он кажется сам из булочников? А то с чего его зовут Сдобный Доу. Но кто бы ни был гнездышко он себе устроил недурно. У дочки жених в налоговом управлении, имеет автомобиль. Ловко подцепила его. Приемы, открытый дом. Угощение до отвала. Везерап всегда это говорил. Проводи захват через брюхо.

Дверь, ведущая в кабинет, распахнулась резким толчком, и в комнату вдвинулась красноклювая физиономия, увенчанная хохлом торчащих как перья волос. Дерзкие голубые глаза оглядели присутствующих, и резкий голос спросил:

– Что тут происходит?

– И вот он, собственно персоной, самозванный помещик^[402], – торжественно объявил профессор Макхью.

– Анепшелбыты, жалкий преподавателишка! – выразил редактор свою признательность.

– Пойдемте, Нед, – сказал мистер Дедал, надевая шляпу. – После такого мне надо выпить.

– Выпить! – вскричал редактор. – Перед мессой спиртного не подают.

– Что верно, то верно, – отвечал мистер Дедал, уже выходя. – Пойдемте, Нед.

Нед Лэмберт боком соскользнул со стола. Голубые глаза редактора, блуждая, остановились на лице мистера Блума, осененном улыбкой.

– А вы не присоединитесь, Майлс? – спросил Нед Лэмберт.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОСТОПАМЯТНЫХ БИТВАХ

– Ополчение Северного Корка!^[403] – вскричал редактор, устремляясь к камину. – Мы всегда побеждали! Северный Корк и испанские офицеры!

– А где это было, Майлс? – спросил Нед Лэмберт, задумчиво разглядывая носки своих башмаков.

– В Огайо! – крикнул редактор.

- Там все и было, готов божиться, – согласился Нед Лэмберт.
По пути к выходу он шепнул О’Моллою:
– Начало белой горячки. Печальный случай.
– Огайо! – кричал редактор петушиным дискантом, задрал багровое лицо вверх. – Мой край Огайо!
– Образцовый кретик^[404]! – заметил профессор. – Долгий, краткий и долгий.

О, ЭОЛОВА АРФА

- Он извлек катушку нитки для зубов из жилетного кармана и, оторвав кусок, ловко натянул его как струну между двумя парами своих нечищенных звучных зубов.
– Бинг-бэнг. Бэнг-бэнг.
Мистер Блум, увидав берег чистым, направился к двери кабинета.
– Я на минуту, мистер Кроуфорд, – сказал он. – Мне только позвонить насчет одного объявления.
Он вошел.
– А как с передовицей для вечернего выпуска? – спросил профессор Макхью, подойдя к редактору и веско положив руку ему на плечо.
– Все будет в порядке, – сказал Майлс Кроуфорд уже несколько спокойней. – Можешь не волноваться. Привет, Джек. Тут все в порядке.
– Здравствуйте, Майлс, – произнес Дж. Дж. О’Моллой, выпуская из рук страницы, мягко скользнувшие к остальной подшивке. – Скажите, это дело о канадском мошенничестве^[405] – сегодня?
В кабинете зажужжал телефон.
– Двадцать восемь... Нет, двадцать... Сорок четыре... Да.

УГАДАЙТЕ ПОБЕДИТЕЛЯ

- Ленехан появился из внутренних помещений с листками бюллетеней «Спорта» о скачках.
– Кто хочет верняка на Золотой кубок? – спросил он. – Корона, жокей О’Мэдден.
Он бросил листки на стол.
Крики и топот босоногих мальчишек-газетчиков, доносившиеся из вестибюля, внезапно приблизились, и дверь распахнулась настежь.
– Тсс, – произнес Ленехан. – Слышится чья-то пустошь.
Профессор Макхью пересек комнату и ухватил съездившегося мальчишку за шиворот, а остальные врассыпную бросились наутек из вестибюля и вниз по лестнице. Сквозняк с мягким шелестом подхватил листки, и они, описав голубые закорючки в воздухе, приземлились под столом.
– Я не виноват, сэр. Это тот длинный меня впихнул, сэр.
– Да вышвырни его и закрой ту дверь, – сказал редактор. – А то целый ураган поднялся.
Ленехан, нагибаясь и покряхтывая, начал подбирать листки с пола.
– Мы ждали специального о скачках, сэр, – сказал мальчишка. – Это Пэт Фаррелл меня впихнул, сэр.
Он указал на две рожицы, заглядывающие в дверную щель.
– Вон тот, сэр.
– Ладно, проваливай, – сердито скомандовал профессор Макхью.
Он вытолкал мальчишку и крепко захлопнул дверь.
Дж. Дж. О’Моллой шелестел подшивкой, что-то отыскивая и бормоча:
– Продолжение на шестой странице, четвертый столбец.

– Да, это из редакции «Ивнинг телеграф», – говорил мистер Блум по телефону из кабинета. – А хозяин?.. Да, «Телеграф»... Куда? Ага! На каком аукционе?.. Ага! Ясно. Хорошо. Я найду его.

ПРОИСХОДИТ СТОЛКНОВЕНИЕ

Когда он положил трубку, телефон снова зажужжал. Он быстро вошел и натолкнулся прямо на Ленехана, боровшегося со вторым листочком.

– Пардон, месье, – сказал Ленехан, на миг ухватившись за него и скорчив гримасу.

– Это я виноват, – отвечал мистер Блум, покорно перенося цепкий зажим. – Я не ушиб вас? Я очень спешу.

– Колено, – пожаловался Ленехан.

Он сделал смешную мину и захныкал, потирая колено:

– Ох, набирается годиков нашей эры.

– Прошу прощения, – сказал мистер Блум.

Он подошел к двери и, взявшись уже за ручку, немного помедлил. Дж. Дж. О'Моллой захлопнул тяжелую подшивку. В пустом вестибюле эхом отдавались звуки губной гармошки и двух пронзительных голосов мальчишек, усевшихся на ступеньках:

Мы вексфордские парни
В сраженье храбрецы.^[406]

БЛУМ УХОДИТ

– Я должен бежать на Бэйчлорз-уок, – объяснил мистер Блум, – насчет этой рекламы для Ключчи. Надо договориться окончательно. Мне сказали, что он там рядом, у Диллона.

Какой-то миг он смотрел на них в нерешительности. Редактор, который облокотился на каминную полку, подперев голову рукой, внезапно широким жестом простер руку вперед.

– Гряди! – возгласил он. – Перед тобою весь мир.^[407]

Дж. Дж. О'Моллой взял листки у Ленехана из рук и начал читать, осторожными дуновениями отделяя их друг от друга, не говоря ни слова.

– Он устроит эту рекламу, – сказал профессор, глядя через очки в черной оправе поверх занавески. – Полюбуйтесь, как эти юные бездельники за ним увязались.

– Где? Покажите! – закричал Ленехан, подбегая к окну.

УЛИЧНОЕ ШЕСТВИЕ

Оба посмеялись, глядя поверх занавески на мальчишек, которые выплясывали гуськом за мистером Блумом, а у последнего белыми зигзагами мотался под ветром шутовской змей с белыми бантиками по хвосту.

– Поглядеть на свистопляску этих разбойников, – объявил Ленехан, – и тут же загнешься. Ох, пуп с потехи вспотел! Подхватили, как тот вышагивает своими плоскостопными лапищами. Мелкие бесенята. Подметки на ходу режут.

Вдруг с резвостью он принялся карикатурить мазурку, через всю комнату, мимо камина скольженьями устремляясь к О'Моллою, который опустил листки в готовно протянутые его руки.

– Что это здесь? – спросил Майлс Кроуфорд, словно очнувшись. – А где остальные двое?

– Кто? – обернулся профессор. – Они отправились в Овал малость выпить. Там Падди Хупер, а с ним Джек Холл.^[408] Приехали вчера вечером.

– Пошли, раз так, – решил Майлс Кроуфорд. – Где моя шляпа?

Дергающейся походкой он прошел в кабинет, отводя полы пиджака и звеня ключами в заднем кармане. Потом ключи звякнули на весу, потом об дерево, когда он запирает свой стол.

– А он явно уже хорош, – сказал вполголоса профессор Макхью.

– Кажется, да, – раздумчиво пробормотал Дж. Дж. О’Моллой, вынимая свой портсигар. – Но знаете, то, что кажется, не всегда верно. Кто самый богатый спичками?

ТРУБКА МИРА

Он предложил сигареты профессору, взял сам одну. Ленехан чиркнул проворно спичкой и дал им по очереди прикурить. Дж. Дж. О’Моллой снова раскрыл портсигар и протянул ему.

– Мерсибо, – сказал Ленехан, беря сигарету.

Редактор вышел из кабинета в соломенной шляпе, криво надвинутой на лоб. Прорекла- мировал нараспев, тыча сурово пальцем в профессора Макхью:

Да, мощь и слава завлекли тебя,
Империя твое пленила сердце.^[409]

Профессор усмехнулся, не разомкнув своих длинных губ.

– Ну что? Эх ты, несчастная Римская Империя! – сказал Майлс Кроуфорд.

Он взял сигарету из раскрытого портсигара. Ленехан тут же гибким движением поднес ему прикурить и сказал:

– Прошу помолчать. Моя новейшая загадка!

– *Imperium Romanum*, – произнес негромко Дж. Дж. О’Моллой. – Это звучит куда благородней, чем британская или брикстонская^[410]. Слова чем-то напоминают про масло, подли- ваемое в огонь.

Майлс Кроуфорд мощно выпустил в потолок первую струю дыма.

– Это точно, – сказал он. – Мы и есть масло. Вы и я – масло в огонь. И шансов у нас еще меньше, чем у снежного кома в адском пекле.

ВЕЛИЧИЕ, ЧЬЕ ИМЯ – РИМ^[411]

– Одну минуту, – сказал профессор Макхью, подняв два спокойных когтя. – Не следует поддаваться словам, звучанию слов. Мы думаем о Риме имперском, императорском, импера- тивном.^[412]

Он сделал паузу и ораторски простер руки, вылезавшие из обтрепанных и грязных ман- жет:

– Но какова была их цивилизация? Бескрайна, согласен: но и бездушна. Слоасае: сточ- ные каналы. Евреи в пустыне или на вершине горы говорили: *Отрадно быть здесь. Поставим жертвенник Иегове.*^[413] А римлянин, как и англичанин, следующий по его стопам, приносил с собою на любой новый берег, куда ступала его нога (на наш берег она никогда не ступала)^[414], одну лишь одержимость клоакой^[415]. Стоя в своей тоге, он озирался кругом и говорил: *Отрадно быть здесь. Соорудим же ватерклозет.*

– Каковой неукоснительно и сооружали, – сказал Ленехан. – Наши древние далекие предки, как можно прочесть в первой главе книги Пития, имели пристрастие к проточной воде.

– Они были достойными детьми природы, – тихо сказал Дж. Дж. О’Моллой. – Но у нас есть и римское право.

– И Понтий Пилат пророк его, – откликнулся профессор Макхью.
– А вы слышали историю про первого лорда казначейства Поллса? – спросил О’Моллой. – Был парадный обед в королевском университете. Все шло как по маслу...
– Сначала отгадайте загадку, – прервал Ленехан. – Как, готовы?
Из вестибюля появился мистер О’Мэдден Берк^[416], высокий, в просторном сером донегальского твида. За ним следовал Стивен Дедал, снимая на ходу шляпу.
– Entrez, mes enfants!⁸³ – закричал Ленехан.
– Я сопровождаю просителя, – произнес благозвучно мистер О’Мэдден Берк. – Юность, ведомая Опытом, наносит визит Молве.
– Как поживаете? – сказал редактор, протянув руку. – Заходите. Родитель ваш отбыл только что.

???

Ленехан объявил всем:
– Внимание! Какая опера страдает хромотой? Думайте, напрягайтесь, соображайте и отвечайте.
Стивен протянул отпечатанные на машинке листки, указывая на заголовок и подпись.
– Кто? – спросил редактор.
Край-то оторван.
– Мистер Гэррет Дизи, – ответил Стивен.
– Старый бродяга, – сказал редактор. – А оторвал кто? Приспичило ему, что ли.

Приплыв сквозь бури
Сквозь пены клубы
Вампир бледнолицый
Мне губы впил в губы.

– Здравствуйте, Стивен, – сказал профессор, подойдя к ним и заглядывая через плечо. – Ящур? Вы что, стали...?
Быколюбивым бардом.

СКАНДАЛ В ФЕШЕНЕБЕЛЬНОМ РЕСТОРАНЕ

– Здравствуйте, сэр, – отвечал Стивен, краснея. – Это не мое письмо. Мистер Гэррет Дизи меня попросил...
– Знаю, знаю его, – сказал Майлс Кроуфорд, – да и жену знал тоже. Мерзейшая старая карга, какую свет видывал. Вот у нее уж точно был ящур, клянусь Христом! Вспомнить тот вечер, когда она суп выплеснула прямо в лицо официанту в «Звезде и подвязке». Ого-го!
Женщина принесла грех в мир. Из-за Елены, сбежавшей от Менелая, греки десять лет. О’Рурк, принц Брефни.
– Он что, вдовец? – спросил Стивен.
– Ага, соломенный, – отвечал Майлс Кроуфорд, пробегая глазами машинопись. – Императорские конюшни. Габсбург. Ирландец спас ему жизнь^[417] на крепостном валу в Вене. Не забывайте об этом! Максимилиан Карл О’Доннелл, граф фон Тирконнелл в Ирландии. Сей-

⁸³ Входите, дети мои! (*фр.*)

час он отправил своего наследника, и тот привез королю титул австрийского фельдмаршала. Когда-нибудь будет там заваруха! Дикие гуси. О да, всякий раз. Не забывайте об этом!

– Забыл ли об этом он, вот вопрос? – тихо произнес О’Моллой, вертя в руках пресс-папье в форме подковы. – Спасать государей – неблагоприятное занятие.

Профессор Макхью обернулся к нему.

– А если нет? – спросил он.

– Я расскажу вам, как было дело, – начал Майлс Кроуфорд. – Как-то раз один венгр...^[418]

ОБРЕЧЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ. УПОМИНАНИЕ О БЛАГОРОДНОМ МАРКИЗЕ

– Мы всегда оставались верны обреченным предприятиям, – сказал профессор. – Успех означает для нас гибель разума и воображения. Мы никогда не хранили верность преуспевающим. Мы им прислуживаем. Я преподаю назойливую латынь. Я говорю на языке расы, у которой вершина мышления это афоризм: время – деньги. Материальное господство. Dominus! Господин! А где же духовное? Господь Иисус! Господин Солсбери.^[419] Диван в клубе в Уэст-Энде. Но греки!

КЮРИЕ ЭЛЕЙСОН!^[420]

Светлая улыбка оживила его темнооправленные глаза, еще больше растянула длинные губы.

– Греки! – повторил он. – *Кюриос!* Сияющее слово! Гласные, которых не знают семиты и саксы.^[421] *Кюрие!* Лучезарность разума. Мне бы следовало преподавать греческий, язык интеллекта. *Кюрие элейсон!* Строителям клозетов и клоак никогда не быть господами нашего духа. Мы наследники католического рыцарства Европы^[422], которое пошло ко дну при Трафальгаре, и царства духа – а это вам не *impregium*, – которое потонуло вместе с флотом афинян при Эгоспотаммах^[423]. Да-да. Они потонули. Пирр, обманутый оракулом, совершил последнюю попытку повернуть судьбы Греции. Верный обреченному предприятию.^[424]

Он отошел к окну.

– Они выходили на бой, – продекламировал мистер О’Мэдден Берк тусклым голосом, – и гибли они неизменно.^[425]

– У-у! Ох-хо-хо! – негромко взрыдал Ленехан. – Получил кирпичом в самом конце представления. Бедняга, о бедняга, бедняга Пирр!

Потом он стал нашептывать в ухо Стивену:

ЛИМЕРИК ЛЕНЕХАНА

Вот ученый профессор из Дублина.
Протирает очки он насупленно.
Но успел он напиться,
И в глазах все двоится,
Так что труд его – даром погубленный.

В трауре по Саллюстию^[426], как выражается Маллиган. У которого мамаша подохла. Майлс Кроуфорд сунул листки в карман.

– Ладно, пойдет, – сказал он. – Остальное потом прочту. Все будет в порядке.

Ленехан протестующе замахал руками.

– А как же моя загадка? – сказал он. – Какая опера страдает хромотой?

– Опера? – Сфинксоподобное лицо мистера О’Мэддена Берка еще более озагадочилось.

Ленехан объявил торжествующе:

– «Роза Кастилии». Уловили соль? Рожа, костыль. Гы!

Шутливо ткнул он мистера О’Мэддена Берка под селезенку. Мистер О’Мэдден Берк откинулся манерно назад, на свой зонтик, и сделал вид, будто задыхается.

– Помогите! – выдохнул он. – Мне дурно.

На носки привстав, Ленехан немедленно принялся обмахивать лицо его шелестящими листочками.

Профессор, возвращаясь на место мимо подшивков, тронул легонько рукою распущенные галстуки Стивена и мистера О’Мэддена Берка.

– Париж в прошлом и настоящем. Вы выглядите как коммунары.

– Как те парни, что взорвали Бастилию, – сказал Дж. Дж. О’Моллой с мягкой иронией. – Или, может, это как раз вы с ним пристрелили генерал-губернатора Финляндии? Судя по виду, вы бы вполне могли. Генерала Бобрикова.^[427]

ОМНИУМ ПОНЕМНОГУМ

– Мы еще только собирались, – отвечал Стивен.

– Соцветие всех талантов, – сказал Майлс Кроуфорд. – Юриспруденция, древние языки...

– Скачки, – вставил Ленехан.

– Литература, журналистика.

– А будь еще Блум, – сказал профессор, – тогда и тонкое искусство рекламы.

– И мадам Блум, – добавил мистер О’Мэдден Берк. – Муза пения. Любимица всего Дублина.

Ленехан громко кашлянул.^[428]

– Гм-гм! – произнес он, сильно понизив голос. – Глоток свежего воздуха! Я простудился в парке. Ворота были отворены.

ВЫ ЭТО МОЖЕТЕ!

Редактор положил Стивену на плечо нервную руку.

– Я хочу, чтобы вы написали что-нибудь для меня, – сказал он. – Что-нибудь задиристое. Вы это можете. Я по лицу вижу. *В словаре молодости...*^[429]

По лицу вижу. По глазам вижу. Маленький ленивый выдумщик.^[430]

– Ящур! – воскликнул редактор с презрительным вызовом. – Великое сборище националистов в Боррис-ин-Оссори^[431]. Сплошная дичь! Надо таранить публику! Дайте-ка им что-нибудь задиристое. Вставьте туда нас всех, черт его побери. Отца, Сына и Святого Духа и Дристуна Маккарти^[432].

– Мы все можем доставить пищу для ума, – сказал мистер О’Мэдден Берк.

Стивен, подняв глаза, встретил дерзкий и блуждающий взгляд.

– Он вас хочет в шайку газетчиков, – пояснил Дж. Дж. О’Моллой.

ВЕЛИКИЙ ГАЛЛАХЕР

– Вы это можете, – повторил Майлс Кроуфорд, подкрепляя слова энергичным жестом. – Вот погодите. Мы парализуем Европу, как выразался Игнатий Галлахер, когда он мытарствовал, подрабатывал маркером на бильярде в отеле «Кларенс». Галлахер, вот это был журналист. Вот это перо. Знаете, как он сделал карьеру? Я вам расскажу. Виртуознейший образец журнализма за все времена. Дело было в восемьдесят первом, шестого мая, в пору непобедимых, убийства в парке Феникс, я думаю, вас тогда еще и на свете не было. Сейчас покажу.

Он двинулся мимо них к подшивкам.

– Вот, глядите, – сказал он, оборачиваясь, – «Нью-Йорк уорлд» запросил специально по телеграфу. Припоминаете?

Профессор Макхью кивнул.

– «Нью-Йорк уорлд», – говорил редактор, приходя в возбуждение и двигая шляпу на затылок. – Где все происходило. Тим Келли, или, верней, Кавана, Джо Брэди и остальные. Где Козья Шкура правил лошадьми. Весь их маршрут, понятно?^[433]

– Козья Шкура, – сказал мистер О’Мэдден Берк. – Фицхаррис. Говорят, теперь он «Приют извозчика» держит у Баттского моста. Это мне Холохан сказал. Знаете Холохана?

– Прыг-скок, этот, что ли? – спросил Майлс Кроуфорд.

– И Гамли, бедняга, тоже там, так он мне сказал, стережет бульжники для города. Ночной сторож.

Стивен с удивлением обернулся.

– Гамли? – переспросил он. – Да что вы? Тот, что друг моего отца?

– Да бросьте вы Гамли, – прикрикнул сердито Майлс Кроуфорд. – Пускай стережет бульжники, чтобы не убежали. Взгляните сюда. Что сделал Игнатий Галлахер? Сейчас вам скажу. Гениальное вдохновение. Телеграфировал немедленно. Тут есть «Уикли фримен» за семнадцатое марта? Прекрасно. Видите это?

Он перелистал подшивку и ткнул пальцем.

– Вот, скажем, четвертая страница, реклама кофе фирмы «Брэнсом». Видите? Прекрасно.

Зажужжал телефон.

ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

– Я подойду, – сказал профессор, направляясь в кабинет.

– Б – это ворота парка. Отлично.

Его трясущийся палец тыкал нетвердо в одну точку за другой.

– Т – резиденция вице-короля. К – место, где произошло убийство. Н – Нокмарунские ворота.

Дряблые складки у него на шее колыхались, как сережки у петуха. Плохо накрахмаленная манишка вдруг выскочила, и он резким движением сунул ее обратно в жилет.

– Алло? Редакция «Ивнинг телеграф»... Алло?.. Кто говорит?.. Да... Да... Да...

– От Ф до П – это путь, которым ехал Козья Шкура для алиби. Инчикор, Раундтаун, Уинди Арбор, Пальмерстон-парк, Ранела. Ф.А.Б.П. Понятно? Х – трактир Дэви на Верхней Лисон-стрит.

Профессор показался в дверях кабинета.

– Это Блум звонит, – сказал он.

– Пошлите его ко всем чертям, – без промедления отвечал редактор. – Х – это трактир Берка. Ясно?

ЛОВКО, И ДАЖЕ ОЧЕНЬ

– Ловко, – сказал Ленехан. – И даже очень.
– Преподнес им все на тарелочке, – сказал Майлс Кроуфорд. – Всю эту дьявольскую историю.

Кошмар, от которого ты никогда не проснешься.

– Я видел сам, – с гордостью произнес редактор. – Я сам был при этом. Дик Адамс^[434], золотое сердце, добрейший из всех мерзавцев, кого только Господь сподобил родиться в Корке, – и я.

Ленехан отвесил поклон воображаемой фигуре и объявил:

– Мадам, а там Адам. А роза упала на лапу Азора.

– Всю историю! – восклицал Майлс Кроуфорд. – Старушка с Принс-стрит^[435] оказалась первой. И был там плач и скрежет зубов.^[436] Все из-за одного рекламного объявления. Грегор Грэй сделал эскиз для него и сразу на этом пошел в гору. А потом Падди Хупер обработал Тэй Пэя^[437], и тот взял его к себе в «Стар». Сейчас он у Блюменфельда^[438]. Вот это пресса. Вот это талант. Пайетт^[439]! Вот кто им всем был папочкой!

– Отец сенсационной журналистики, – подтвердил Ленехан, – и зять Криса Каллинанна^[440].

– Алло?.. Вы слушаете?.. Да, он еще здесь. Вы сами зайдите.

– Где вы сейчас найдете такого репортера, а? – восклицал редактор.

Он захлопнул подшивку.

– Лесьма ловко, – сказал Ленехан мистеру О’Мэддену Берку.

– Весьма ловко, – согласился мистер О’Мэдден Берк.

Из кабинета появился профессор Макхью.

– Кстати, о непобедимых, вы обратили внимание, что нескольких лотошников забрали к главному судье...

– Да-да, – с живостью подхватил Дж. Дж. О’Моллой. – Леди Дадли^[441] шла домой через парк, хотела поглядеть, как там прошлогодний циклон повалил деревья, и решила купить открытку с видом Дублина. А открытка-то эта оказалась выпущенной в честь то ли Джо Брэди, то ли Главного^[442] или Козьей Шкуры. И продавали у самой резиденции вице-короля, можете себе представить!

– Теперешние годятся только в департамент мелкого вздора, – продолжал свое Майлс Кроуфорд. – Тьфу! Что пресса, что суд! Где вы теперь найдете такого юриста, как те прежние, как Уайтсайд, как Айзек Батт, как среброустый О’Хейган?^[443] А? Эх, чушь собачья! Тьфу! Гроша ломаного не стоят!

Он смолк, но нервная и презрительная гримаса еще продолжала змеиться на губах у него.

Захотела бы какая-нибудь поцеловать эти губы? Как знать! А зачем тогда ты это писал.

СКЛАД И ЛАД

Губы, клубы. Губы – это каким-то образом клубы, так, что ли? Или же клубы – это губы? Что-то такое должно быть. Клубы, тубы, любы, зубы, грубы. Рифмы: два человека, одеты одинаково, выглядят одинаково, по двое, парами.^[444]

..... la tua pace
..... che parlar ti piace

...mentrechè il vento, come fa, si tace⁸⁴.

Он видел, как они по трое приближаются, девушки^[445] в зеленом, в розовом, в темно-красном, сплетаясь, *per l'aer perso*⁸⁵, в лиловом, в пурпурном, *quella pacifica orifiamma*⁸⁶ в золоте орифламмы, *di rimirar fe piu ardenti*⁸⁷. Но я старик, кающийся, свинцовоногий, втемно-низу ночи: губы клубы: могила пленила.^[446]

– Говорите лишь за себя, – сказал мистер О'Мэдден Берк.

ДОВЛЕЕТ ДНЕВИ...^[447]

Дж. Дж. О'Моллой со слабою улыбкою принял вызов.

– Дорогой Майлс, – проговорил он, отбрасывая свою сигарету, – вы сделали неверные выводы из моих слов. В настоящий момент на меня не возложена защита третьей профессии *qua* профессии^[448], но все же резвость ваших коркских ног^[449] слишком заносит вас. Отчего нам не вспомнить Генри Грагтана и Флуда или Демосфена или Эдмунда Берка?^[450] Мы все знаем Игнатия Галлахера и его шефа из Чейплизода, Хармсуорта, издававшего желтые газетенки, а также и его американского кузена из помойного листка в стиле Бауэри, не говоря уж про «Новости Падди Келли»^[451], «Приключения Пью» и нашего недремлющего друга «Скиберинского орла». Зачем непременно вспоминать такого мастера адвокатских речей, как Уайтсайд?^[452] Довлеет дневи газета его.

ОТЗВУКИ ДАВНИХ ДНЕЙ

– Грагтан и Флуд писали вот для этой самой газеты, – выкрикнул редактор ему в лицо. – Патриоты и добровольцы. А теперь вы где? Основана в 1763-м. Доктор Льюкас^[453]. А кого сейчас можно сравнить с Джоном Филпотом Каррэнном^[454]? Тьфу!

– Ну что ж, – сказал Дж. Дж. О'Моллой, – вот, скажем, королевский адвокат Буш^[455].

– Буш? – повторил редактор. – Что же, согласен. Буш, я согласен. У него в крови это есть. Кендал Буш, то есть, я хочу сказать, Сеймур Буш.

– Он бы уже давно восседал в судьях, – сказал профессор, – если бы не... Ну ладно, не будем.

Дж. Дж. О'Моллой повернулся к Стивену и тихо, с расстановкой сказал:

– Я думаю, самая отточенная фраза, какую я слышал в жизни, вышла из уст Сеймура Буша. Слушалось дело о братоубийстве, то самое дело Чайлдса. Буш защищал его.

И мне в ушную полость влил настой.^[456]

Кстати, как же он узнал это? Ведь он умер во сне. Или эту другую историю, про зверя с двумя спинами?^[457]

– И какова же она была? – спросил профессор.

⁸⁴ ... тебя он спас...беседа есть у вас...безмолвен вихрь, как здесь сейчас.(ит. Данте. Ад, V (концовки строк 92, 94, 96; пер. М. Лозинского))

⁸⁵ В тьме неизреченной (Ад, V, 89).

⁸⁶ Там орифламма (Рай, XXXI, 127).

⁸⁷ И мои сильней воспламенил (Рай, XXXI, 142).

ITALIA, MAGISTRA ARTIUM⁸⁸

– Он говорил о принципе правосудия на основе доказательств, согласно римскому праву, – сказал О’Моллой. – Он противопоставлял его более древнему Моисееву закону^[458], *lex talionis*⁸⁹, и здесь напомнил про Моисея Микеланджело в Ватикане.^[459]

– М-да.

– Несколько тщательно подобранных слов, – возвестил Ленехан. – Тишина!

Последовала пауза. Дж. Дж. О’Моллой извлек свой портсигар.

Напрасно замерли. Какая-нибудь ерунда.

Вестник задумчиво вынул спички и закурил сигару.

Позднее я часто думал^[460], оглядываясь назад, на эти странные дни, не это ли крохотное действие, столь само по себе пустое, это чирканье этой спички, определило впоследствии всю судьбу двух наших существований.

ОТТОЧЕННАЯ ФРАЗА

Дж. Дж. О’Моллой продолжал, оттеняя каждое слово:

– Он сказал о нем: *это музыка, застывшая в мраморе, каменное изваяние, рогатое и устрашающее, божественное в человеческой форме, это вечный символ мудрости и прозрения, который достоин жить, если только достойно жить что-либо, исполненное воображением или рукою скульптора во мраморе, духовно преображенном и преображающем.*

Его гибкая рука волнистым узором следила повтор и спад.

– Блестяще! – тотчас отозвался Майлс Кроуфорд.

– Божественное вдохновение, – промолвил мистер О’Мэдден Берк.

– А вам понравилось? – спросил Дж. Дж. О’Моллой у Стивена.

Стивен, плененный до глубины красотой языка и жеста, лишь молча покраснел. Он взял сигарету из раскрытого портсигара, и Дж. Дж. О’Моллой протянул портсигар Майлсу Кроуфорду. Ленехан, как и прежде, дал им прикурить, а потом уцепил трофеем, говоря:

– Премногус благодаримус.

ВЫСОКОНРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

– Профессор Мэйдженнис^[461] мне говорил про вас, – обратился О’Моллой к Стивену. – Скажите по правде, что вы думаете обо всей этой толпе герметистов, поэтов опалового безмолвия, с верховным мистом А. Э.? Все началось с этой дамы Блаватской.^[462] Уж это была замысловатая штука. В одном интервью, которое он дал какому-то янки^[463], А. Э. рассказывал, как вы однажды явились к нему чуть свет и стали допытываться о планах сознания. Мэйдженнис считает, что вы, должно быть, решили попросту разыграть А. Э. Он человек высочайшей нравственности, Мэйдженнис.

Говорил обо мне. Но что он сказал? Что он сказал? Что он сказал обо мне? Нет, не спрошу.

– Спасибо, – сказал профессор Макхью, отклоняя от себя портсигар. – Погодите минуту. Позвольте, я кое-что скажу. Прекраснейшим образом ораторского искусства, какой я слышал, была речь Джона Ф. Тэйлора^[464] на заседании университетского исторического общества.

⁸⁸ Италия, наставница искусств (*лат.*).

⁸⁹ Закон возмездия (*лат.*).

Сначала говорил судья Фицгиббон^[465], теперешний глава апелляционного суда, а обсуждали они нечто довольно новое по тем временам, эссе, где ратовалось за возрождение ирландского языка.

Он обернулся к Майлсу Кроуфорду и сказал:

– Вы ведь знаете Джеральда Фицгиббона, так что можете себе представить стиль его речи.

– По слухам, он заседает с Тимом Хили^[466], – вставил Дж. Дж. О’Моллой, – в административной комиссии колледжа Тринити.

– Он заседает с милым крошкой в детском нагруднике, – сказал Майлс Кроуфорд. – Валяйте дальше. Ну и что?

– Прошу заметить, – продолжал профессор, – что это была речь опытного оратора, с безупречной дикцией, исполненная учтивого высокомерия и изливающая, не скажу чашу гнева, но скорей горделивое презрение к новому движению.^[467] Тогда это было новым движением. Мы были слабы и, стало быть, ни на что не годны.

На мгновение он сомкнул свои тонкие длинные губы, но, стремясь продолжать, поднес широко отставленную руку к очкам и, коснувшись черной оправы подрагивающими пальцами, безмянным и большим, слегка передвинул фокус.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Нарочито будничным тоном он обратился к Дж. Дж. О’Моллою:

– А Тэйлор, надо вам знать, явился туда больной, встал с постели. И я не думаю, что он заранее приготовил речь, потому что во всем зале не было ни единой стенографистки. Лицо у него было смуглое, исхудалое, с лохматой бородой во все стороны. На шее болтался какой-то шарф, а сам он выглядел едва ли не умирающим (хотя таковым и не был).

Взгляд его тут же, хотя и без торопливости, двинулся от Дж. Дж. О’Моллоя к Стивену и тут же потом обратился книзу, будто ища что-то. За склоненною головой обнаружился ненакрахмаленный полотняный воротничок, засаленный от редящих волос. Все так же ища, он сказал:

– Когда Фицгиббон закончил речь, Джон Ф. Тэйлор взял ответное слово. И вот что он говорил, вкратце и насколько могу припомнить.

Твердым движением он поднял голову. Глаза снова погрузились во вспоминание. Неразумные моллюски плавали в толстых линзах туда и сюда, ища выхода.

Он начал:

– *Господин председатель, леди и джентльмены! Велико было мое восхищение словами, с которыми только что обратился к молодежи Ирландии мой ученый друг. Мне чудилось, будто я перенесся в страну, очень отдаленную от нашей, и в эпоху, очень далекую от нынешней, будто я нахожусь в Древнем Египте и слушаю речь некоего первосвященника той земли, обращенную к юному Моисею.*

Его слушатели, все внимание, застыли с сигаретами в пальцах, и дым от них восходил тонкими побегам, распускавшимися по мере его речи. *Пусть дым от алтарей.*^[468] Близятся благородные слова. Посмотрим. А если бы самому попробовать силы?

– *И чудилось мне, будто я слышу, как в голосе этого египетского первосвященника звучат надменность и горделивость. И услышал я слова его, и смысл их открылся мне.*

ИЗ ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Открылось мне, что только доброе может стать хуже^[469], если бы это было абсолютное добро или вовсе бы не было добром, то оно не могло бы стать хуже. А, черт побери! Это же из святого Августина.

– Отчего вы, евреи, не хотите принять нашей культуры, и нашей религии, и нашего языка? Вы – племя кочующих пастухов: мы – могущественный народ. У вас нет городов и нет богатств: наши города словно людские муравейники, и наши барки, триремы и квадриремы, груженные всевозможными товарами, бороздят воды всего известного мира. Вы едва вышли из первобытного состояния: у нас есть литература, священство, многовековая история и государственные законы.

Нил.

Ребенок – мужчина – изваяние.^[470]

На берегу Нила прислужницы преклонили колена, тростниковая люлька – муж, искусный в битве – каменнорогий, каменнобородый, сердце каменное.

– Вы поклоняетесь темному безвестному идолу: в наших храмах, таинственных и великоколенных, обитают Изида и Озирис, Гор и Амон Ра. Ваш удел – рабство, страх, унижения: наш – громы и моря. Израиль слаб, и малочисленны сыны его: Египет – несметное воинство, и грозно его оружие. Бродягами и поденщиками зоветесь вы: от нашего имени содрогается мир.

Беззвучная голодная отрыжка ворвалась в его речь. Повышением голоса он отважно поборол ее:

– Но, леди и джентльмены, если бы юноша Моисей внял этой речи и принял бы этот взгляд на жизнь, если бы он склонил свою голову, склонил свою волю, склонил дух свой пред этим надменным поучением, то никогда бы не вывел он избранный народ из дома рабства^[471] и не последовал бы днем за столпом облачным. Никогда бы не говорил он с Предвечным средь молний на вершине Синая и не сошел бы с нее, сияя отсветами боговдохновения на лице, неся в руках скрижали закона, выбитые на языке изгоев.

Он смолк и оглядел их, наслаждаясь молчанием.

ЗЛОВЕЩИЙ ЗНАК – ДЛЯ НЕГО!

Дж. Дж. О’Моллой не без сожаленья заметил:

– И все же он умер, не ступив на землю обетованную.^[472]

– Внезапная – в – тот – миг – хотя – и – от – продолжительной – болезни – нередко – заранее – предполагаемая – кончина, – изрек Ленехан. – И позади у него лежало великое будущее.^[473]

Послышалось, как стадо босых ног ринулось через вестибюль и по лестнице вверх.

– Вот что такое искусство речи, – сказал профессор, не встретив ничего возражения.

Унесено ветром. Людские скопища в Моллахмасте и в Таре королевской. На целые мили – ушные полости. Громовые речи трибуна звучат – и развеиваются ветром. Народ обретал убежище в его голосе. Умершие звуки. Акаша-хроника где все что происходило когда-нибудь где-нибудь где угодно. Обожайте его и восхваляйте – но с меня хватит.^[474]

У меня есть деньги.

– Джентльмены, – произнес Стивен. – Следующим пунктом повестки дня позвольте внести предложение о переносе заседания в другое место.

– Вы меня изумляете. Надеюсь, это не пустая любезность на французский манер? – спросил мистер О’Мэдден Берк. – Ибо, мыслю, сие есть время, когда винный кувшин, выражаясь метафорически, особенно приятствен в древней вашей гостинице.

– Быть по сему и настоящим решительно решено. Все кто за говори в глаза, – возгласил Ленехан. – Прочим молчок. Объявляю предложение принятым. В какое же именно питейное заведение?.. Подаю свой голос за Муни!

Он возглавил шествие, поучая:

– Мы резко отвергнем возлияния крепких напитков, разве не так? Так, да не так. Ни под каким видом.

Мистер О'Мэдден Берк, шедший за ним вплотную, произнес, делая соратнический выпад зонтом:

– Рази, Макдуф!^[475]

– Весь в папашу! – воскликнул редактор, хлопнув Стивена по плечу. – Двинулись. Где эти чертовы ключи?

Он порылся в кармане и вытащил смятые листки.

– Ящур. Помню. Все будет в порядке. Пойдет. Где же они? Все в порядке.

Он снова сунул листки в карман и ушел в кабинет.

БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ

Дж. Дж. О'Моллой, собравшись последовать за ним, тихо сказал Стивену:

– Надеюсь, вы доживете, пока это напечатают. Майлс, одну минутку.

Он прошел в кабинет, затворив дверь за собой.

– Пойдемте, Стивен, – позвал профессор. – Это было блестяще, не правда ли? Прямотаки пророческие виденья. *Fuit Iium!*⁹⁰ Разграбление бурной Трои. Царства мира сего. Былые властители Средиземноморья – ныне феллахи.^[476]

Первый мальчишка-газетчик, стуча пятками, промчался по лестнице и ринулся мимо них на улицу с воплем:

– Специальный выпуск, скачки!

Дублин. Мне еще многому, многому учиться.

Они повернули налево по Эбби-стрит.

– Меня тоже посетило видение, – сказал Стивен.

– В самом деле? – сказал профессор, подлаживаясь с ним в ногу. – Кроуфорд нас догонит.

Еще один мальчишка пронесся мимо них, вопя на бегу:

– Специальный выпуск, скачки!

ДОБРЫЙ ДРЯХЛЫЙ ДУБЛИН^[477]

Дублинцы.

– Две дублинские весталки,^[478] – начал Стивен, – престарелые и набожные, прожили пятьдесят и пятьдесят три года на Фамболли-лейн.

– Это где такое? – спросил профессор.

– Неподалеку от Блэкпиттса.

Сырая ночь с голодными запахами пекарни. У стены. Пухлое лицо поблескивает под дешевой шалью. Неистовые сердца. Акаша-хроника. Поживей, милоч!

Вперед. Попробуй, рискни. Да будет жизнь.

– Они желают посмотреть панораму Дублина с вершины колонны Нельсона. У них накоплено три шиллинга десять пенсов в красной жестяной копилке в виде почтового ящика. Они вытряхивают оттуда трехпенсовые монетки и шестипенсовики, а пенсы выуживают, помогая себе лезвием ножа. Два шиллинга три пенса серебром, один шиллинг семь пенсов медью. Они надевают шляпки и воскресные платья, берут с собой зонтики на случай дождя.

– Мудрые девы,^[479] – сказал профессор Макхью.

⁹⁰ Миновал Илион! (лат. Вергилий. Энеида. II, 325).

ЖИЗНЬ БЕЗ ПРИКРАС

– Они покупают на шиллинг четыре пенса грудинки и четыре ломтя формового хлеба у мисс Кейт Коллинз, хозяйки Северных Столовых на Мальборо-стрит. Потом они покупают двадцать и четыре спелые сливы у девчонки, торгующей у самого подножия колонны Нельсона, чтобы утолять жажду после грудинки. И, заплатив две трехпенсовые монетки джентльмену у турникета, они медленно начинают взбираться по винтовой лестнице, кряхтя, подбадривая друг друга, пугаясь темных мест, борясь с одышкой, переспрашивая одна другую, а грудинка у вас, вознося хвалы Господу и Пречистой Деве, грозясь повернуть назад и выглядывая в смотровые щели. У-уфф, слава Богу. Мы и понятия не имели, что это так высоко.

Зовут их Энн Карнс и Флоренс Маккейб. Энн Карнс страдает радикулитом и растирается от него лурдской водой, которую ей дала одна леди, а та получила бутылочку от одного монаха-пассиониста^[480]. У Флоренс Маккейб каждую субботу на ужин свиные ножки и бутылка двойного пива.

– Антитезис, – молвил профессор, кивая дважды. – Девы-весталки. Так и вижу их. Но что же наш друг там мешкает?

Он обернулся.

Стая стремглав летящих мальчишек неслась вниз по ступеням, разлетаясь во все стороны, вопя, размахивая белыми листами газет. За ними на лестнице появился Майлс Кроуфорд, в нимбе шляпы вокруг малиновой физиономии, продолжая беседовать с Дж. Дж. О'Моллоем.

– Нагоняйте! – крикнул ему профессор и помахал рукой.

Затем он снова зашагал рядом со Стивеном.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУМА

– Да-да, – сказал он, – я их вижу.

Мистер Блум, весь запыхавшийся, попавший в оголтелый водоворот мальчишек-газетчиков возле редакций «Айриш католик» и «Дублин пенни джорнэл», воззвал:

– Мистер Кроуфорд! Минуточку!

– «Телеграф»! Специальный выпуск, скачки!

– Ну, в чем дело? – спросил Майлс Кроуфорд, замедляя шаг.

Выкрик газетчика раздался перед самым носом мистера Блума:

– Ужасная трагедия в Рэтмайнсе! Ребенка защемило тисками!

ИНТЕРВЬЮ С РЕДАКТОРОМ

– Все об этой рекламе, – начал мистер Блум, проталкиваясь к ступеням, отдуваясь и вынимая вырезку из кармана. – Я только что говорил с мистером Ключчи. Он сказал, что закажет на два месяца. А там посмотрит. Но он еще хочет заметку в «Телеграфе», в субботнем розовом, чтобы привлечь внимание. Я уже говорил советнику Наннетти, он хочет такую же, как была в «Килкенни пипл», если еще не слишком поздно. Я бы мог ее взять в национальной библиотеке. Понимаете, дом ключей. Его фамилия Ключчи, получается игра слов. Но он, можно считать, обещал, что закажет. Но он только хочет, чтобы это немножко раздуть. Что мне ему передать, мистер Кроуфорд?

П. М. Ж

– Передайте, что он может поцеловать меня в жопу! – отрезал Майлс Кроуфорд, сделав выразительный жест. – Вот так в натуре и передайте.

Слегка нервничает. Надо поосторожней. Все двинулись выпить. Рука об руку. Морская фуражка Ленехана поспешает на дармовщинку. Как всегда, подольстился. Интересно кто всех подбил молодой Дедал что ли. Сегодня на нем вполне приличные башмаки. В последний раз как я его видел у него пятки высвечивали. И где-то вляпался в грязь. Беззаботный малый. Что же он делал в Айриш-тауне?

– Что же, – сказал мистер Блум, снова переводя взгляд на редактора. – Если я достану эскиз, стоит, по-моему, поместить маленькую заметку. Думаю, он даст это объявление. Я ему передам...

П. М. Б. И. Ж

– Он может поцеловать мою благородную^[481] ирландскую жопу! – громогласно объявил Майлс Кроуфорд. – Совершенно в любое время, так вот и передайте.

И покуда мистер Блум стоял, взвешивая положение и нерешительно улыбаясь, он двинулся дальше своей подергивающейся походкой.

В ПОИСКАХ ССУДЫ

– Nulla bona⁹¹, Джек, – сказал он, поднося руку к подбородку. – Я и сам вот посюда. Тоже крупные передряги. Не далее как на прошлой неделе разыскивал, кто бы дал поручительство под мой вексель. Мне очень жаль, Джек. Будь хоть малейшая возможность. Если бы мог где-нибудь найти, я бы со всей душой.

Дж. Дж. О'Моллой кисло поморщился и молча зашагал дальше. Они нагнали остальных и пошли рядом с ними.

– И когда они съели свою грудинку и хлеб и вытерли все двадцать пальцев о бумагу от хлеба, тогда они подошли поближе к перилам.

– Тут кое-что для вас, – пояснил профессор Майлсу Кроуфорду. – Две дублинские старушки на вершине колонны Нельсона.

НУ И КОЛОННА! – ВОТ ЧТО СКАЗАЛА ПЕРВАЯ ИЗ ВЗОБРАВШИХСЯ

– Это свежо, – одобрил Майлс Кроуфорд. – Это материал. Выбрались на гулянье сапожников в Дагл. Две старые плутовки, а дальше что?

– Но они боятся, что колонна упадет, – продолжал Стивен. – Они глядят на крыши и спорят о том, где какая церковь: голубой купол в Рэтмайнсе, Адама и Евы, Святого Лаврентия О'Тула. Но, когда смотрят, у них начинает кружиться голова, так что они задирают платья...

⁹¹ Никакого имущества (*лат.*).

ЛЕГКАЯ НЕОБУЗДАННОСТЬ ЭТИХ ЖЕНЩИН

– Полегче, – сказал Майлс Кроуфорд. – Без поэтических вольностей. Здесь у нас архиепископия.

– И усаживаются на свои полосатые исподние юбки, взирая вверх на статую однорукого прелюбодея.^[482]

– Однорукий прелюбодей! – воскликнул профессор. – Мне это нравится. Я уловил мысль. Я вижу, что вы хотите сказать.

МОЖНО ПОДУМАТЬ, ДАМЫ ОДАРИВАЮТ ГРАЖДАН ДУБЛИНА СКОРОСТНЫМИ ПИЛЮЛЯМИ И БЫСТРОЛЕТНЫМИ МЕТЕОРИТАМИ

– Но у них от этого затекает шея, – говорил Стивен, – и они так устали, что уже не могут смотреть ни вверх, ни вниз, ни даже говорить. Они ставят между собой пакет со сливами и начинают их поедать одну за другой, утирая платочками сливовый сок, стекающий изо рта, и не спеша выплевывая косточки через перила.

В конце у него вдруг вырвался громкий молодой смех. Услышав его, Ленехан и мистер О'Мэдден Берк обернулись и, помахав им, повернули наискосок в сторону Муни.

– Это все? – спросил Майлс Кроуфорд. – Закончим, пока они не сделали чего похуже.

СОФИСТ ПОРАЖАЕТ НАДМЕННУЮ ЕЛЕНУ ПРЯМЫМ ПО СОПАТКЕ. СПАРТАНЦЫ СКРЕЖЕЩУТ КОРЕННЫМИ. ИТАКИЙЦЫ БОЖАТСЯ, ЧТО ИХ ПЕН ЧЕМПИОНКА

– Вы мне напоминаете Антисфена,^[483] – сказал профессор, – ученика софиста Горгия. О нем рассказывают, что никак не могли решить, кого он яростнее хулил, других или же себя самого. Он был сыном аристократа и рабыни. И он написал книгу, в которой отнял пальму первенства по красоте у аргивянки Елены и передал ее бедной Пенелопе.^[484]

Бедная Пенелопа. Пенелопа Рич⁹².

Они приготовились перейти через О'Коннелл-стрит.

АЛЛО, ЦЕНТРАЛЬНАЯ!

В различных точках на всех восьми линиях стояли на рельсах с застывшими дугами трамвай, шедшие в или из Рэтмайнса, Рэтфарнэма, Блэкрока, Кингстауна и Долки, Сэндимаунт Грин, Рингсенда и Сэндимаунт Тауэр, Доннибрука, Пальмерстон-парка и Верхнего Рэтмайнса, в неподвижном спокойствии короткого замыкания. Наемные экипажи, кабриолеты, ломовые телеги, почтовые фургоны, собственные кареты, повозки для газированных минеральных вод с громыхающими ящиками бутылок громыхали, катили, влекомые лошадьми, – стремительно.

КАК? – И АНАЛОГИЧНО – ГДЕ?

– А как вы это назовете? – осведомился Майлс Кроуфорд. – И где они взяли сливы?

⁹² Rich – богатая (англ.).

ИЗ ВЕРГИЛИЯ, ГОВОРIT ПЕДАГОГ. ВТОРОКУРСНИК ЖЕ ПРИСУЖДАЕТ СЛИВЫ СТАРИКУ МОИСЕЮ

– Назовите это... сейчас, минутку, – сказал профессор, в раздумье широко раздвинув длинные губы. – Постойте, постойте. Назовем так: *deus nobis haec otia fecit*⁹³.

– Нет, – отвечал Стивен. – Я это назову: *Вид на Палестину с горы Фасги, или Притча о сливах*.

– Я понимаю, – сказал профессор.

Он звучно рассмеялся.

– Понимаю, – повторил он с явным удовольствием. – Моисей и земля обетованная. Это ведь мы его навели на мысль, – добавил он, обращаясь к Дж. Дж. О'Моллоу.^[485]

ГОРАЦИО – ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА В ЭТОТ ДИВНЫЙ ИЮньСКИЙ ДЕНЬ

Дж. Дж. О'Моллой искоса бросил усталый взгляд на статую, продолжая хранить молчание.

– Понимаю, – сказал профессор.

Он задержался на пяточке у памятника сэру Джону Грэю и глянул наверх на Нельсона сквозь сеть морщинок своей кривой усмешки.

УРЕЗАННЫЕ КОНЕЧНОСТИ ОКАЗЫВАЮТСЯ БОЛЬШИМ ИСКУШЕНИЕМ ДЛЯ ИГРИВЫХ СТАРУШЕК. ЭНН ВЕРТИТСЯ, ФЛО КРУТИТСЯ – НО СТАНЕМ ЛИ ОСУЖДАТЬ ИХ?

– Однорукий прелюбодей, – повторил он, усмехаясь угрюмо. – Надо сказать, это меня привлекает.

– Старушек тоже привлекало, – сказал Майлс Кроуфорд, – если Всевышний дал бы нам знать всю истину.

⁹³ Нам бог досуги эти доставил (*лат.* Вергилий. Буколики. Эклога 1, 6).

8. Лестригоны

[486]

Ананасные леденцы, лимонный цукат, сливочные тянучки. Липкослащавая девица целыми совками насыпает ириски учителю из Христианских братьев^[487]. Какой-нибудь школьный праздник. Один вред для детских животиков. Сладости и засахаренные фрукты, поставщик Его Величества Короля. Боже. Храни. Нашего. Сидит у себя на троне, обсасывает красные карамельки до белой начинки.

Хмурый молодой человек из АМХ⁹⁴, зорко стоящий на посту среди душных приторных испарений кондитерской Грэма Лемона, вложил какой-то листок в руку мистера Блума.

Сердце сердцу весть подает.

Блу... Про меня? Нет.

Блудный сын... кровь агнца...

Небыстрые ноги уносили его к реке, читающего. Ты обрел ли спасение? Все омыты в крови агнца. Бог желает кровавой жертвы. Рождение, девство, мученик, война, закладка здания, жертвоприношение, всесожжение почки, алтари друидов^[488]. Илия грядет. Д-р Джон Александр Дауи^[489], восстановитель Сионского Храма, грядет.

Грядет! Грядет!! Грядет!!!

Всех просим от души.

Доходное занятие. А в том году Торри и Александр^[490]. Многоженство^[491]. Жена такое покажет. Где же я видел эту рекламу какая-то бирмингемская фирма светящееся распятие. Спаситель наш. Ночью проснешься в темноте и увидишь как он на стене висит. Призрак Пеппера^[492] та же идея. И нас целиком искупил.

Фосфором это наверно делают. Оставишь кусок трески например. Сам видел она светится голубым. Когда той ночью пошел в кладовку. Неприятно, все запахи там скопились, едва откроешь, шибает. Чего это ей тогда захотелось? Изюму из Малаги. Все думала про Испанию. Перед тем как Руди родился. Такая фосфоресценция, голубовато-зеленоватая. Для мозга очень полезно.

От угла дома Батлера рядом с памятником он глянул вдоль Бэйчлорз-уок. Дедалова дочка еще все там, возле Аукционов Диллона. Какую-нибудь старую мебель продают. Узнал ее сразу по глазам совершенно отцовские. Слоняется ждет его. Всегда дом разваливается после смерти матери. А у него пятнадцать детей. Редкий год не рождались. Так по их богословию не то поп не даст бедной женщине чего там исповеди отпущения. Плодитесь и размножайтесь. Вы где-нибудь про такое слышали? Этак у тебя проедят все дотла. Им самим-то не надо кормить семью. Сыты туком земли^[493]. Их кладовые и погреба. Посадить бы их на черный пост Йом Кипур^[494]. Хлебцы в Страстную пятницу. За день только обед и легкий завтрак, а то опасно еще свалится на алтарь. У таких господ экономки ты попробуй что-нибудь из нее вытянуть. В жизни не вытянешь. Как денежки из него. Живет припеваючи. Гостей не бывает. Все только для себя. Следит за своей мочой. Хлеб и масло приносите свои. Его преподобие: тихоня, вот подходящее слово.

Милость Божья а платье-то у бедняжки одни отрепья. И вид совсем отощавший. Картошка да маргарин маргарин да картошка. Это все потом сказывается. По плодам узнаете их. Подрывает здоровье.

⁹⁴ Ассоциация Молодых Христиан.

Когда он ступил на мост О'Коннелла, клуб дыма, пышно распускаясь, поднялся над парапетом. Баржа пивоварни с экспортным портером. В Англию. Я слышал он от морского воздуха скисает. Интересно бы как-нибудь получить пропуск через Хэнкока да посмотреть эту пивоварню. Целый особый мир. Кругом бочки с портером, красота. Но крысы и туда забираются. Упьются раздуются с собаку и плавают на поверхности. Мертвецки упившись портером. Налижуются до блевотины как черти. Пить этакое, это представить только! Бочонок – крысенок. Конечно, если бы мы обо всем знали.

Глянув вниз, он увидел, как, шумно хлопая крыльями, меж мрачных стен набережной кружат чайки. Свежо на море. А если я брошусь вниз? Сын Рувима Дж. наверняка наглотался этих помоев полное брюхо. Переплатил шиллинг и восемь пенсов. Хе-хе. Забавная у него манера вдруг вставить историю ни с того ни с сего. И рассказывать их умеет.

Чайки, кружа, снижались. Ищут себе поживу. А ну-ка.

Он бросил в стаю скатанный бумажный комок. Илия грядет, скорость тридцать два фута в сек. Не обманулись. Комок, оставленный без внимания, закачался на затухающей волне, уплыл под устои моста. Не такие уж полные дураки. Когда я в тот день черствый пирог выбросил за борт «Короля Эрина» небось подобрали в полсотне ярдов за кормой. Соображают. Они кружили, хлопая крыльями.

Унылая тощая чайка,
Куда ты летишь, отвечай-ка!

Вот так поэты и пишут, надо чтоб одинаковые звуки. Да но у Шекспира рифм нет – белый стих. Это поток языка. Мысли. Торжественно.

Гамлет, я дух родного твоего отца,
На время поскитаться осужденный.^[495]

– Яблоки, яблоки, пенни пара! Пенни пара!

Взгляд его прошелся по глянцу яблок, плотно уложенных у ней на лотке. В это время они из Австралии, должно быть. Кожа блестит: протерла их платком или ветошкой.

Погоди. А бедные птахи.

Он снова остановился, купил у старушки с яблоками два сладких пирожка на пенни, разломал на кусочки и бросил в Лиффи^[496]. Видали? Чайки налетели бесшумно, две, потом остальные, ринулись вниз, набрасываясь на добычу. Готово. Начисто расхватали.

Явственно ощущая их пронырливую жадность, он отряхнул мелкие крошки с ладоней. Небось не ждали такого. Манна небесная. Они все кормятся рыбьим мясом вся эта морская птица чайки гагары. Лебеди из Анны Лиффи сюда иногда заплывают покрасоваться. О вкусах не спорят. Интересно, на что похоже лебединое мясо. Робинзону Крузо приходилось ими питаться.

Они кружили, устало хлопая крыльями. Нет уж, больше ничего не брошу. Потратил пенни и хватит. Получил массу благодарности. Хоть бы покаркали. Кстати они и ящур разносят. Откормить индейку скажем каштанами у нее будет и вкус такой. Ешь свинину сам как свинья. А почему тогда рыба из соленой воды сама не соленая? Как же так?

Его глаза поискали ответа на реке и увидали, как барка, стоящая на якоре, лениво колыхает на густо-маслянистых волнах свои борта, облепленные рекламами.

Дж. Кайноу
11 шиллингов
Брюки.

Недурная идея. Интересно платит ли он за это городу. А как вообще можно владеть водой? Она никогда не та же вечно течет струится в потоке, ищет в потоке жизни наш взгляд. Потому что и жизнь поток. Для рекламы любое место годится. Одно время во всех сортирах было налеплено, какой-то шарлатан брался лечить от триппера. Сейчас не встречается, исчезли. Полное соблюдение тайны. Д-р Гай Фрэнкс. Обошелся без расходов на объявления как Маджинни учитель танцев^[497] тот сам себе создает рекламу. Нашел людей расклеить или расклеивал сам тайком, когда забегал расстегнуть ширинку. Тать в ноши. Место самое подходящее. РАСКЛЕЙКА ОБЪЯВЛЕНИЙ ЗАПРЕЩЕНА. ЗЛОДЕЙКА ГОНОРЕЙКА ПРЕКРАЩЕНА. Какой-нибудь чудак, довольный, что пронесло.

А вдруг у него...

Ох!

А если?

Нет... Нет.

Да нет. Не поверю. Уж он не стал бы?

Нет, нет.

Мистер Блум зашагал вперед, оторвав от реки встревоженный взгляд. Не надо об этом думать. Уже больше часу. На часах портового управления шар внизу. Время по Дансинку. Отличная эта книжица сэра Роберта Болла^[498], так увлекательно. Параллакс. Никогда толком не мог понять. А вот как раз священник. Можно бы у него спросить. Пар это греческое: параллель, параллакс. Метим псу хвост так она это называла пока я не объяснил про переселение. Ну и дичь!

Улыбка мистера Блума ну и дичь досталась двум окнам портового управления. По сути она права. Выдумывают пышные названия обычным вещам. Звучности ради. Она остроумием не отличается. Бывает и грубой. Может выболтать что у меня на уме. И все-таки не уверен. Скажем она придумала, что у Бена Долларда не бас-баритон, а бас-бормотон. Потому что когда поет, половину звуков глотает и ни слова не разберешь. Чем это не остроумно. Ему раньше дали прозвище Большой Бен. Совсем не так остроумно как бас-бормотон никакого сравнения. Прожорлив как альбатрос. Уплел подчистую цельный говяжий филей. И в выпивке удержу не знает, налижется как последний оборот. Бас-оборот-он. Вот и опять подходит.

Навстречу ему вдоль сточной канавы медленно двигалась цепочка людей, одетых в белое, на каждой рекламная доска с ярко-алой полосой поперек. Распродажа. Похожи на этого священника утром: мы грешники, мы страдали. Он прочитал алые буквы на их пяти белых высоких шляпах: H.E.L.Y. 'S. Узлом Хили. «Y» приотстал, вытащил ломоть хлеба из-под своей доски, сунул в рот и принялся жевать на ходу. Наше главное блюдо. Три монеты в день, и тащись вдоль этих канав, улица за улицей. Только на хлеб с похлебкой, чтоб ноги не протянуть. Они не от Бойла – нет – они от Макглэйда. Но этим торговлю не оживишь. Я ему предлагал устроить рекламную повозку: застекленный фургон и в нем две шикарные девицы сидят, пишут письма, а кругом всякие тетрадки, конверты, промокашки. Вот это бы привлекло внимание, я ручаюсь. Шикарные девицы пишут что-то такое – это сразу бросается в глаза. Всякому до смерти любопытно, а что это она пишет. Станешь, уставившись на пустое место, – тут же вокруг тебя двадцать человек. Боятся, не упустить бы чего. Женщины тут же. Любопытство. Соляной столп. Конечно, он отказался, потому что не он первый придумал. Или еще я предложил пузырек для чернил с обманым пятном из целлулоида. Его-то рекламные идеи под стать тому объявлению о паштетах Сливи, прямо под некрологами, раздел холодного мяса. Вам не требуется их лизать. Что? Наши конверты. Хэлло! Джонс, можно вас на минутку? Не могу, извините, Робинсон, спешу приобрести единственную надежную чернильную резинку «Канселл», продается у Хили и К°, Дэйм-стрит, 85^[499]. Слава Богу что развязался с этой дырой. Адова работа была получать по счетам в монастырях. Монастырь Транквилла. Там была очень милая монашка, на редкость приятное лицо. Клубук вполне шел к ее небольшой головке. Сестра?

Сестра? Уверен что у нее была несчастная любовь по глазам ясно. Ужасно неловко когда надо о делах с такой женщиной. В то утро я ее оторвал от молитв. Но рада была пообщаться с миром. Сегодня у нас великий день^[500], сказала она. Праздник Богоматери Кармельской. Тоже приятное название: карамель. Она знала думаю знала судя по тому как она. Если бы вышла замуж она изменилась бы. Похоже у них и вправду было туго с деньгами. Но при всем том готовили только на лучшем масле. Никакого свиного сала. Мне всегда потом плохо как поешь слишком жирного. Они любят подмасливаться и внутри и снаружи. Молли его пробовала, подняла вуаль. Сестра? Пэт Клэффи, дочка ростовщика. Говорят колючую проволоку придумала какая-то монашка.

Он пересек Уэстморленд-стрит, когда мимо прошаркал устало «S» с апострофом. Торговля велосипедами «Ровер». Гонки сегодня. Сколько же лет с тех пор? В тот год когда умер Фил Гиллиган^[501]. Мы жили на Ломбард-стрит. А я, погоди: я был у Тома. К Хили я поступил в тот год когда поженились. Шесть лет. Десять лет назад: он умер в девяносчетвертом да все верно большой пожар у Арнотта. Вэл Диллон^[502] тогда был лорд-мэром. Обед в Гленкри^[503]. Советник Боб О'Рейли вылил себе портвейн в суп еще до того как все начали. И давай Боб-боббоб хлебать по зову внутреннего советника. Весь оркестр заглушил. За то что уже нам досталось да будем мы Богу. Милли была еще совсем крошкой. А Молли надела то платье слоново-серое с вышитыми лягушками. Мужского покроя, пуговицы сама обтянула. Она его не любила потому что я ногу растянул в первый день как она надела его. Как будто платье виной. На пикнике с ее хором это было, у горы Шугарлоф. Старому Гудвину цилиндр уделали чем-то липким. Мухам тоже пикник. Потом она уж не носила таких платьев. Оно как перчатка ей всюду было в обтяжку, и в плечах и в бедрах. Тогда только-только начинала полнеть. Ели пирог с крольчатинной. Все на нее заглядывались.

Счастливые дни. Счастливее чем сейчас. Уютная комнатка с красными обоями. От Док-релла, шиллинг и девять пенсов рулон. Купанье Милли по вечерам. Американское мыло тогда купил: бузиновое. Вода в ее ванночке хорошо пахла. Какая смешная она была когда вся в пене. И стройненькая. Сейчас фотография. У бедного папы было ателье дагерротипов^[504]. Рассказывал мне про это. Наследственное увлечение.

Он шел по обочине тротуара.

Поток жизни. Как того парня звали что смахивал на священника и вечно проходя косился на наши окна? Слабые глаза, женщина. Снимал в доме Цитрона на Сент-Кевин-пэрейд. Как-то на пен. Пенденнис^[505]? Память сдает. Пен..? Правда уж столько лет прошло. Наверно трамвайный шум действует. Уж если он не мог вспомнить как зовут старосту дневной смены которого каждый день видит.

А тенора звали Бартелл д'Арси^[506], он тогда только начинал. Провожал ее домой с репетиций. Самодовольный тип с нафабранными усами. Дал ей песню «Южные ветры»^[507].

Какой был ветер в ту ночь когда я зашел за ней было то собрание ложи^[508] насчет лотерейных билетов после концерта Гудвина в ратуше, то ли в банкетном то ли в дубовом зале. Он, и я следом. Листок с ее нотами у меня вырвало из рук, застрял в ограде лица. Хорошо еще не. Такая мелочь может ей отравить все впечатление от вечера. Впереди профессор Гудвин под руку с ней. Весьма нетвердо ступая, старый пьянчужка. Его прощальные концерты. Абсолютно последнее выступление на сцене. То быть может на месяц^[509] иль быть может навек. Помню она хохотала на ветру укутанная в высокий воротник. А помнишь как рванул ветер на углу Харкорт-роуд. Ух! Бр-р! Взметнул все ее юбки, боа обвилось вокруг старины Гудвина, тот чуть не задохся. Она раскраснелась от ветра. Помнишь когда вернулись домой. Мы разгребли угли в очаге поджарили ей на ужин ломти бараньего седла с любимым ее кисло-сладким соусом. Подогрели ром. Мне было видно от очага как она в спальне расшнуровывает корсет. Белый.

С мягким шорохом корсет упал на постель. В нем всегда оставалось ее тепло. А ей было всегда приятно из него высвободиться. Потом сидела на постели почти до двух вынимала из

волос шпильки. Милли уютно свернулась в гнездышке. Счастливое время. Счастливое. В эту ночь...

– О мистер Блум, как поживаете?

– О, как поживаете, миссис Брин?

– Что толку жаловаться. Как там Молли? Я ее не видела целую вечность.

– Превосходно, – весело отозвался мистер Блум. – А Милли, знаете, получила место в Маллингаре.

– Да что вы! Ведь это для нее большой шаг?

– Да, она там у одного фотографа. Все идет как по маслу. А как все ваши подопечные?

– На аппетит не жалуются, – ответила миссис Брин.

А сколько их у нее? Кругом вроде никого.

– Я вижу, вы в черном. У вас не...

– Нет-нет, – сказал мистер Блум. – Просто я с похорон.

Теперь целый день так будет, я чувствую. Кто умер, когда да отчего умер. Не отвяжешься.

– Какое несчастье, – сказала миссис Брин. – Надеюсь, это не кто-нибудь из близких?

Раз уж так вызовем у нее сочувствие.

– Дигнам, – сказал мистер Блум. – Из старых моих друзей. Бедняга, он умер скоропостижно. Кажется, сердечный приступ. Похороны были сегодня утром.

Твои похороны завтра
Пока ты бредешь во ржи
Трампам тамтам
Трампам...^[510]

– Как это грустно, терять старых друзей, – женственно-меланхолически выразил взор миссис Брин.

И хватит об этом. Спокойно, просто: про мужа.

– А как ваш господин и повелитель?

Миссис Брин возвела к небу свои большие глаза. Все-таки это у нее осталось еще.

– Ах, ради Бога, не будем! – сказала она. – Гремучим змеям и тем его стоит остерегаться. Сейчас он сидит вон там со своими кодексами, ищет закон против диффамации. Одно мучение с ним. Минутку, я сейчас покажу вам.

Горячий пар телячьего супа, дух свежее выпеченных сладких булочек, пудингов плыли из кафе Гаррисона. От крепкого полднего запаха у мистера Блума защекотало в глотке. Собираются делать выпечку, масло, мука высший сорт, сахар из Демерары, или уже отведывают с чайком. Или это от нее? Босоногий мальчишка торчал у решетки, впивая запахи. Пытается притупить грызущий голод. Это ему удовольствие или страдание? Обед за пенни. Вилка и нож прикованы на цепочке к столу.

Открывает сумочку, потертая кожа. Шляпная булавка: с такими вещами надо поосторожней. Может попасть кому-нибудь в глаз в трамвае. Роемся. Все раскрыто. Деньги. Хочешь – бери. Они готовы с ума сойти, если потеряют хоть шестипенсовик. Мировой скандал. Муж рвет и мечет. Где десять шиллингов, что я дал тебе в понедельник? Ты что, всех родственничков своих кормишь? Платок замусоленный, пузырек от лекарства. Упало что-то таблетка. Что она там?..

– Наверно, сейчас новолуние, – сказала она. – В это время с ним всегда плохо. Знаете, что он в эту ночь сделал?

Рука ее перестала рыться. Глаза смотрели пристально на него, тревожно расширенные, но улыбающиеся.

– Что же? – спросил мистер Блум.

Пускай говорит. Смотри ей прямо в глаза. Я тебе верю. Можешь мне доверять.

– Разбудил меня ночью, – сказала она. – Ему приснился кошмарный сон.

Несваре.

– Сказал, что по лестнице поднимается пиковый туз.

– Пиковый туз! – изумился мистер Блум.

Она вынула из сумочки сложенную вдвое открытку.

– Вот, прочтите, – сказала она. – Он получил ее этим утром.

– Что это такое? – спросил мистер Блум, разглядывая открытку. – К. К.?

– К. К.: ку-ку^[511], – сказала она. – Кто-то над ним издевается, мол, он спятил. Это стыд и позор, кто бы ни сделал это.

– Разумеется, – сказал мистер Блум.

Она со вздохом забрала у него открытку.

– И сейчас он собрался в контору мистера Ментона. Он говорит, что намерен вчинить иск на десять тысяч фунтов.

Она сложила открытку, сунула ее в свою неприглядную сумочку и защелкнула замочек.

Тот же костюм синего шевиота, что два года назад, только ворс выцветает. Прошли его лучшие времена. Волосы растрепались над ушами. И эта неуклюжая шляпка, три старые виноградные грозди, чтобы хоть малость скрасить. Убогая роскошь. А ведь раньше одевалась со вкусом. Морщинки у рта. Всего на год или около того старше Молли.

Но посмотри, как эта женщина ее оглядела проходя. Жестоко. Пристрастный пол.

Он продолжал смотреть на нее, пряча во взгляде разочарование. Острый суп из телятины и бычьих хвостов с пряностями. Я тоже проголодался. Крошки пирога на отворотах ее костюма; следы сахарной пудры на щеке. Пирог с ревенем и плотной начинкой из разных фруктов. И это бывшая Джози Пауэлл. У Люка Доила, давным-давно. Долфинс-барн, шарады. К. К.: ку-ку.

Переменим тему.

– А вам случается видеть миссис Бьюфой? – спросил мистер Блум.

– Майну Пьюрфой? – переспросила она.

Это я подумал про Филипа Бьюфоя. Клуб театралов. Мэтчен часто вспоминает свой мастерский удар. А воду-то я спустил? Да. Последний акт.

– Да.

– Сейчас по дороге я как раз заходила узнать, не разрешилась ли она уже. Она в родильном доме на Холлис-стрит. Доктор Хорн^[512] ее туда поместил. Вот уже три дня схватки.

– О! – сказал мистер Блум. – Я так ей сочувствую.

– Да, – продолжала миссис Брин. – А дома и без того детишек полно. Эти роды у нее очень трудные, мне так сестра сказала.

– О! – сказал мистер Блум.

Его глубокий полный жалости взгляд вбирал ее слова. Язык соболезнующе пощелкал. Це! Це!

– Я так ей сочувствую, – повторил он. – Бедная женщина!

Три дня! Ведь это просто ужасно.

Миссис Брин согласно кивнула.

– У нее началось во вторник...

Мистер Блум тронул легонько выступ ее плечевой кости, предупреждая:

– Посторонитесь немного! Пускай этот человек пройдет.

Костлявая фигура, приближаясь со стороны реки, машисто вышагивала по тротуару, застывшим взглядом уставясь в солнечный круг через монокль на грубой тесемке. Крохотная шапочка обтягивала голову так туго, как будто вжималась в череп. На руке в такт шагам болтались сложенный плащ, трость и зонтик.

– Заметьте-ка, – сказал мистер Блум. – Фонарные столбы он всегда обходит по мостовой. Смотрите!

– А кто это, если не секрет? – спросила миссис Брин. – У него не все дома?

– Его зовут Кэшел Бойл О’Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл, – ответил мистер Блум, улыбнувшись. – Смотрите!

– Имен у него хватает, – сказала она. – Таким вот Дэнис станет когда-нибудь.

Внезапно она прервала себя.

– Ага, вот и он, – сказала она. – Мне надо идти к нему. Всего хорошего. Передавайте Молли привет, не забудете?

– Обязательно, – сказал мистер Блум.

Обходя встречных, она подошла к витринам. Дэнис Брин в ветхом сюртуке и синих парусиновых туфлях, шаркая ногами, вышел из кафе Гаррисона, крепко прижимая к сердцу две толстые книги. Словно с луны свалился. Ископаемое создание. Нисколько не удивившись ее появлению, он тут же очень серьезно принялся говорить, тыча вперед свою грязно-серую бороду и подрагивая отваливающейся челюстью.

Мешуге^[513]. Совсем свихнувшийся.

Мистер Блум продолжал свой путь легкой походкой, глядя, как впереди в лучах солнца мелькают туго обтянутый череп и болтающаяся плащезонтрость. Щеголь хоть куда. Полюбуйтесь! Опять вылез за тротуар. Еще один способ идти по жизни. И тот второй, тронутый волосан в отрепьях. Должно быть, тяжело ей с ним приходится.

К. К.: ку-ку. Готов поклясться это Олф Берген^[514] или же Ричи Гулдинг. Спорю на что угодно они это выдумали для смеха, сидя в пивной Скотч-хаус. Собрался в контору Ментона. Тот выпучит на открытку рачьи глаза. На галерке дикий восторг.

Он миновал редакцию «Айриш таймс». Может там новые ответы лежат. Хотел бы на все ответить. Удобная система для преступников. Шифр. Сейчас у них обед. Там клерк в очках, он не знает меня. Да ладно пусть полежат дозреют. И так хватило возни, сорок четыре уже пришло. Требуется опытная машинистка для помощи джентльмену в его литературных трудах. Я назвала тебя противным мой миленький потому что мне совсем не нравится тот свет. Пожалуйста объясни мне смысл. Пожалуйста напиши какими духами твоя жена. Объясни мне кто сотворил мир. У них манера закидывать тебя вопросами. А эта другая, Лиззи Твигг^[515]. Моим литературным опытам посчастливилось заслужить похвалу знаменитого поэта А. Э. (мистера Джор. Рассела). Некогда волосы как следует причесать, прихлебывает жидкий чай за книжкой стихов.

Для небольших объявлений это лучшая газета, всем даст очко. Сейчас и в провинции закрепилась. Кухарка и прислуга за все, кухня превосход., имеется горничная. Требуется расторопный приказчик в винную лавку. Добропоряд. девушка (катол.) ищет места во фруктовой или мясной торговле. Джеймс Карлайл^[516] все наладил. Дивиденд шесть с половиной процентов. Крупно заработал на акциях Коутсов. Не перетруждая себя. Хитроумные шотландские скряги. В новостях сплошь угодничество. Наша милостивейшая всеми любимая вице-королева. Купил теперь еще «Айриш филд»^[517]. Леди Маунткэшел вполне оправилась после родов и приняла участие в лисьей охоте с гончими, устроенной вчера в Рэтхоуте охотничьим обществом. Лису не едят. Хотя охотники-бедняки ради еды. От страха выделяет соки, мясо мягает так что годится им. Верхом ноги по сторонам. По-мужски ездит. Двужильная охотница. Седло дамское, подушка – этого ни за что. Первая на месте и первая с полем. Эти дамы-лошадницы бывают дюжие как племенные кобылы. Прохаживается важно возле конюшни. Стаканчик бренди махнет не успеешь моргнуть. Та что утром у Гровнора. Следом бы за ней в кеб: пощечем? Стену или барьер метра в два на лошади запросто возьмет. Небось этот курносый водитель нарочно так постарался. Кого-то она напоминает. Ну да! Миссис Мириэм Дэндрейд у которой я покупал ношеное белье черное и старые покрывала в отеле Шелборн. Разводка из

Южной Америки. На ноздрю не проявила смущения когда я копался в ее белье. Как будто я это мебель. Потом ее видел на приеме у вице-короля когда Стаббс королевский лесничий провел меня туда вместе с Хиланом из «Экспресса»^[518]. Доедали остатки после высшего общества. Плотный ужин. Я сливы там полил майонезом спутал с заварным кремом. У нее бы от стыда уши целый месяц горели. С такой надо быть не хуже быка. Прирожденная куртизанка. Возня с пеленками не для нее, большое спасибо.

Бедная миссис Пьюрфой! Супруг методист. Методичен в своем безумии^[519]. На завтрак булочка и молоко с содовой в семейном кафе. Ест по секундомеру, тридцать два жевка в минуту. Но при всем том отрастил баки котлетками. Имеет говорят хорошие связи. Кузен Теодора в Дублинском замке^[520]. В каждом семействе по бонтонному родичу. Подносит ей ежегодно один и тот же сюрприз. Как-то видел его у «Трех гуляк» идет с голой головой а за ним старший мальчуган тащит еще одного в кошелке. Пискуны. Бедное создание! Приходится кормить грудью из года в год по ночам в какое угодно время. Все эти трезвенники эгоисты. Собака на сене. Мне в чай только один кусочек, пожалуйста.

Он остановился на перекрестке Флит-стрит. Перерыв на завтрак. За шесть пенсов у Роу? Надо посмотреть эту рекламу в национальной библиотеке. Тогда за восемь у Бертона. Как раз по пути. Это лучше.

Он шел мимо магазина Болтона на Уэстморленд. Чай. Чай. Чай. Забыл поговорить с Томом Кернаном.

Ай-яй. Це-це-це! Представить только три дня стонет в постели, живот раздут, на голове укуренный компресс. Фу! Просто ужас! Головка у младенца слишком большая – щипцы. Скорчился внутри нее в три погибели тычется вслепую нащупывает пробивает путь наружу. Меня бы это убило. Счастье что у Молли было легко. Что-то должны придумать чтоб прекратить такое. В жизнь – через каторжные работы. Идеи насчет обезболивания: королеве Виктории применяли. Девять у нее было. Добрая несущка. Старушка в ботинке жила детей у ней куча была. Говорят у него был туберкулез^[521]. Давно уж пора чтобы занялись этим, а не заливали бы про как там про серебристое лоно да задумчивое мерцание. Морочат головы дурачкам. А тут бы легко образовалось крупное дело полное обезболивание потом каждому новорожденному из налоговых сумм начисляется пять фунтов под сложные проценты до совершеннолетия пять процентов это будет сто шиллингов да те самые пять фунтов помножить на двадцать по десятичной системе подтолкнуло бы людей откладывать деньги сто десять и сколько-то еще до двадцати одного года это надо на бумаге выходит кругленькая сумма больше чем сразу кажется.

Конечно не мертворожденным. Их даже не регистрируют. Потерянный труд.

Забавное было зрелище, они обе рядом, животы выпячены. Молли и миссис Мойзел. Собрание матерей. Чахотка проходит на время а потом снова. Какими плоскими они вдруг кажутся после этого. Глядят умиротворенно. Бремя с души. Миссис Торнтон была милейшая старушка. Они все мои детки, так она говорила. Прежде чем их кормить, первую ложку себе в рот. У-у, да это просто ням-ням. Сын Тома Уолла изуродовал ей руку. Его первое приветствие публике. Голова с отборную тыкву. Старый ворчун доктор Моррен. Народ к ним стучится в любое время. Доктор, ради всего святого. У жены началось. А потом заставляют ждать месяцами, пока заплатят. За врачебные услуги при родах вашей жены. В людях нет благодарности. А врачи очень гуманные, почти все.

Перед большими высокими дверями Ирландского парламента вспорхнула стая голубей. Резвятся после кормежки. Ну что, на кого б нам попробовать? Я вон на того, в черном. Так, пошел. Так, удачно. Должно быть, интересные ощущения, когда с воздуха. Эпджон, я и Оуэн Голдберг^[522] на деревьях возле Гус Грин, когда играли в мартышек. Они меня прозвали деляга.

Отряд полиции показался с Колледж-стрит, следуя шеренгой в затылок. Гусиным шагом. Лица, разгоряченные плотной едой, пот из-под шлемов, помахивают дубинками. Только что поели, заправили под ремни по доброй порции супа. Как завидна судьба полисмена^[523]. Они

разбились на группы и, отсалютовав, двинулись на свои посты. Отпустили пастись. Лучший момент для нападения – сразу же после пудинга. С правой прямо ему в обед. Еще один отряд, шагая вразброд, обогнул ограду колледжа Тринити, направляясь к полицейскому участку. Нацелились на кормушки. Готовься к атаке на кавалерию. Готовься к атаке на суп.

Он перешел улицу под озороватым перстом Томми Мура^[524]. Правильно сделали, что поставили ему памятник над писсуаром: слияние вод. Для женщин тоже должны устроить такие места. А то забегают в кондитерские. Надо мол шляпку поправить. *Нет на всем белом свете долины такой*. Знаменитая песня Джулии Моркан^[525]. Сохранила голос до самого конца. А Майкл Болф был ее учитель, кажется?

Он проводил взглядом широкую накидку последнего полицейского. С такими клиентами лучше не связываться. Джеку Пауэру дано коснуться тайн^[526]: папаша у него сыщик. Если парень заставил их понервничать при аресте, то уж потом в кутузке ему покажут райские кущи. Но в конце концов их тоже нельзя винить при такой работке какая им достается особенно молодым. В день когда Джо Чемберлен^[527] получал степень в Тринити тот конный полисмен уж отработал свое жалованье сполна. Уж тут ничего не скажешь! Как его конь за нами гремел копытами по Эбби-стрит! Счастье что я сообразил занырнуть к Маннингу, а то крупно бы влип. Но как он грохнулся, черт возьми. Наверняка раскроил себе череп о булыжники. Не стоило мне там путаться с этими медиками. Да с новичками из Тринити в квадратных шляпах. Сами на рожон лезут. Но зато познакомился с этим юношей, с Диксоном^[528], что потом мне в Скорбящей забинтовал ранку от укуса^[529]. Сейчас он на Холлс-стрит где миссис Пьюрфой. Колесо в колесе^[530]. До сих пор полицейские свистки в ушах. Все мигом наутек. Потому он ко мне и привязался. Вы задержаны. На этом вот месте и началось.

– Молодцы, буры!

– Ура Де Вету^[531]!

– Вздернем Чемберлена на кривом суку!

Дурачье: молодые щенки готовые лаять до хрипоты. Винигер Хилл^[532]. Оркестр гильдии молочников. А через какую-нибудь пару лет из них половина в судьях или в чиновниках. Начнется война – и все в армию как миленькие – те же которые. Если нас погибель ждет^[533].

Никогда не знаешь с кем говоришь. Корни Келлехер того же поля ягода что Харви Дафф^[534]. Как и тот Питер или Дэнис или может Джеймс Кэри^[535] что выдал непобедимых. Член муниципалитета. Подзуживал зеленых юнцов чтобы войти в это дело. И все это время денежки получал от тайной полиции. Потом от него быстренько отделались. Понятно почему эти в штатском всегда обхаживают служанок. Легко заприметить человека привыкшего носить форму. Полюбезничает с ней у черного хода. Слегка потискает. А потом следующий номер программы. Скажи а кто этот господин что все захаживает сюда? А молодой хозяин что-нибудь говорил? Подглядывает в замочную скважину. Подсадная утка. Юный пылкий студент дурачится, вертится возле ее пухлых рук, пока она гладит.

– Это не твои, Мэри?

– Я этакое не ношу... Оставьте не то скажу про вас барыне. Полночи не были дома.

– Близятся великие времена^[536], Мэри. Скоро сама увидишь.

– Вот и милуйтесь с этими вашими временами.

Так же они и барменш. И продавщиц сигарет.

Лучше всего придумал Джеймс Стивенс. Он-то их знал. Кружки по десять человек, так что каждый знает только свой собственный. Шинн Фейн. Пойдешь на попятный тебя ждет нож. Невидимая рука^[537]. Останешься расстреляют. Дочка тюремщика устроила ему побег из Ричмонда, и через Ласк фюйт. Останавливался у них под носом, в отеле «Букингемский дворец». Гарибальди.

Тут надо личное обаяние. Парнелл. Артур Гриффит прямой честный малый но он зажечь толпу не способен. Ей надо чтоб разводили треп про нашу любимую отчизну. Чушь на пост-

ном масле. Чайная Дублинской хлебопекарной компании. Дискуссионные клубы. Что республиканская форма правления наилучшая. Что проблема языка должна решаться прежде экономических проблем. Пускай ваши дочери заманивают их к вам в дом. Кормите и поите их до отвала. Жареный гусь на святого Михаила. Тут вот для вас под шкуркой чудный кусочек с травками. И жирком полейте как следует покуда он не застыл. Полуголодные энтузиасты. На пенни хлеба^[538] и шагай за оркестром. Хлеборезу не остается. Мысль что не ты платишь лучший соус к обеду. Устраиваются как у себя дома. А подайте-ка нам вон те абрикосы то бишь персики. Не за горами тот день. Солнце гомруля восходит на северо-западе.

Он шел дальше, и улыбка тускнела на его лице, меж тем как тяжелое облако медленно наползало на солнце, закрывая тенью горделивый фасад Тринити. Катили в разные стороны трамваи, съезжаясь, разъезжаясь, трезвоня. Слова бесполезны. Ничего не меняется, изо дня в день: полицейские маршируют взад-вперед, трамваи туда-обратно. Те двое чудиков бродят по городу. Дигнам отдал концы. Майна Пьюрфой на койке с раздутым брюхом стонет чтоб из нее вытащили ребенка. Каждую секунду кто-то где-то рождается. Каждую секунду кто-нибудь умирает. Пять минут прошло как я кормил птиц. Три сотни сыграли в ящик. Другие три сотни народились, с них обмывают кровь, все омыты в крови агнца, блеют беее.

Исчезнет полгорода народу, появится столько же других, потом и эти исчезнут, следующие являются, исчезают. Дома, длинные ряды домов, улицы, мили мостовых, груды кирпичика, камня. Переходят из рук в руки. Один хозяин, другой. Как говорится, домовладелец бессмертен. Один получил повестку съезжать – тут же на его место другой. Покупают свои владения на золото, а все золото все равно у них. Где-то тут есть обман. Сгрудились в городах и тянут веками канитель. Пирамиды в песках. Строили на хлебе с луком. Рабы Китайскую стену. Вавилон. Остались огромные глыбы. Круглые башни^[539]. Все остальное мусор, разбухшие пригороды скороспелой постройки. Карточные домишки Кирвана^[540], в которых гуляет ветер. Разве на ночь, укрыться.

Любой человек ничто.

Сейчас самое худшее время дня. Жизненная сила. Уныло, мрачно: ненавижу это время. Чувство будто тебя разжевали и выплюнули.

Дом ректора. Досточтимый доктор О’Сетр: консервированный осетр. Прочно он тут законсервирован. Мне приплати я б не жил в таком. Авось у них будет сегодня печенка и бекон. Природа боится пустоты.

Солнце медленно вышло из-за облака и зажгло зайчики на серебре, разложенном через улицу в витрине Уолтера Секстона, мимо которой проходил Джон Хауард Парнелл^[541], жмурясь от света.

Вот и он: родной брат. Как две капли воды. Это лицо всюду меня преследует. Совпадение, конечно. Сто раз бывает что думаешь о человеке и не встречаешь его. Идет как во сне. Никто не узнает его. Должно быть сегодня заседание в муниципалитете. Говорят за все время что он церемониймейстер ни разу мундира не надевал. А Чарли Болджер всегда выезжал на громадном коне, в треуголке, выбритый, напудренный и надутый. Какой у него удрученный вид. Яйцо тухлое съел. Мешки под глазами, как привидение. Я в таком горе. Брат великого человека: брат своего брата. Славно бы он выглядел на казенном скакуне. Наверняка улизнет в ДХК пить кофе да играть в шахматы. Для его брата люди были как пешки. Пускай все хоть загнутся. Про него боялись слово сказать. Замирали на месте под его взглядом. Вот что действует на людей: имя. У них в роду все со сдвигом. Сумасшедшая Фанни и вторая сестра^[542], миссис Дикинсон, у которой лошади с красной упряжью. Держится прямо, в точности как хирург Макардл. А все-таки Дэвид Шихи^[543] обошел его на выборах в Южном Мите. Устроить отставку. Удалиться в политику. Банкет патриота. Поедают апельсинные корки^[544] в парке. Саймон Дедал сказал когда его провели в парламент что Парнелл восстанет из гроба чтоб вывести его за руку из палаты общин.

– Про двуглавого осьминога^[545], у которого на одной голове концы света забыли сойтись между собой, а другая разговаривает с шотландским акцентом. Щупальца же...

Они обогнали мистера Блума, обойдя его сбоку по тротуару. Борода и велосипед. Молодая женщина.

И этот тут как тут. Вот уж точно совпадение: второй раз. От грядущих событий^[546] заранее тени видны. Похвалу знаменитого поэта, мистера Джор. Рассела. Может это Лиззи Твигг с ним. А. Э.: что бы это значило? Наверно инициалы. Альберт Эдвард^[547], Артур Эдмунд, Альфонс Эб Эд Эль Эсквайр. Что он такое нес? Концы света с шотландским акцентом. Щупальца, осьминог. Что-то оккультное – символизм. Разглагольствует. Этой-то все сойдет. Слова не скажет. Для помощи джентльмену в его литературных трудах.

Глаза его проводили рослую фигуру в домотканой одежде, борода и велосипед, рядом внимающая женщина. Идут из вегетарианской столовой. Там фрукты одни да силос. Бифштекс ни-ни. Если съешь глаза этой коровы будут преследовать тебя до скончания всех времен. Уверяют так здоровей. А с этого одни газы да вода. Пробовал. Целый день только и бегаешь. Брюхо пучит как у обожравшейся овцы. Сны всю ночь снятся. Почему это они называют то чем меня кормили бобштекс? Бобрианцы. Фруктарианцы^[548]. Чтобы тебе показалось будто ты ешь ромштекс. Дурацкие выдумки. И пересолено. Готовят на соде. Просидишь у крана всю ночь.

У ней чулки висят на лодыжках. Терпеть этого не могу: настолько безвкусно выглядит. Эта литературная публика, они все в облаках витают. Туманно-эфирные символисты. Эстеты. Не удивлюсь если вдруг докажут что такой вот род пищи он как бы и рождает поэзию какие-то что ли волны в мозгу. Вот взять любого из тех полисменов у которых все рубахи в поту после бараньей похлебки: попробуй из него выжми хоть полстрочки стихов. Да он вообще не знает что такое стихи. Для этого нужен особый настрой.

Туманно-эфирная чайка,
Куда твой полет, отвечай-ка!

Он перешел улицу на углу Нассау-стрит и остановился перед витриной магазина «Йейтс и сын», разглядывая цены биноклей. А может завернуть к Харрису, поболтать малость с молодым Синклером? Вот благовоспитанный юноша. Наверное обедает. Пора починить мои старые очки. Стекла фирмы Герц шесть гиней. Немцы пролезают всюду. Продают на льготных условиях чтобы захватить рынок. Сбивают цены. Может случайно повезет найти пару в бюро забытых вещей при вокзале. Поражаешься чего только люди не оставляют в раздевалках и поездах. О чем они думают? И женщины. Просто удивительно. Когда ехал в Эннис в прошлом году подобрал сумку что дочка того фермера позабыла и передал ей на пересадке в Лимерик. И за деньгами не являются. На крыше банка там у них маленькие часы чтобы проверять эти бинокли.

Веки его приспустились до нижнего краешка зрачков. Нет, не вижу. Если представить их там тогда почти видишь. Все равно не вижу.

Он повернулся к солнцу и, стоя между витринными навесами, вытянул в направлении к нему правую руку. Давно собирался попробовать. Так и есть: целиком. Кончик его мизинца закрыл весь солнечный диск. Должно быть тут фокус где сходятся все лучи. Жаль что нет темных очков. Интересно. Сколько было разговоров о пятнах на солнце когда мы жили на Ломбард-стрит. Эти пятна – это огромные взрывы. В этом году будет полное затмение: где-то в конце осени.

Ну вот, как только я про это подумал так шар упал. Время по Гринвичу. Эти часы управляются по электрическим проводам из Дансинка^[549]. Стоило бы как-нибудь туда съездить в первую субботу месяца. Если бы получить рекомендацию к профессору Джоли или что-нибудь разузнать про его семью. Тоже должно подействовать: всегда приятно для самолюбия. Лесть

где ее совершенно не ждешь. Аристократ гордится происхождением от любовницы короля. Достоправная прародительница. Главное, налегай на лесть. Ласковое теля двух маток сосет. А не так, чтобы вошел и брякнул с порога то что сам знаешь не по твоей части: а что такое параллакс? Проводите-ка этого господина к выходу.

Эх.

Он бессильно уронил руку.

Никогда об этом ничего не узнают. Пустая затрата времени. Газовые шары вращаются, сливаются, разлетаются. И так без конца эта карусель. Газ: потом твердые частицы: потом возникает мир: потом остывает: потом несется в пространстве одна мертвая оболочка, заледенелая корка, вроде ананасного леденца. Луна. Она сказала что сейчас новолуние. Кажется это верно.

Он проходил мимо ателье «La Maison Claire».

Вот смотри. Полнолуние было в ту ночь когда мы в воскресенье две недели назад значит в точности сейчас новолуние. Шли по берегу Толки. Неплохо для лунной ночи в Фэрвью. Она напевала. Юный май и луна^[550], как сияет она, о, любовь. Он рядом с ней, по другую сторону. Локоть, рука. Он. И в траве светлячок свой зажег огонек, о, любовь. Коснулись. Пальцы. Вопрос. Ответ. Да.

Стоп. Стоп. Что было то было. Должно было.

Мистер Блум – его дыхание участилось, а шаг замедлился – миновал Адам-корт.

Понемногу уфф тихо не дури тихо успокаиваясь его глаза доносили это улица середина дня вислые плечи Боба Дорена. В своем ежегодном загуле, как сказал Маккой. Пьют чтоб выговориться или почудить или *cherchez la femme*. Погудят в Куме с дружками да с девками а потом весь остальной год как стеклышко.

Ну да. Так я и думал. Нацелился в Эмпайр. Вошел. Ему бы самое лучшее чистой содовой. Там раньше был мюзик-холл Арфа Пэта Кинселлы до того как Уитбрэд стал управляющим в театре Куинз. Отличный малый. Потешал публику в том же духе как Дайон Бусико, с физиономией как блин и в старой шапчонке. Три Юных Красотки^[551] со Школьной Скамьи. Как летит время, а? В женской юбке, из-под которой длиннейшие красные подштанники. Сидели пьянчуги, пили, хохотали, брызжа слюной, захлебывались. Поддай жару, Пэт. Побагровелые – пьяная потеха – гогот и дым от курева. Сними-ка этот белый колпак. Глаза у него как ошпаренные. Где-то теперь он? Где-нибудь нищенствует. Арфа дивная^[552] голодом нас уморила.

Я был тогда счастливей. Хотя был ли это я? И сейчас я это я ли? Двадцать восемь мне было. Ей двадцать три. Когда переехали с Западной Ломбард-стрит что-то сломалось. После Руди никогда уже не получала от этого удовольствия. Времени не вернешь назад. Воду не удержишь в ладонях. А хотел бы? Вернуться назад. К самому началу. Хотел бы? Так ты несчастлив в семейной жизни, мой бедненький противный мальчишка? Хочет мне пуговицы пришивать. Надо ответить. Напишу ей в библиотеке.

Грэфтон-стрит яркопестрыми навесами дразнила чувства его. Набивной муслин, шелко-леди, величественные матроны, звяканье сбруи и глухозвук стукопыт по раскаленным булыжникам. Какие толстые ноги у этой в белых чулках. Хорошо бы дождь их заляпал грязью как следует. Чистопородная деревенщина. Все толстомясые припожаловали. В таких у женщины всегда неуклюжие ноги. И у Молли не выглядят стройными.

Беззаботной походкой он шел мимо витрин шелковой торговли Брауна Томаса. Водопады лент. Воздушные китайские шелка. Наклоненный сосуд струил потоком из своего разверстого зева кроваво-красный поплин: сверкающая кровь. Это сюда гугеноты^[553] завезли. *La causa à santa!*^[554] *Tara-tara*. Замечательный хор. *Tara*. Стирать исключительно в дождевой воде. Мейербер. Тара: бум бум бум.

⁹⁵ Дело свято! (*ит.*)

Подушечки для булавок. Я уж давно грозился ей что куплю. А то втыкает где попало по всему дому. В занавесках иголки.

Он слегка отвернул левый рукав. Царапина: уже почти зажила. Нет все-таки не сегодня. Еще ведь надо вернуться за тем лосьоном. А может на ее день рождения? Июниюль, августеньябрь восьмое. Еще почти три месяца. А может это ей вовсе и не понравится. Женщины не любят подбирать булавки. Говорят оборвется лю.

Блестящие шелка, нижние юбки на тонких медных прутах, шелковые чулки, разложенные расходящимися лучами.

Звонкие голоса. Солнценагретый шелк. Звяканье сбруи. Это все для женщины, дома и домашний уют, паутинки шелков, серебро, лакомые плоды, сочные из Яффы. Агендат Нетаим. Богатства мира.

Теплая округлость человеческой плоти заполонила его мозг. Мозг сдался. Дурман объятий всего его захлестнул. Оголодалою плотью смутно он немо жаждал любить.

Дьюк-стрит. Приехали. Поесть наконец. У Бертона. Сразу полегче станет.

Он повернул за угол у Кембриджа, еще в плену наважденья. Звяканье, стукопыт глухозвук. Благоухающие тела, теплые, налитые. В поцелуях, объятиях, все, всюду – среди высоких летних лугов, на перепутанной примятой траве, в сырых подъездах многоквартирных домов, на диванах, на скрипучих кроватях.

– Джек, милый!

– Ненаглядная!

– Поцелуй меня, Регги!

– Мой мальчик!

– Любимая!

С неутраченным волнением в сердце он подошел к столовой Бертона и толкнул дверь. От удушливой вони перехватило дыхание. Пахучие соки мяса, овощная бурда. Звери питаются.

Люди, люди, люди.

У стойки, взгромоздились на табуретах в шляпах на затылок, за столиками, требуют еще хлеба без доплаты, жадно хлебуют, по-волчьи заглатывают сочащиеся куски еды, выпучив глаза утирают намокшие усы. Юноша с бледным лоснящимся лицом усердно стакан нож вилку ложку вытирает салфеткой. Новая порция микробов. Мужичина, заткнувши за воротник всю в пятнах соуса детскую салфетку, булькая и урча, в глотку ложками заправляет суп. Другой выплевывает назад на тарелку: хрящи не осилил – зубов нету раз-грыгрыгрызть. Филе, жаренное на углях. Глодает кусками, спешит разделаться. Глаза печального пропойцы. Откусил больше чем может прожевать. И я тоже такой? Что видит взор его и прочих^[555]. Голодный всегда зол. Работают челюстями. Осторожно! Ох! Кость! В том школьном стихотворении Кормак последний ирландский король-язычник подавился и умер^[556] в Слетти к югу от Война. Интересно что он там ел. Что-нибудь этакое. Святой Патрик обратил его в христианство. Все равно целиком не смог проглотить.

– Ростбиф с капустой.

– Порцию тушеной баранины.

Человечий дух. У него подступило к горлу. Заплеванные опилки, тепловатый и сладковатый дым сигарет, вонь от табачной жвачки, от пролитого пива, человеческой пивной мочи, перебродившей закваски.

Я тут не смогу проглотить ни куска. Вон малый затачивает ножик об вилку готовый пожрать все что глаз видит, старик ковыряет в последних зубенках. Легкая отрыжка, сыт, пережевывает жвачку. До и после. Благодарственная молитва после еды. Вот два изображенья^[557]: вот и вот. А этот уписывает остатки, подгребают соус размокшими катышками хлеба. Давай, друг, вылизывай прямо с тарелки! Нет, убираться отсюда.

Зажав нос, он оглядел застольных и застоечных едоков.

- Два портера сюда.
- Порцию солонины с капустой.

Вон тот герой так рьяно подпихивает в рот капусту ножом как будто его жизнь зависит от этого. Мастерский удар. Дрожь смотреть. Для безопасности ему есть бы тремя руками. Отрывает по жилкам. Его вторая натура. Родился в рубашке и с ножом в зубах. Остроумно вышло. А может и нет. В рубашке значит счастливый. Тогда просто: родился с ножом. Соль пропадает.

Служитель в развязавшемся фартуке с грохотом собирал липкие тарелки. Рок, главный пристав, стоя у стойки, сдувал со своего пива пенистую корону. Отлично исполнил: она расплылась желтым у его сапога. Один из обедающих, поставив локти на стол, подняв вилку и нож, уставился поверх запятнанного листа газеты на подъемник с блюдами. Поджидает второе. А сосед ему что-то рассказывает с набитым ртом. Сочувственный слушатель. Застольная беседа. Чавчавстенько встречав-чавкаемся по чавк-вергам. А? Да неужто?

Мистер Блум в нерешительности приложил два пальца к губам. Взгляд его говорил:

– Не здесь. Не вижу его.

Прочь. Не выношу свиней за столом.

Он попятился к двери. Лучше перекусить у Дэви Берна. Сойдет чтобы заморить червячка. На какое-то время хватит. Завтрак был плотный.

– Мне бифштекс с картошкой.

– Пинту портера.

Тут каждый сам за себя, зубами и ногтями. Глотай. Кусай. Глотай. Рыла.

Он вышел на свежий воздух и повернул назад, в сторону Грэфтон-стрит. Жри или самого сожрут. Убивай! Убивай!

Представим себе когда-нибудь будет коммунальное питание. Все рысью несутся с котелками и с мисками чтоб им наполнили. Чего урвали пожирают прямо на улице. Джон Хауард Парнелл к примеру ректор Тринити все без разбора про ректоров ваших и ректора Тринити не будем друзья говорить^[558] дети и женщины извозчики священники католические протестантские фельдмаршалы архиепископы. С Эйлсбери-роуд, с Клайд-роуд, из ремесленных кварталов, из северной богадельни, лорд-мэр в роскошной карете, дряхлая королева в кресле на колесиках. У меня пустая тарелка. Я за вами, вот моя казенная чашка. Как у фонтана^[559] сэра Филипа Крэмптона. Микробов смахивайте платком. Следующий натрясет своим новую кучу. Отец О’Флинн их на смех всех поднял в тот же миг. Устраивают свары. Каждый лезет вперед. Детишки подрались кому выскребать котел. Суповой котел тут нужен величиной с Феникс-парк. И гарпуном из него добывать цельные четверти туш и бока солонины. Ненавидят всех кто вокруг. В гостинице Городской герб она это называла табльдот. Суп, жаркое, десерт. Никогда не знаешь чьи мысли пережевываешь. А кто будет мыть потом все тарелки и вилки? Может к тому времени все начнут питаться таблетками. Зубы все хуже будут и хуже.

По сути вегетарианцы во многом правы что из земли растет все то вкусней и полезней конечно от чеснока воняет итальянцами-шарманщиками, хрусткий лук грибы трюфли. И потом ведь животные страдают. Птицу надо ощипать выпотрошить. Бедная скотина на рынке дожидается пока ей раскроют череп. Му-у. Несчастные дрожащие телята. Ме-е. Валкие телки. Жаркое из телятины с овощами. В ведрах у мясников колышутся легкие. Подайте-ка вон ту грудину что на крюке. Плюх. Кровавая жуть. Освежеванные овцы с остекленеными глазами свисают подвешенные за окорока, овечьи морды обернуты окровавленной бумагой, кровавые сопли капаят с носов на опилки. Осердье и требуху выносят. Поосторожней с теми кусками молодой человек.

При чахотке прописывают свежую еще теплую кровь. Всегда нужна кровь. Подстерегающие. Лизать ее жаркодымящуюся густо-приторную. Алчущие призраки^[560].

Ох как проголодался.

Он вошел к Дэви Берну. Вполне пристойное заведение. Он не болтлив. Бывает и поднесет стаканчик. Но это если год високосный, не чаще чем раз в четыре. Однажды обменял мне чек на наличные.

Чего бы взять в такое время? Он вынул часы. Давай сообразим. Имбирного лимонаду с пивом?

– Привет, Блум, – сказал Флинн Длинный Нос^[561], сидевший в своем углу.

– Привет, Флинн.

– Как дела?

– Полный порядок... Надо сообразить. Возьму стаканчик бургонского и еще... надо сообразить.

Сардины на полках. Посмотришь и уже ощущение вкуса. Сандвич? Ветчинкер и сыновья с горчицей и с хлебом. Паштет. Как живется в доме без паштетов Сливи? Ну и дурацкая реклама! И дали прямо под некрологами. Вот уж точно тоскливо. Паштет из Дигнама. Для людоедов, с рисом и ломтиками лимона. Белых миссионеров не едят, слишком солонны. Как острого засола свинина. Я думаю вождю выделяются почетные части. Жестковаты наверно от усиленных упражнений. Все жены собрались вокруг смотрят что будет. *Как-то раз негритянский царек. Кушал патера в летний денек.* А с ними жизнь словно рай. Ну и намешали всего. Хрящик горло trebuха и гнилые потроха вместе навалено и мелко нарублено. Загадочная картинка: найдите мясо. Кошер. Молоко и мясо вместе нельзя. Теперь то же самое называется гигиена. Пост Йом Кипур^[562]: весенняя чистка внутренностей. Война и мир зависят от чьего-то пищеварения. Религии. Индейки и гуси на Рождество. Избиение младенцев. Ешь пей и веселись. А потом толпы в приемный покой за помощью. Головы перевязаны. Сыр все переваривает^[563] кроме себя самого. Был сух стал сыр.

– У вас есть сандвичи с сыром?

– Да, сэр.

И хорошо бы немного маслин, если есть у них. Лучше всего итальянские. Добрым стаканом бургонского все запить. Пойдет как по маслу. Том Кернан отлично готовит. Салат всегда на чистом оливковом масле. Свеженький как огурчик. Старается. Милли мне подала отбивную с веточкой петрушки. Добавить одну луковичу. Бог создал пищу, а дьявол поваров^[564]. Краб по-дьявольски.

– Жена здорова?

– Спасибо, вполне... Так значит сандвич с сыром. У вас есть горгонзола?

– Да, сэр.

Длинный Нос потягивал свой грог.

– Случается ей петь последнее время?

Поглядеть только на его губы. Мог бы сам себе насвистывать в ухо. И уши лопухами, под стать. Музыка. Он в ней понимает как свинья в апельсинах. Но при всем том, стоит ему расписать. Вреда не будет. Даровая реклама.

– В этом месяце у нее ангажемент на большое турне. Возможно, вы уже слышали.

– Нет, не слыхал. Ну, это шикарно. А кто это устраивает?

Принесли заказ.

– Сколько с меня?

– Семь пенсов, сэр... Благодарю, сэр.

Мистер Блум разрезал свой сандвич на тонкие ломтики. *Летний денек.* Так-то проще чем в их туманно-кефирном стиле. *Он кой-что проглотил и подьем ощутил.*

– Горчицы не угодно ли, сэр?

– Да, спасибо.

Он усеял каждый ломтик желтыми каплями. *Подъем ощутил.* Ага, готово. *И кой-чем он достал потолок.*

– Устраивает? – переспросил он. – Вы знаете, дело задумано на паях. Совместное участие в прибылях и издержках.

– А, припоминаю теперь, – сказал Длинный Нос, запустив себе руку в карман и почесывая в паху. – Кто же мне это говорил? И кажется, с этим связан Буян Бойлан?

Жар от горчицы теплым толчком заставил вздрогнуть сердце мистера Блума. Он поднял глаза и увидел, как на него желчно уставился циферблат. Два. В трактирах на пять минут вперед. Время идет. Часы тикают. Два. Пока еще нет.

В груди у него что-то тоскливо поднялось, потом упало, опять поднялось тоскливо, тоскующе.

Вина.

Он посмаковал благотворную влагу и, резко приказав горлу отправить ее, аккуратным движением поставил стакан.

– Да, – сказал он. – Действительно, это он организатор.

Риска нет: мозгов нет.

Длинный Нос сопел и почесывался. Блоха за хорошим плотным обедом.

– Джек Муни мне говорил, он цапнул хороший куш на боксерском матче^[565], когда Майлер Кео победил того солдата в Портобелльских казармах. Он малыша этого держал в графстве Карлоу, ей-богу, так он мне говорил...

Надеюсь, эта капля росы не упадет прямо ему в стакан. Нет, втянул обратно.

– Почти что месяц держал, смекаете, до самого матча. И чтоб одни сырые утиные яйца ел, ей-богу, пока не будет распоряжений. А выпивки чтоб ни капли, это подумать, а? Ну, Буян – дошлый мужик, ей-богу.

Из двери за стойкой появился Дэви Берн в рубашке с засученными рукавами, утирая губы салфеткой. Румяная серость. Улыбка радости играет^[566] на его – каком-то там – лице. Сверх меры елейно-масляный.

– Сыт, пьян и нос в табаке, – приветствовал его Флинн. – Вы нам не подскажете ставочку на Золотой кубок?

– Я этим не занимаюсь, мистер Флинн, – отвечал Дэви Берн. – Никогда не ставлю ни единого гроша.

– И правильно делаете, – сказал Флинн Длинный Нос.

Мистер Блум поглощал ломтики сандвича, свежий, тонкого помола хлеб, испытывая небесприятное отвращение от жгучей горчицы и зеленого сыра, пахнущего ногами. Вино освежало и смягчало во рту. Нет вяжущего привкуса. В такую погоду у него лучше букет, когда не холодно.

Приятное спокойное место. Красивая деревянная панель на стойке. Красивые линии. Нравится это закругление.

– И ни за что бы не стал этим заниматься, – продолжал Дэви Берн. – Эти самые лошадки уже столько пустили по миру.

У трактирщика своя ставка. Патент на торговлю в розлив пивом, вином и крепкими. Орел – я выигрываю, решка – ты проиграл.

– Как есть истина, – подтвердил Длинный Нос. – Если только ты не в стоворе. Честного спорта теперь не сыщешь. Иногда Ленехан подсказывает верные ставки. Сегодня советует на Корону. А фаворит – Мускат, лорда Хауарда де Уолдена, выиграл в Эпсоме. Жокей – Морни Кэннон. Две недели назад я мог получить семь к одному, если б поставил на Сент-Аманту.

– Да неужели? – сказал Дэви Берн.

Он отошел к окну и, взяв расчетную книжку, принялся ее листать.

– Вот те крест, мог, – говорил Длинный Нос, сопя. – Просто редкостная кобылка. От Сент-Фрускена, хозяин – Ротшильд. Выиграла в самую грозу, уши заткнули ей. Голубой камзол

и желтый картуз. Да тут черт принес Бена Долларда верзилу с его Джоном О'Гонтом. Он меня и отговорил. И пропало.

Сокрушенно он прихлебнул из стакана, побарабанил по нему пальцами.

– Пропало! – повторил с тяжким вздохом.

Не переставая жевать, мистер Блум созерцал его вздох. Вот уж где олух царя небесного. Сказать ему на какую лошадь Ленехан? Знает уже. Лучше бы позабыл. Пойдет, еще больше проиграет. У дурака деньги не держатся. Снова капля повисла. Как бы это он целовал женщину со своим насморком. Хотя может им это нравится. Нравится же когда колючая борода. У собак мокрые носы. В гостинице Городской герб у старой миссис Риордан был скай-терьер, у которого вечно бурчало в брюхе. Молли его ласкала у себя на коленях. Ах ты собачка, ты мой гавгавгавчик!

Вино пропитывало и размягчало склеившуюся массу из хлеба горчицы какой-то момент противного сыра. Отличное вино. Лучше его чувствуешь когда не хочется пить. Конечно это ванна так действует. Ладно слегка перекусили. Потом можно будет часов в шесть. Шесть. Шесть. Тогда уже будет все. Она.

Вино мягким огнем растекалось по жилам. Мне так не хватало этого. Совсем было сник. Глаза его неголодно оглядывали полки с жестянками: сардины, яркие клешни омаров. Каких только диковин не приспособили в пищу. Из раковин моллюсков шпилькой, с деревьев, улиток из земли французы едят, из моря на крючок с приманкой. Тупая рыба в тысячу лет ничему не научится. Если заранее не знаешь опасно отправлять в рот что попало. Ядовитые ягоды. Боярышник. Округлость всегда привлекательна. А яркая окраска отпугивает. Один предупредит другого и так далее. Сначала испробовать на собаке. Привлекает запахом или видом. Искусительный плод. Мороженое в стаканчиках. Сливки. Инстинкт. Те же апельсиновые плантации. Нужно искусственное орошение. Бляйбтройштрассе. А как же тогда устрицы. Мерзкий вид. Как густой плевок. Грязные раковины. Вдобавок чертовски трудно открыть. Кто их придумал есть? И кормятся разной дрянью, в сточных водах. Шампанское и устрицы с Ред бэнк. Имеет сексуальный эффект. Афроди. Он был сегодня утром в Ред бэнк. Может устрицы не станет жалкий омлет небось в постели атлет да нет в июне ни устриц ни буквы эр. Но есть и кто любят этакое. Дичь с душком. Заяц в горшке. За двумя зайцами погонишься. Китайцы едят яйца которым полсотню лет уже стали сине-зеленые. Обеды из тридцати блюд. Каждое по отдельности безвредно а может когда смешается. Идея для детектива с отравлением. Кто это был кажется эрцгерцог Леопольд. Нет не он нет он или это был Отто^[567] который из Габсбургов? Словом кто это был который имел привычку поедать перхоть с собственной головы? Самый дешевый завтрак в городе. Конечно аристократы а потом остальные подражают чтоб не отстать от моды. Милли тоже нефть и мука. Сырое тесто я сам люблю. Из пойманных устриц половину выкидывают обратно чтобы не сбить цену. Будет дешево, никто не купит. Икра. Разыгрывают из себя вельмож. Рейнвейн в зеленых бокалах. Роскошный кутеж. Леди такая-то. Шея напудрена, жемчуга. *Élite. Crème de la crème*⁹⁶. Требуют особенных блюд чтоб показать какие сами. Отшельник с горсткой бобов умерить искушения плоти. Хочешь меня узнать поешь со мной. Королевская осетрина. Как указано начальнику полиции, мяснику Коффи дано право торговать олениной из лесов его сият. Полтуши обязан отсылать ему. Я видел как готовили для банкета на кухне королевского архивариуса. Шеф-повар в белом колпаке как раввин. Утку поливали коньяком и поджигали. Савойская капуста *à la duchesse de Parme*⁹⁷. Хочешь знать что ты ел непременно надо меню где все было бы написано. Если валишь все в смесь то нельзя будет есть. По себе знаю. Навалил бульонных кубиков Эдвардса. Гусей для них раскармливают до одурения. Омаров варят живьем. Г'екомендую вам пог'обуйте этой куг'опатки. Я бы не

⁹⁶ Высший свет. Сливки общества (*фр.*).

⁹⁷ По способу герцогини Пармской (*фр.*).

отказался официантом в шикарном отеле. Чаевые, вечерние туалеты, полуобнаженные дамы. Вы не отведали бы кусочек этого угря, мисс Дюбеда? О, я бы да. Ясно она бы да. Надо полагать гугенотская фамилия. Помнится, какая-то мисс Дюбеда жила в Киллини. Дю де ля это во французском. Но рыбка-то та же самая может из улова старого Мики Хэнлона с Мур-стрит что лезет из кожи наживая деньгу сам ловит сам потрошит а распписаться на чеке для него такой труд такую состроит мину будто шедевр живописи должен создать. Мэаикраткоекэлэ А Ха. Туп как чурбан, и пятьдесят тысяч капиталу.

Бились об оконное стекло две мухи, жужжали, бились.

Жар вина на его небе еще удерживался проглоченного. Давят на винокурне бургундский виноград. Это в нем солнечный жар. Как коснулось украдкой мне говорит вспоминается. Прикосновением разбуженные его чувства увлажненные вспоминали. Укрывшись под папоротниками на мысе Хоут под нами спящий залив: небо. Ни звука. Небо. У Львиной Головы цвет моря темно-лиловый. Зеленый у Драмлека. Желто-зеленый к Саттону. Подводные заросли, в траве слегка виднеются темные линии, затонувшие города. Ее волосы лежали как на подушке на моем пальто, я подложил руку ей под затылок жучки в вереске щекотали руку ах ты все на мне изомнешь. Какое чудо! Ее душистая нежно-прохладная рука касалась меня, ласкала, глаза на меня смотрели не отрываясь. В восторге я склонился над ней, ее полные губы раскрылись, я целовал их. Ум-м. Мягким движением она подсунула ко мне в рот печенье с тмином, которое она жевала. Теплая противная масса, которую пережевывал ее рот, кисло-сладкая от ее слюны. Радость: я глотал ее: радость. Юная жизнь, выпятив губки, она прильнула ими к моим. Губы нежные теплые клейкие как душистый лук. Глаза ее были как цветы, глаза, полные желания, возьми меня. Невдалеке посыпались камешки. Она не пошевелилась. Коза. Больше никого. Высоко в рододендронах Бен Хоута разгуливала как дома коза, роняя свои орешки. Скрытая папоротниками, она смеялась в горячих объятиях. Лежа на ней, я целовал ее неистово и безумно: ее глаза, губы, ее открытую шею где билась жилка, полные женские груди под тонкой шерстяной блузкой, твердые соски глядящие вверх. Целуя, я касался ее своим горячим языком. Она целовала меня. Я получал поцелуи. Уже вся поддаваясь она ерошила мои волосы. Осыпаемая моими поцелуями, целовала меня.

Меня. И вот я теперь.

Бились, жужжали мухи.

Опустив глаза вниз, он проследил взглядом безмолвные линии прожилок на дубовой панели. Красота: линии закругляются: округлость это и есть красота. Совершенные формы богинь, Венера, Юнона: округлости, которыми восхищается весь мир. Можно посмотреть на них, библиотечный музей, стоят в круглом холле, обнаженные богини. Способствует пищеварению. Им все равно кто смотрит. На всеобщее обозрение. Никогда не заговорят. По крайней мере с таким как Флинн. А допустим она вдруг как Галатя с Пигмалионом что она первое сказала бы? О смертный! Знай свое место. Вкушать нектар с богами за трапезой золотые блюда амброзия. Не то что наши грошовые завтраки, вареная баранина, морковка и свекла, да бутылка пива. Нектар представь себе что пьешь электричество: пища богов. Прелестные женские формы изваяния Юноны. Бессмертная красота. А мы заталкиваем себе еду в дырку, входная спереди, выходная сзади: еда, кишечные соки, кровь, кал, земля, еда: без этого мы не можем как без топлива паровоз. А у них нет. Не приходило в голову посмотреть. Посмотрю сегодня. Хранитель не заметит. Что-нибудь выроню и нагнусь. Погляжу есть ли у нее.

Из его мочевого пузыря просочился неслышный сигнал пойти сделать не делать там сделать. Как мужчина в готовности, он осушил свой стакан до дна и вышел, они отдаются и смертным, влекутся к мужскому, ложатся с любовниками-мужчинами, юноша наслаждался с нею, во двор.

Когда затих звук его шагов, Дэви Берн от своей книги спросил:

– А что он такое? Он не в страховом бизнесе?

– Это дело он давно бросил, – отозвался Флинн Длинный Нос. – Сейчас он рекламный агент во «Фримене».

– На вид-то я его хорошо знаю, – сказал Дэви Берн. – У него что, несчастье?

– Несчастье? – удивился Флинн Длинный Нос. – В первый раз слышу. А почему?

– Я заметил, он в трауре.

– Разве? – спросил Флинн Длинный Нос – А ведь верно, ей-ей. Я у него спросил, как дела дома. Убей Бог, ваша правда. В трауре.

– Я никогда не завожу разговор об этом, – сказал человеколюбиво Дэви Берн, – если вижу, что у джентльмена такое несчастье. Им это только лишний раз напоминает.

– Точно, что это не жена, – сказал Флинн Длинный Нос. – Я его встретил позавчера на Генри-стрит, он как раз выходил из молочной «Ирландская ферма», где торгует жена Джона Уайза Нолана, и нес в руках банку сливок для своей драгоценной половины. Она отлично упитана, я вам доложу. Пышногрудая птичка.

– А он, значит, трудится во «Фримене»? – сказал Дэви Берн.

Флинн Длинный Нос значительно поджал губы.

– С рекламок, что он добывает, на сливки не заработаешь. Можете всем ручаться.

– Это как же так? – спросил Дэви Берн, оставив свою книжку и подходя ближе.

Флинн Длинный Нос проделал пальцами в воздухе несколько быстрых пассивов фокусника.

И подмигнул глазом.

– Он принадлежит к ложе, – промолвил он.

– Это вы что, серьезно? – спросил Дэви Берн.

– Серьезней некуда, – сказал Длинный Нос. – К древнему, свободному и признанному братству^[568]. Свет, жизнь и любовь, во как. И они его всячески поддерживают. Мне это сказал один, э-э, не важно кто.

– Но это факт?

– У, да это отличное братство, – сказал Длинный Нос. – Они вас никогда не оставят в беде. Я знаю одного парня, который к ним пытался попасть, но только к ним попробуй-ка попади. Скажем, женщин они вообще не допускают, и правильно делают, ей-богу.

Дэви Берн единым разом улыбнулсязевнулкивнул:

– Иииааааааахх!

– Как-то одна женщина, – продолжал Длинный Нос, – спряталась в часы подсмотреть, чем они занимаются. Но, будь я проклят, они как-то ее учуяли и тут же на месте заставили дать присягу Мастеру ложи. Она была из рода Сент-Леже Донерайль^[569].

Дэви Берн, еще со слезами на глазах после сладкого зевка, сказал недоверчиво:

– Но все-таки факт ли это? Он такой скромный, приличный. Я его часто тут вижу, и ни одного разу не было, чтобы он – ну знаете, что-то себе позволил.

– Сам Всемогущий его не заставит напиться, – энергично подтвердил Длинный Нос. – Как чует, уже по-крупному загудели, тут же смывается. Не заметили, как он посмотрел на часы? Хотя да, вас не было. Его позовешь выпить, так он первое, что сделает, – это вытащит свои часы и по времени решит, чего ему надо принять внутрь. Всегда так делает, вот те крест.

– Бывают некоторые такие, – сказал Дэви Берн. – Но он человек надежный, вот что я вам скажу.

– Мужик неплохой, – опять согласился Длинный Нос, шмыгнув носом. – Про него знают, что он и кошельком поможет при случае. Каждому надо по заслугам. Без спору, есть у Блума хорошее. Но вот одну штуку он ни за что не сделает.

Его рука изобразила как бы росчерк пера подле стакана с грогом.

– Я знаю, – сказал Дэви Берн.

– Черным по белому – ни за что^[570], – сказал Длинный Нос.

Вошли Падди Леонард и Бэнтам Лайонс. Следом появился Том Рочфорд, поглаживая по бордовому жилету ладонью.

– Почтение, мистер Берн.

– Почтение, джентльмены.

Они остановились у стойки.

– Кто ставит? – спросил Падди Леонард.

– Как кто, не знаю, а я на мели, – ответил Флинн Длинный Нос.

– Ладно, чего берем? – спросил Падди Леонард.

– Я возьму имбирный напиток, – сказал Бэнтам Лайонс.

– Чего-чего? – воскликнул Падди Леонард. – Это с каких же пор, мать честная? А ты, Том?

– Как там канализация работает? – спросил Флинн Длинный Нос прихлебывая.

Вместо ответа Том Рочфорд прижал руку к груди и громко икнул.

– Вас не затруднит дать стаканчик воды, мистер Берн? – попросил он.

– Сию минуту, сэр.

Падди Леонард оглядел своих собутыльников.

– Ну и дела пошли, – сказал он. – Вы только полюбуитесь, чему я выпивку ставлю. Вода и имбирная шипучка. И это парни, которые слизали б виски с волдыря на ноге. Вот у этого за пазухой какая-то чертова лошадка на Золотой кубок. Удар без промаха.

– Мускат, что ли? – спросил Флинн Длинный Нос.

Том Рочфорд высыпал в свой стакан какой-то порошок из бумажки.

– Проклятый желудок, – сказал он перед тем, как выпить.

– Сода хорошо помогает, – посоветовал Дэви Берн.

Том Рочфорд кивнул и выпил.

– Так что, Мускат?

– Я молчу! – подмигнул Бэнтам Лайонс. – Сам на это дело пускаю кровные пять шиллингов.

– Да скажи нам, если ты человек, и черт с тобой, – сказал Падди Леонард. – Сам-то ты от кого узнал?

Мистер Блум, направляясь к выходу, поднял приветственно три пальца.

– До скорого! – сказал Флинн Длинный Нос.

Остальные обернулись.

– Вот это он самый, от кого я узнал, – прошептал Бэнтам Лайонс.

– Тьфу, – произнес с презрением Падди Леонард. – Мистер Берн, сэр, так, значит, вы дайте нам два маленьких виски «Джеймсон» и...

– И имбирный напиток, – любезно закончил Дэви Берн.

– Вот-вот, – сказал Падди Леонард. – Бутылочку с соской для младенца.

Мистер Блум шагал в сторону Доусон-стрит, тщательно прочищая языком зубы. Верно что-то зеленое: вроде шпината. С помощью рентгеновских лучей можно бы.

На Дьюк-лейн прожорливый терьер вырыгнул на булыжники тошнотворную жвачку из косточек и хрящей и с новым жаром набросился на нее. Неумеренность в пище. С благодарностью возвращаем, полностью переварив содержимое. Сначала десерт потом оно же закуска. Мистер Блум предусмотрительно обошел. Жвачные животные. Это ему на второе. Они двигают верхней челюстью. Интересно сумеет ли Том Рочфорд что-нибудь провернуть с этим своим изобретением. Зря трудится втолковывая этому Флинну ему бы только в глотку залить. У тощего мужика глотка велика. Должны устроить специальный зал или другое место где изобретатели могли б на свободе изобретать. Правда конечно туда бы все чокнутые сбежались.

Он стал напевать, удлиняя торжественным эхом последние ноты каждого такта:

Don Giovanni, a cenar teco
M'invitasti⁹⁸.

Получше стало. Бургонское. Славно подняло самочувствие. Кто первый начал вино гнать? Какой-нибудь сердяга впавший в тоску. Пьяная удаль. Сейчас надо в национальную библиотеку за этой «Килкенни пипл».

Сияющие чистотой унитаза, ждущие своего часа, в витрине Вильяма Миллера: оборудование для ванн и уборных, – вернули прежний ход его мыслям. Да, это могли бы: и проследить весь путь, иногда проглоченная иголка выходит где-нибудь из ребер через несколько лет, путешествует по всему телу изменяется желчные протоки селезенка брызжет печень желудочный сок кольца кишок как резиновые трубки. Вот только горемычному старикашке пришлось бы все это время стоять, выставив нутро напоказ. Ради науки.

– А cenar teco.

Что бы это значило teco. Наверно сегодня вечером.

О Дон Жуан, меня ты пригласил
Прийти на ужин сегодня вечером
Та-рам тара-там.

Нескладно выходит.

Ключи: если уговорю Наннетти на два месяца. Это будет примерно два фунта десять или два фунта восемь. Три мне должен Хайнс. Два одиннадцать. Реклама для Прескотта: два пятнадцать. Итого около пяти гиней. Вроде везет.

Пожалуй можно будет купить для Молли какую-нибудь из тех шелковых комбинаций, под цвет к новым подвязкам.

Сегодня. Сегодня. Не думать.

Потом турне по югу. Чем плохо бы – по английским морским курортам? Брайтон, Маргейт. Гавань при свете луны. Ее голос плывет над водой. Те приморские красотки. Напротив пивной Джона Лонга сонно привалился к стене бродяга, в тяжком раздумье кусая коростовые костяшки пальцев. Мастер на все руки ищет работу. За скромное вознаграждение. Неприхотлив в еде.

Мистер Блум повернул за угол у витрины кондитерской Кэтрин Грэй с нераскупленными тортами и миновал книжный магазин преподобного Томаса Коннеллана. *«Почему я порвал с католической церковью»*¹⁵⁷¹¹. *«Птичье гнездышко»*. Женщины там заправляют всем. Говорят во время неурожая на картошку они подкармливали супом детей бедняков, чтобы переходили в протестанты. А подальше там общество куда папа ходил, по обращению в христианство бедных евреев. Одна и та же приманка. Почему мы порвали с католической церковью.

Слепой юноша стоял у края тротуара, постукивая по нему тонкой палкой. Трамвая не видно. Хочет перейти улицу.

– Вы хотите перейти? – спросил мистер Блум.

Слепой не ответил. Его неподвижное лицо слабо дрогнуло. Он неуверенно повернул голову.

– Вы на Доусон-стрит, – сказал мистер Блум. – Перед вами Моулсворт-стрит. Вы хотите перейти? Сейчас путь свободен.

Палка, подрагивая, подалась влево. Мистер Блум поглядел туда и снова увидел фургон красильни, стоящий у Парижской парикмахерской Дрейго. Где я и увидел его напوماженную шевелюру как раз когда я. Понурая лошадь. Возчик – у Джона Лонга. Промочить горло.

⁹⁸ О Дон Жуан, поужинать с тобою меня ты пригласил (*ит.* Моцарт. Дон Жуан, акт II, сц. 5).

– Там фургон, – сказал мистер Блум, – но он стоит на месте. Я вас провожу через улицу. Вам нужно на Моулсворт-стрит?

– Да, – ответил юноша. – На Южную Фредерик-стрит.

– Пойдемте, – сказал мистер Блум.

Он осторожно коснулся острого локтя – затем взял мягкую ясновидящую руку, повел вперед.

Сказать ему что-нибудь. Только не разыгрывать сочувствие. Они не верят словам. Что-нибудь самое обыкновенное.

– Дождь прошел стороной.

Никакого ответа.

Пиджак его в пятнах. Наверно не умеет как следует есть. Все вкусы он чувствует по-другому. Кормить приходилось сначала с ложечки. Ручка как у ребенка. Как раньше у Милли. Чуткая. Я думаю он может представить мои размеры по моей руке. А интересно имя у него есть. Фургон. Палка чтоб не задела лошади за ноги скотинка притомилась пусть дремлет. Так. Все как надо. Быка обходи сзади – лошадь спереди.

– Спасибо, сэр.

Знает что я мужчина. По голосу.

– Все в порядке? Теперь первый поворот налево.

Слепой нащупал палкой край тротуара и продолжил путь, занося палку и постукивая ею перед собой.

Мистер Блум следовал позади, за незрячими стопами и мешковатым твидовым костюмом в елочку. Бедный мальчик! Но каким же чудом он знал что там этот фургон? Стало быть как-то чувствовал. Может у них какое-то зрение во лбу: как бы некоторое чувство объема. Веса. А интересно почувствует он если что-нибудь убрать. Чувство пустоты. Какое у него должно быть странное представление о Дублине из этого постукивания по камням. А смог бы он идти по прямой, если без палки? Смирненное и бескровное лицо как у того кто готовится стать священником.

Пенроуз! Вот как фамилия того парня.

Смотри сколько разных вещей они могут делать. Читать пальцами. Настраивать рояли. А мы удивляемся что у них есть какой-то разум. Любой калека или горбун нам сразу кажется умным едва он что-то скажет что мы бы сами могли. Конечно другие чувства обостряются. Могут вышивать. Плести корзины. Люди должны им помогать. Положим я бы подарил Молли корзинку для рукоделья ко дню рождения. А она терпеть не может шитья. Еще рассердится. Темные, так их называют.

И обоняние у них наверное сильней. Запахи со всех сторон, слитые вместе. У каждой улицы свой запах. У каждого человека тоже. Затем весна, лето: запахи. А вкусы? Говорят вкус вина не почувствуешь с закрытыми глазами или когда простужен. И если куришь в темноте говорят нет того удовольствия.

А скажем с женщинами. Меньше стыда если не видишь. Вон проходит девчонка, задравши нос, мимо Института Стюарта. Глядите-ка на меня. Вот она я, при всех доспехах. Должно быть это странно если не видишь ее. В воображении у него есть какое-то понятие о форме. Голос, разность температур когда он касается ее пальцами должен почти уже видеть очертания, округлости. К примеру, он проводит рукой по ее волосам. Допустим, у нее черные. Отлично. Назовем это черным. Потом он гладит ее белую кожу. Наверно другое ощущение. Ощущение белого.

Почта. Надо ответить. Чистая волынка сегодня. Послать ей перевод на два шиллинга или на полкроны. Прими от меня маленький подарок. Вот и писчебумажный магазин рядом. Погоди. Сначала подумаю.

Легкими и очень медленными касаниями его пальцы осторожно пощупали волосы, зачесанные назад над ушами. Еще раз. Как тонкие-претонкие соломинки. Затем, столь же легко касаясь, он пощупал кожу у себя на правой щеке. Тут тоже пушистые волоски. Не совсем гладкая. Самая гладкая на животе. Вокруг никого. Только тот поворачивает на Фредерик-стрит. Не иначе, настраивать рояль в танцевальных классах Левенстона. Может быть, это я поправляю подтяжки.

Проходя мимо трактира Дорена, он быстро просунул руку между брюками и жилетом и, оттопырив слегка рубашку, пощупал вялые складки на своем животе. Но я же знаю что он беловатый желтый. Надо посмотреть что будет если в темноте.

Он вытащил руку и оправил свою одежду.

Бедняга! Еще совсем мальчик. Это ужасно. Действительно ужасно. Какие у него могут быть сны, у незрячего? Для него жизнь сон. Где же справедливость если ты родился таким? Все эти женщины и дети что сгорели и потонули в Нью-Йорке^[572] во время морской прогулки. Гекатомба. Это называется карма такое переселение за твои грехи в прошлой жизни перевоплощение метим псу хвост. Боже мой, Боже, Боже. Жаль конечно – но что-то такое есть почему с ними нельзя по-настоящему сблизиться.

Сэр Фредерик Фолкинер^[573] входит в здание масонской ложи. Важный как Трой^[574]. Успел плотно позавтракать у себя на Эрлсфорт-террас. Со старыми приятелями-судейскими изрядно заложили за воротник. Истории о судах и выездных сессиях, рассказы про синемундирную школу^[575]. И отвесил я ему десять годиков. Я думаю он бы только скривился от того вина что я пил. Для них из фирменных погребов, бутылки пыльные, на каждой выставлен год. У него есть свои понятия о том что такое справедливость в суде. Старикан с добрыми побуждениями. Полицейские сводки битком набиты делами, это они натягивают себе проценты, фабрикуют преступления из любых пустяков. А он им все такие дела заворачивает обратно. Гроза для ростовщиков. Рувима Дж. уж совсем смешал с грязью. А что, тому только по заслугам если его назовут грязным жидом. Большая власть у судей. Старые сварливые пьяницы в париках. Смотрит зверем. И да помилует Господь твою душу.

Гляди, афиша. Благотворительный базар Майрас. Его сиятельство генерал-губернатор. Шестнадцатого. Значит, сегодня. В пользу больницы Мерсера. Первое исполнение «Мессии»^[576] было в пользу этой больницы. Да. Гендель. А может сходить туда: Боллсбридж. Заглянуть к Ключчи. Да нет, не стоит уж так приставать к нему. Только отношения портить. Наверняка при входе кто-нибудь попадетса знакомый.

Мистер Блум вышел на Килдер-стрит. Сюда первым делом. В библиотеку.

Соломенная шляпа блеснула на солнце. Рыжие штилеты. Брюки с манжетами. Так и есть. Так и есть.

Его сердце дрогнуло мягко. Направо. Музей. Богини. Он повернул направо.

А точно? Почти уверен. Не буду смотреть. У меня лицо красное от вина. Что это я? Чересчур помчался. Да, так и есть. Шагом. И не смотреть. Не смотреть. Идти.

Приближаясь к воротам музея размашистым и нетвердым шагом, он поднял глаза. Красивое здание. По проекту сэра Томаса Дина. Он не идет за мной?

Может быть не заметил меня. Солнце ему в глаза.

Его дыхание стало коротким и прерывистым. Быстрей. Прохладные статуи: там спокойствие. Еще минута и я спасен.

Нет, он меня не заметил. После двух. У самых ворот.

Как бьется сердце!

Его зрачки пульсируя неотрывно смотрели на кремовые завитки камня. Сэр Томас Дин^[577] был греческая архитектура.

Ищу что-то я.

Торопливую руку сунул быстро в карман, вынул оттуда, прочел, не разворачивая, Агендат Нетаим. Куда же я?

Беспокойно ища.

Быстро сунул обратно Агендат.

Она сказала после полудня.

Я ищу это. Да, это. Смотри во всех карманах. Носовой. «Фримен». Куда же я? Ах да. В брюках. Картофелина. Кошелек. Куда?

Спеши. Иди спокойно. Еще момент. Как бьется сердце.

Рука его искавшая тот куда же я сунул нашла в брючном кармане кусок мыла лосьон забрать теплая обертка прилипшее. Ага мыло тут я да. Ворота.

Спасен!

9. Сцилла и Харибда

[578]

Деликатно их успокаивая, квакер-библиотекарь вполголоса ворковал:

– И ведь у нас есть, не правда ли, эти бесценные страницы «Вильгельма Мейстера»^[579]. Великий поэт – про своего великого собрата по ремеслу. Колеблющаяся душа, что в смертной схватке с целым морем бед, терзаемая сомнениями и противоречиями, как это бывает в реальной жизни.

Он выступил на шаг вперед в контрдансе^[580] скрипнув воловьей кожей и на шаг назад в контрдансе по торжественному паркету он отступил.

Безмолвный помощник, приотворив осторожно дверь, сделал ему безмолвный знак.

– Сию минуту, – сказал он, уходяще скрипнув, хоть уйти медля. – Прекрасный и неприспособленный мечтатель в болезненном столкновении с жестокой реальностью. Постоянно убеждаешься, насколько истинны суждения Гете. Истинны при более глубоком анализе.

Двускрипно в куранте унес он анализ прочь. Плешивый, с высшим вниманьем, у двери словам помощника подставил большое ухо: слова выслушал: удалился.

Остались двое.

– Мсье де ла Палисс^[581], – язвительно усмехнулся Стивен, – был еще жив за четверть часа до смерти.

– А вы уже отыскивали шестерку доблестных медиков, – спросил желчным старцем Джон Эглинтон, – которые бы переписали «Потерянный рай» под вашу диктовку? Он его называет «Горести Сатаны»^[582].

Усмехайся. Усмехайся усмешкой Крэнли.

Сперва ее облапил
Потом ее огладил
А после взял и вдруг
Катетер ей приладил.
Ведь он был просто доктор
Веселый парень док...^[583]

– Я думаю, для «Гамлета» вам понадобится на одного больше. Число семь драгоценно для мистиков. Сияющая седмица^[584], как выражается В.Б.

Блескоглазый с рыжепорослым черепом подле зеленой настольной лампы вглядывался туда где в тени еще темнозеленой брадообрамленное лицо, оллав, святоокий^[585]. Рассмеялся тихо: смех казеннокоштного питомца Тринити: безответный.

Многоголосый Сатана, рыдая,
Потоки слез лия, как ангелы их льют.
Ed egli avea del cul fatto trombetta⁹⁹.^[586]

Мои безумства у него в заложниках.

Крэнли нужно одиннадцать молодцев из Уиклоу, чтобы освободить землю предков. Щербатую Кэтлин^[587] с четырьмя изумрудными лугами: чужак у нее в доме. И одного бы еще, кто бы его приветствовал: аве, равви: дюжина из Тайнахили^[588]. Он курлычет в тени долины^[589], сзывая их. Юность моей души я отдавал ему, ночь за ночью. Бог в помощь. Доброй охоты.

⁹⁹ А тот трубу изобразил из зада (*ит.* Данте. Ад, XXI, 139).

Моя телеграмма у Маллигана.

Безумство. Поупорствуем в нем.

– Нашим молодым ирландским бардам, – суровым цензором продолжал Джон Эглинтон, – еще предстоит создать такой образ, который мир поставил бы рядом с Гамлетом англосакса Шекспира, хоть я, как прежде старина Бен^[590], восхищаюсь им, не доходя до идолопоклонства.

– Все это чисто академические вопросы, – провещал Рассел из своего темного угла, – о том, кто такой Гамлет – сам Шекспир или Яков Первый или же Эссекс^[591]. Споры церковников об историчности Иисуса. Искусство призвано раскрывать нам идеи, духовные сущности^[592], лишённые формы. Краеугольный вопрос о произведении искусства – какова глубина жизни, породившей его. Живопись Гюстава Моро^[593] – это живопись идей. Речи Гамлета, глубочайшие стихи Шелли дают нашему сознанию приобщиться вечной премудрости, платоновскому миру идей. А все прочее – праздномыслие учеников для учеников.

А. Э. рассказывал в одном интервью, которое он дал какому-то янки. Н-ну, тыща чертей, вы молодчага, проф!

– Ученые были сначала учениками, – сказал Стивен с высшею вежливостью. – Аристотель был в свое время учеником Платона.

– Смею надеяться, он и остался им, – процедил лениво Джон Эглинтон. – Так и видишь его примерным учеником с похвальной грамотой под мышкой.

Он снова рассмеялся, обращаясь к брадообрамленному ответно улыбнувшемуся лицу.

Лишённые формы духовное. Отец, Слово и Святое Дыхание. Всеотец, небесный человек, Иэсос Кростос, чародей прекрасного. Логос, что в каждый миг страдает за нас. Это поистине есть то. Я огонь над алтарем. Я жертвенный жир.

Данлоп, Джадж, что римлянин был самый благородный, А. Э., Арвал, Несказанное Имя, в высоте небес, К. Х., их учитель, личность которого не является тайной для посвященных. Братья великой белой ложи неусыпно следят, не требуется ли их помощь. Христос с сестрою-невестой, влага света, рожденная от девы с обновленной душой, София кающаяся, удалившаяся в план будд^[594]. Эзотерическая жизнь не для обыкновенного человека. О. Ч. сначала должен избавиться от своей дурной кармы. Однажды миссис Купер Оукли на мгновение улицезрела астральное нашей выдающейся сестры Е. П. Б.

Фу, как нехорошо! Pfuiteufel!¹⁰⁰ Право, негоже, сударыня, совсем негоже глазеть, когда у дамы выглядывает астральное.

Вошел мистер Супер – молодой, высокий, легкий и деликатный. Рука его с изяществом держала блокнот – большой, красивый, чистый и аккуратный.

– Вот этот примерный ученик, – сказал Стивен, – наверняка считает, что размышления Гамлета о будущей жизни его сиятельной души – весь этот ненатуральный, ненужный, недраматичный монолог – такие же плоские, как и у Платона.

Джон Эглинтон сказал, нахмурившись, дыша ярим гневом:

– Я клянусь, что кровь моя закипает в жилах, когда я слышу, как сравнивают Аристотеля с Платоном.

– А кто из них, – спросил Стивен, – изгнал бы меня^[595] из своего Государства?

Кинжалы дефиниций – из ножен! Лошадность – это чтойность вселощади. Они поклоняются зонам и волнам влечений. Бог – шум на улице: весьма в духе перипатетиков. Пространство – то, что у тебя хочешь не хочешь перед глазами. Через пространства^[596], меньшие красных шариков человеческой крови, пролезали они следом за ягодицами Блейка в вечность, коей растительный мир сей – лишь тень. Держись за здесь и теперь, сквозь которые^[597] будущее погружается в прошлое.

¹⁰⁰ Чертовски стыдно! (нем.)

Мистер Супер, полный дружеского расположения, подошел к своему коллеге.

– А Хейнс ушел, – сообщил он.

– Вот как?

– Я ему показывал эту книгу Жюбенвиля^[598]. Он, понимаете, в полном восторге от «Любовных песен Коннахта» Хайда. Мне не удалось привести его сюда послушать дискуссию. Он тут же побежал к Гиллу покупать их.

Спеши скорей, мой скромный труд,
К надменной публике на суд.
Как горький рок, тебя постиг
Английский немощный язык.^[599]

– Дым наших торфяников ему одурманил голову, – предположил Джон Эглинтон.

Мы, англичане, сознаем. Кающийся вор. Ушел. А я курил его табачок. Мерцающий зеленый камень. Смарагд, заключенный в оправу морей^[600].

– Люди не знают, как могут быть опасны любовные песни, – оккультически предостерегла Расселова яйцевидная аура. – Движения, вызывающие мировые перевороты, рождаются из грез и видений в душе какого-нибудь крестьянина на склоне холма. Для них земля не почва для обработки, а живая мать. Разреженный воздух академии и арены рождает грошовый роман, кафешантанную песенку^[601]. Франция рождает в лице Малларме изысканнейший цветок развращенности, но возжеленная жизнь – такая, какой живут феаки^[602] Гомера, открывается только нищим духом.

При этих словах мистер Супер обратил к Стивену свой миролюбивый взор.

– Понимаете, – сказал он, – у Малларме есть чудные стихотворения в прозе, Стивен Маккенна^[603] мне их читал в Париже. Одно из них – о «Гамлете»^[604]. Он говорит: «Il se promène, lisant au livre de lui-même»¹⁰¹, понимаете, *читая книгу о самом себе*. Он описывает, как дают «Гамлета» во французском городке, понимаете, в провинции. Там выпустили такую афишу.

Его свободная рука изящно чертила в воздухе маленькие значки.

HAMLET

ou

LE DISTRAIT

Pièce de Shakespeare^{102[605]}

Он повторил новонасупленному челу Джона Эглинтон:

– Pièce de Shakespeare, понимаете. Это так похоже на французов, совершенно в их духе.

Hamlet ou...

– Беззаботный нищий^[606], – закончил Стивен.

¹⁰¹ «Он прохаживается, читая в книге о самом себе» (фр.).

¹⁰² Гамлет, или Рассеянный. Пьеса Шекспира (фр.).

Джон Эглинтон рассмеялся.

– Да, это подойдет, пожалуй, – согласился он. – Превосходные люди, нет сомнения, но в некоторых вещах ужасающе близоруки.

Торжественно-тупое нагромождение убийств.

– Роберт Грин^[607] назвал его палачом души, – молвил Стивен. – Недаром он был сын мясника^[608], который помахивал своим топором да поплеывал в ладонь. Девять жизней^[609] заплачено за одну – за жизнь его отца. Отче наш иже еси во чистилище. Гамлеты в хаки стреляют без колебаний^[610]. Кровавая бойня пятого акта – предвидение концлагеря, воспетого Суинберном^[611].

Крэнли, я его бессловесный ординарец, следящий за битвами издалека.

Врагов заклятых матери и дети,
Которых, кроме нас, никто б не пощадил...

Улыбка сакса или ржанье янки. Сцилла и Харибда.

– Он будет доказывать, что «Гамлет» – это история о призраках, – заметил Джон Эглинтон к сведению мистера Супера. – Он, как жирный парень в «Пиквикском клубе», хочет, чтоб наша плоть застыла от ужаса^[612].

О, слушай, слушай, слушай!^[613]

Моя плоть внимает ему: застыв, внимает.

Если только ты...

– А что такое призрак? – спросил Стивен с энергией и волнением. – Некто, ставший неощутимым вследствие смерти или отсутствия или смены нравов. Елизаветинский Лондон столь же далек от Стратфорда, как развращенный Париж от целомудренного Дублина. Кто же тот призрак, из limbo patrum^{103[614]} возвращающийся в мир, где его забыли? Кто король Гамлет?

Джон Эглинтон задвигался щуплым туловищем, откинулся назад, оценивая.

Ключуло.

– Середина июня, это же время дня, – начал Стивен, быстрым взглядом прося внимания. – На крыше театра у реки поднят флаг. Невдалеке, в Парижском саду, ревет в своей яме медведь Саккерсон. Старые моряки, что плавали еще с Дрэйком, жуют колбаски среди публики на стоячих местах^[615].

Местный колорит. Вали все что знаешь. Вызови эффект присутствия.

– Шекспир вышел из дома гугенотов на Силвер-стрит. Вот он проходит по берегу мимо лебединых садков. Но он не задерживается, чтобы покормить лебедку, подгоняющую к тростникам свой выводок. У лебеда Эйвона^[616] иные думы.

Воображение места^[617]. Святой Игнатий Лойола, спешит на помощь!^[618]

– Представление начинается. В полумраке возникает актер, одетый в старую кольчугу с плеча придворного щеголя, мужчина крепкого сложения, с низким голосом. Это – призрак, это король, король и не король^[619], а актер – это Шекспир, который все годы своей жизни, не отданные суете сует, изучал «Гамлета», чтобы сыграть роль призрака. Он обращается со словами роли к Бербеджу^[620], молодому актеру, который стоит перед ним по ту сторону смертной завесы, и называет его по имени:

¹⁰³ Лимб праотцев (лат.).

Гамлет, я дух родного твоего отца,

и требует себя выслушать. Он обращается к сыну, сыну души своей, юному принцу Гамлету, и к своему сыну по плоти, Гамнету Шекспиру, который умер в Стратфорде, чтобы взявший имя его мог бы жить вечно.

– И неужели возможно, чтобы актер Шекспир, призрак в силу отсутствия, а в одеянии похороненного монарха Дании^[621] призрак и в силу смерти, говоря свои собственные слова носителю имени собственного сына (будь жив Гамнет Шекспир, он был бы близнецом принца Гамлета), – неужели это возможно, я спрашиваю, неужели вероятно, чтобы он не сделал или не предвидел бы логических выводов из этих посылок: ты обездоленный сын – я убитый отец – твоя мать преступная королева, Энн Шекспир, урожденная Хэтуэй?

– Но это копанье в частной жизни великого человека, – нетерпеливо вмешался Рассел.

Ага, старик, и ты?^[622]

– Интересно лишь для приходского писаря. У нас есть пьесы. И когда перед нами поэзия «Короля Лира» – что нам до того, как жил поэт? Обыденная жизнь – ее наши слуги могли бы прожить за нас, как заметил Вилье де Лиль^[623]. Вынюхивать закулисные сплетни: поэт пил, поэт был в долгах. У нас есть «Король Лир» – и он бессмертен.

Лицо мистера Супера – адресат слов – выразило согласие.

Стреми над ними струи вод, тебе подвластных,
Мананаан, Мананаан, Мак-Лир...^[624]

А как, любезный, насчет того фунта, что он одолжил тебе, когда ты голодал?

О, еще бы, я так нуждался.

Прими сей золотой.

Брось заливать! Ты его почти весь оставил в постели Джорджины Джонсон, дочки священника. Жагала сраму.

А ты намерен его отдать?

О, без сомнения.

Когда же? Сейчас?

Ну... нет пока.

Так когда же?

Я никому не должен. Я никому не должен.

Спокойствие. Он с того берега Бойна^[626]. С северо-востока. Долг за тобой.

Нет, погоди. Пять месяцев. Молекулы все меняются. Я уже другой я. Не тот, что занимал фунт.

Неужто? Ах-ах-ах!^[627]

Но я, энтелехия^[628], форма форм, сохраняю я благодаря памяти, ибо формы меняются непрерывно.

Я, тот, что грешил и молился и постился.

Ребенок, которого Конми спас от порки.

Я, я и я. Я.

А. Э. Я ваш должник.

– Вы собираетесь бросить вызов трехсотлетней традиции? – язвительно спросил Джон Эглинтон. – Вот уж ее призрак никогда никого не тревожил. Она скончалась – для литературы, во всяком случае, – прежде своего рождения.

– Она скончалась, – парировал Стивен, – через шестьдесят семь лет после своего рождения. Она видела его входящим в жизнь и покидающим ее. Она была его первой возлюбленной.

Она родила ему детей. И она закрыла ему глаза, положив медяки на веки, когда он покоился на смертном одре.

Мать на смертном одре. Свеча. Занавешенное зеркало. Та, что дала мне жизнь, лежит здесь, с медяками на веках, убранный дешевыми цветами. *Liliata rutilantium*.

Я плакал один.

Джон Эглинтон глядел на свернувшегося светлячка в своей лампе.

– Принято считать, что Шекспир совершил ошибку, – произнес он, – но потом поскорее ее исправил, насколько мог.

– Вздор! – резко заявил Стивен. – Гений не совершает ошибок. Его блуждания намеренны, они – врата открытия.

Врата открытия распахнулись, чтобы впустить квакера-библиотекаря, скрипоногого, плешивого, ушастого, деловитого.

– Строптивцу, – возразил строптиво Джон Эглинтон, – с большим трудом представляешь вратами открытия. Какое, интересно, открытие Сократ сделал благодаря Ксантиппе?

– Диалектику, – отвечал Стивен, – а благодаря своей матери – искусство рожденья мыслей^[630]. А чему научился он у своей другой жены, Мирто (*absit nomen!*^[104]) у Эпипсихидиона Сократидидиона^[631], того не узнает уж ни один мужчина, тем паче женщина. Однако ни мудрость повитухи, ни сварливые поучения не спасли его от архонтов^[632] из Шинн Фейн и от их стопочки цикуты.

– Но все-таки Энн Хэтуэй? – прозвучал негромкий примирительный голос мистера Супера. – Кажется, мы забываем о ней, как прежде сам Шекспир.

С задумчивой бороды на язвительный череп переходил его взгляд, дабы напомнить, дабы укорить без недоброты, переместившись затем к тывке лысорозовой лолларда, подозреваемого безвинно.^[633]

– У него было на добрую деньгу ума, – сказал Стивен, – и память далеко не дырявая. Он нес свои воспоминания при себе, когда поспешал в град столичный, насвистывая «Оставил я свою подружку»^[634]. Не будь даже время указано землетрясением, мы бы должны были знать, где это все было, – бедный зайчонок, дрожащий в своей норке под лай собак, и уздечка пестрая, и два голубых окна^[635]. Эти воспоминания, «Венера и Адонис», лежали в будуаре у каждой лондонской прелестницы. Разве и вправду строптивая Катарина неказиста? Гортензио называет ее юною и прекрасной^[636]. Или вы думаете, что автор «Антония и Клеопатры», страстный пилигрим^[637], вдруг настолько ослеп, что выбрал разделять свое ложе самую мерзкую мегеру во всем Уорикшире? Признаем: он оставил ее, чтобы покорить мир мужчин. Но его героини, которых играли юноши, – это героини юношей. Их жизнь, их мысли, их речи – плоды мужского воображения. Он неудачно выбрал? Как мне кажется, это его выбрали. Бывал наш Вилл и с другими мил, но только Энн взяла его в плен. Божусь, вина на ней^[638]. Она опутала его на славу, эта резвушка двадцати шести лет^[639]. Сероглазая богиня^[640], что склоняется над юношей Адонисом, нисходит, чтобы покорить^[641], словно пролог счастливый к возвышенью^[642], это и есть бесстыжая бабенка из Стратфорда, что валит в пшеницу своего любовника, который моложе ее.

А мой черед? Когда?

Приди!

– В рожь, – уточнил мистер Супер светло и радостно, поднимая новый блокнот свой радостно и светло.

И с белокурым удовольствием для всеобщего сведения напомнил негромко:

Во ржи густой слила уста
Прелестных поселян чета.^[643]

¹⁰⁴ Имя опустим! (*лат.*)

Парис: угодник, которому угодили на славу.

Рослая фигура в лохматой домотканине поднялась из тени и извлекла свои кооперативные часы.

– К сожалению, мне пора в «Хомстед».

Куда ж это он? Почва для обработки.

– Как, вы уходите? – спросили подвижные брови Джона Эглинтонна. – А вечером мы увидимся у Мура? Там появится Пайпер^[644].

– Пайпер? – переспросил мистер Супер. – Пайпер уже вернулся?

Питер Пайпер с перепоею пересыпал персики каперсами.

– Не уверен, что я смогу. Четверг. У нас собрание^[645]. Если только получится уйти вовремя.

Йогобогомуть в мебелирашках Доусона. «Разоблаченная Изидида». Их священную книгу напали мы как-то пытались заложить. С понтом под зонтом, на поджатых ногах, восседает царственный ацтекский Логос, орудующий на разных астральных уровнях, их сверхдуша, махамахатма. Братия верных, герметисты, созревшие для посвящения в ученики, водят хороводы вокруг него, ожидают, дабы пролился свет. Луис Х. Виктори, Т. Колфилд Ирвин. Девы Лотоса ловят их взгляды с обожаньем, шишковидные железы их так и пылают. Он же царствует, преисполненный своего бога. Будда под банановой сенью. Душ поглотитель и кружитель. Души мужчин, души женщин, душно от душ. С жалобным воплем кружимые, уносимые вихрем, они стенают, кружась.

В глухую квинтэссенциальную ничтожность,
В темницу плоти ввергнута душа.

– Говорят, что нас ожидает литературный сюрприз, – тоном дружеским и серьезным промолвил квакер-библиотекарь. – Разнесся слух, будто бы мистер Рассел подготовил сборник стихов^[646] наших молодых поэтов. Мы ждем с большим интересом.

С большим интересом он глянул в сноп ламповых лучей, где три лица высветились блестя.

Смотри и запоминай.

Стивен глянул вниз на безглавую шляпенцию, болтающуюся на ручке тросточки у его колен. Мой шлем и меч. Слегка дотронуться указательными пальцами. Опыт Аристотеля^[647]. Одна или две? Необходимость есть то, в силу чего вещам становится невозможно быть другому. Значится, одна шляпа она и есть одна шляпа.

Внимай.

Юный Колем и Старки^[648]. Джордж Робертс взял на себя коммерческие хлопоты. Лонгворт как следует раструбит об этом в «Экспрессе». О, в самом деле? Мне понравился «Погонщик» Колема. Да, у него, пожалуй, имеется эта диковина, гениальность. Так вы считаете, в нем есть искра гениальности? Йейтс восхищался его двустилием: «Так в черной глубине земли Порой блеснет античный мрамор». В самом деле? Я надеюсь, вы все же появитесь сегодня. Мэйлахи Маллиган тоже придет. Мур попросил его привести Хейнса. Вы уже слышали остроту мисс Митчелл насчет Мура и Мартина? О том, что Мур – это грехи молодости Мартина? Отлично найдено, не правда ли? Они вдвоем напоминают Дон Кихота и Санчо Пансу. Как любит повторять доктор Сигерсон, наш национальный эпос еще не создан. Мур – тот человек, который способен на это. Наш дублинский рыцарь печального образа. В шафранной юбке? О'Нил Рассел? Ну как же, он должен говорить на великом древнем наречии. А его Дульсиней? Джеймс Стивенс пишет весьма неглупые очерки. Пожалуй, мы приобретаем известный вес.

Корделия. Cordoglio¹⁰⁵. Самая одинокая из дочерей Лира^[649].

Глухомань. А теперь покажи свой парижский лоск.

– Покорнейше благодарю, мистер Рассел, – сказал Стивен, вставая. – Если вы будете столь любезны передать то письмо мистеру Норману^[650]...

– О, разумеется. Он его поместит, если сочтет важным. Знаете, у нас столько корреспонденции.

– Я понимаю, – отвечал Стивен. – Благодарю вас.

Дай тебе Бог. Свиная газетка. Отменно быколюбива.

– Синг тоже обещал мне статью для «Даны». Но будут ли нас читать? Сдается мне, что будут. Гэльская лига^[651] хочет что-нибудь на ирландском. Надеюсь, что вы придете вечером. И прихватите Старки.

Стивен снова уселся.

Отделясь от прощающихся, подошел квакер-библиотекарь. Краснея, его личина произнесла:

– Мистер Дедал, ваши суждения поразительно проясняют все.

С прискрипом переступая туда-сюда, сближался он на цыпочках с небом на высоту каблука^[652] и, уходящими заглушаем, спросил тихонько:

– Значит, по вашему мнению, она была неверна поэту?

Встревоженное лицо предо мной. Почему он подошел? Из вежливости или по внутреннему озарению^[653]?

– Где было примирение, – молвил Стивен, – там прежде должен был быть разрыв.

– Это верно.

Лис Христов^[654] в грубых кожаных штанах, беглец, от облавы скрывавшийся в трухлявых дуплах. Не имеет подруги, в одиночку уходит от погони. Женщин, нежный пол, склонял он на свою сторону, блудниц вавилонских, судейских барынь, жен грубиянов-кабатчиков. Игра в гусей и лисицу. А в Нью-Плейс – обрюзглое опозоренное существо, некогда столь миловидное, столь нежное, свежее как юное деревце, а ныне листья его опали все до единого, и страшится мрака могилы, и нет прощения.

– Это верно. Значит, вы полагаете...

Закрылась дверь за ушедшим.

Покой воцарился вдруг в укромной сводчатой келье, покой и тепло, располагающие к задумчивости.

Светильник весталки.

Тут он раздумывает о несбывшемся: о том, как бы жил Цезарь, если бы поверил прорицателю, – о том, что бы могло быть – о возможностях возможного как такового – о неведомых вещах – о том, какое имя носил Ахилл^[655], когда он жил среди женщин.

Вокруг меня мысли, заключенные в гробах, в саркофагах, набальзамированные словесными благовониями. Бог Тот, покровитель библиотек, увенчанный луной птицебог. И услышал я глас египетского первосвященника. *Книг груды глиняных в чертогах расписных.*

Они недвижны. А некогда кипели в умах людей. Недвижны: но все еще пожирает их смертный зуд: хныча, нашептывать мне на ухо свои басни, навязывать мне свою волю.

– Бесспорно, – философствовал Джон Эглинтон, – из всех великих людей он самый загадочный. Мы ничего не знаем о нем, знаем лишь, что он жил и страдал. Верней, даже этого не знаем. Другие нам ответят на вопрос^[656]. А все остальное покрыто мраком.

– Но ведь «Гамлет» – там столько личного, разве вы не находите? – выступил мистер Супер. – Я хочу сказать, это же почти как дневник, понимаете, дневник его личной жизни. Я хочу сказать, меня вовсе не волнует, кто там, понимаете, преступник или кого убили...

¹⁰⁵ Скорбь (*ит.*).

Он положил девственно чистый блокнот на край стола, улыбкою заключив свой выпад. Его личный дневник в подлиннике. *Ta an bad ar an tigr. Taim imo shagart*¹⁰⁶. А ты это посыпь английской солью, малютка Джон¹⁶⁵⁷¹.

И глаголет малютка Джон Эглинтон:

– После того, что нам рассказывал Мэйлахи Маллиган, я мог ожидать парадоксов. Но должен предупредить: если вы хотите разрушить мое убеждение, что Шекспир – это Гамлет, перед вами тяжелая задача.

Прошу немного терпения.

Стивен выдержал тяжелый взгляд скептика, ядовито посверкивающий из-под насупленных бровей. *E quando vede l'uomo l'attosca*¹⁰⁷. Мессир Брунетто¹⁶⁵⁸¹, благодарю тебя за подходящее слово.

– Подобно тому, как мы – или то мать Дана¹⁶⁵⁹¹? – сказал Стивен, – без конца ткем и распускаем телесную нашу ткань, молекулы которой день и ночь спуют взад-вперед, – так и художник без конца ткет и распускает ткань собственного образа. И подобно тому, как родинка у меня на груди по сей день там же, справа, где и была при рождении, хотя все тело уж много раз пересоткано из новой ткани, – так в призраке неупокоившегося отца вновь оживает образ почившего сына. В минуты высшего воодушевления, когда, по словам Шелли, наш дух словно пламенеющий уголь¹⁶⁶⁰¹, сливаются воедино тот, кем я был, и тот, кто я есмь, и тот, кем, возможно, мне предстоит быть. Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас, но только глазами того, кем я буду тогда.

Сие покушение на высокий стиль – не без помощи Драммонда из Хоторндена¹⁶⁶¹¹.

– Да-да, – раздался юный голос мистера Супера. – Мне Гамлет кажется совсем юным. Возможно, что горечь в нем – от отца, но уж сцены с Офелией – несомненно, от сына.

Пальцем в небо. Он в моем отце. Я в его сыне.

– Вот родинка, которая исчезнет последней, – отозвался Стивен со смехом.

Джон Эглинтон сделал пренедевольную мину.

– Будь это знаком гения, – сказал он, – гении шли бы по дешевке в базарный день. Поздние пьесы Шекспира, которыми так восхищался Ренан¹⁶⁶²¹, проникнуты иным духом.

– Духом примирения, – шепнул проникновенно квакер-библиотекарь.

– Не может быть примирения, – сказал Стивен, – если прежде него не было разрыва.

Уже говорил.

– Если вы хотите узнать, тени каких событий легли на жуткие времена «Короля Лира», «Отелло», «Гамлета», «Троила и Крессиды», – попробуйте разглядеть, когда же и как тени эти рассеиваются. Чем сердце смягчит человек, Истерзанный в бурях мира, Бывалый, как сам Одиссей, Перикл, что был князем Тира¹⁶⁶³¹?

Глава под красношапкой остроконечной, заушанная, слезоточивая.

– Младенец, девочка, у него на руках, Марина.

– Тяга софистов к окольным тропам апокрифов – величина постоянная, – сделал открытие Джон Эглинтон. – Столбовые дороги скучны, однако они-то и ведут в город.

Старина Бэкон: уж весь заплесневел. Шекспир – грехи молодости Бэкона¹⁶⁶⁴¹. Жонглеры цифрами и шифрами¹⁶⁶⁵¹ шагают по столбовым дорогам. Пытливые умы в великом поиске. Какой же город, почтенные мудрецы? Обряжены в имена: А. Э. – эон; Маги – Джон Эглинтон. Восточнее солнца, западнее луны¹⁶⁶⁶¹: *Tigr na n-og*¹⁰⁸. Парочка, оба в сапогах, с посохами.

Сколько миль до Дублина?

¹⁰⁶ Корабль причалил к берегу. Я жрец (*фразы из начальных пособий по ирл. языку*).

¹⁰⁷ И когда взглянет на человека, отравляет его (*ит.*).

¹⁰⁸ Страна юности (*ирл.*).

Трижды пять и пять.
Долго ли при свечке нам до него скакать?^[667]

– По мнению господина Брандеса, – заметил Стивен, – это первая из пьес заключительного периода.

– В самом деле? А что говорит мистер Сидней Ли, он же Симон Лазарь, как некоторые уверяют?

– Марина, – продолжал Стивен, – дитя бури. Миранда – чудо, Пердита^[668] – потерянная. Что было потеряно, вернулось к нему: дитя его дочери. Перикл говорит: «Моя милая жена была похожа на эту девочку». Спрашивается, как человек полюбит дочь, если он не любил ее мать?

– Искусство быть дедушкой^[669], – забормотал мистер Супер. – *L'art d'être grand*^[670]...

– Для человека, у которого имеется эта диковина, гениальность, лишь его собственный образ служит мерилем всякого опыта, духовного и практического. Сходство такого рода тронет его. Но образы других мужей, ему родственных по крови, его оттолкнут. Он в них увидит только нелепые потуги природы предвосхитить или скопировать его самого^[671].

Благосклонное чело квакера-библиотекаря осветилось розовой надеждой.

– Я надеюсь, мистер Дедал разовьет и дальше свою теорию на благо просвещения публики. И мы непременно должны упомянуть еще одного комментатора-ирландца – Джорджа Бернарда Шоу. Нельзя здесь не вспомнить и Фрэнка Харриса: у него блестящие статьи о Шекспире в «Сатердей ривью». Любопытно, что и он также настаивает на этом неудачном романе со смуглой леди сонетов^[672]. Счастливый соперник – Вильям Херберт, граф Пембрук. Но я убежден, что, если даже поэт и оказался отвергнутым, это более гармонизировало – как бы тут выразиться? – с нашими представлениями о том, чего не должно быть.

Довольный, он смолк, вытянув кротко к ним плешивую голову – гагачье яйцо, приз для победителя в споре.

Супружеская речь звучала бы у него суровым библейским слогом. Любишь ли мужа сего, Мириам? Данного тебе от Господа твоего?

– И это не исключено, – отозвался Стивен. – У Гете^[673] есть одно изречение, которое мистер Маги любит цитировать. Остерегайся того, к чему ты стремишься в юности, ибо ты получишь это сполна в зрелые лета. Почему он посылает к известной *buonapoba*¹⁰⁹, к той бухте, где все мужи бросали якорь^[674], к фрейлине со скандальной славой еще в девичестве, какого-то мелкого лордишку, чтобы тот поухаживал вместо него? Ведь он уже сам был лордом в словесности^[675], и успел стать отменным кавалером, и написал «Ромео и Джульетту». Так почему же тогда? Вера в себя была подорвана прежде времени. Он начал с того, что был повержен на пшеничном поле (виноват, на ржаном), – и после этого он уже никогда не сможет чувствовать себя победителем и не узнает победы в бойкой игре, в которой веселье и смех – путь к постели. Напускное донжуанство его не спасет. Его отделали так, что не переделать. Кабаний клык его поразил^[676] туда, где кровью истекает любовь^[677]. Пусть даже строптивая и укрощена, ей всегда еще остается невидимое оружие женщины. Я чувствую за его словами, как плоть словно стрекалом толкает его к новой страсти, еще темней первой, затемняющей даже его понятия о самом себе. Похожая судьба и ожидает его – и оба безумия совыются в единый вихрь.

Они внимают. И я в ушные полости им лью.

– Его душа еще прежде была смертельно поражена, яд влит в ушную полость заснувшего. Но те, кого убили во сне, не могут знать, каким же способом они умерщвлены, если только Творец не наделит этим знанием их души в будущей жизни. Ни об отравлении, ни о звере с двумя спинами, что был причиной его, не мог бы знать призрак короля Гамлета, не будь он наделен этим знанием от Творца своего. Вот почему его речь (его английский немощный язык)

¹⁰⁹ Здесь: модная красotka (*шт.*).

все время уходит куда-то в сторону, куда-то назад. Насильник и жертва, то, чего он хотел бы, но не хотел бы^[678], следуют неотлучно за ним, от полушарий Лукреции^[679] цвета слоновой кости с синими жилками к обнаженной груди Имогены^[680], где родинка как пять пурпурных точек. Он возвращается обратно, уставший от всех творений, которые он нагромоздил, чтобы спрятаться от себя самого, старый пес, зализывающий старую рану. Но его утраты – для него прибыль, личность его не оскудевает, и он движется к вечности, не почерпнув ничего из той мудрости, которую сам создал, и тех законов, которые сам открыл. Его забрало поднято^[681]. Он призрак, он тень сейчас, ветер в утесах Эльсинора, или что угодно, зов моря, слышный лишь в сердце того, кто сущность его тени, сын, единосущный отцу.

– Аминь! – раздался ответный возглас от дверей.

Нашел ты меня, враг мой!^[682]

Антракт.

Охальная физиономия с постной миной соборного настоятеля: Бык Маллиган в пестром шутовском наряде продвигался вперед, навстречу приветственным улыбкам. Моя телеграмма.

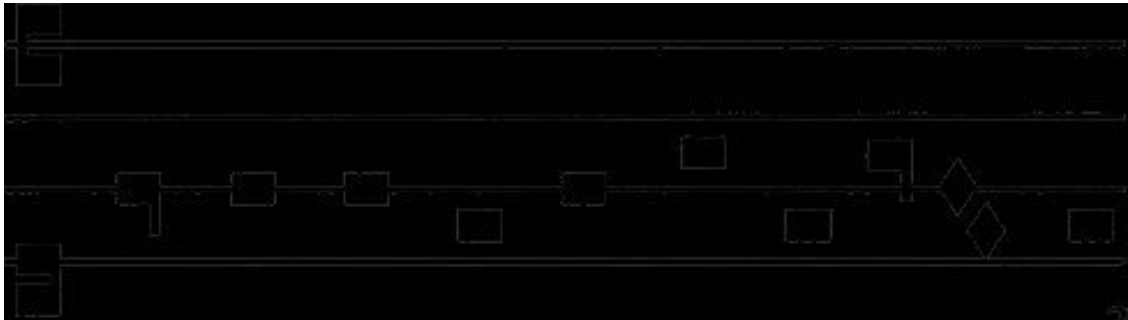
– Если не ошибаюсь, ты тут разглагольствуешь о газообразном позвоночном? – осведомился он у Стивена.

Лимонножилетный, он бодро слал всем приветствия, размахивая панамой словно шутовским жезлом.

Они оказывают ему теплый прием. Was Du verlachst, wirst Du noch dienen¹¹⁰.

Орава зубоскалов: Фотий, псевдомалахия, Иоганн Мост.^[683]

Тот, Кто зачал Сам Себя^[684] при посредничестве Святого Духа и Сам послал Себя Искупителем между Собой и другими, Кто взят был врагами Своими на поругание, и обнаженным бичеван, и пригвожден аки нетопырь к амбарной двери и умер от голода на кресте, Кто дал предать Его погребению, и восстал из гроба, и отомкнул ад, и вознесся на небеса, где и восседает вот уже девятнадцать веков одесную Самого Себя но еще воротится в последний день судити живых и мертвых когда все живые будут уже мертвы.

Glo-o – ri – a in ex-cel-sis De – o¹¹¹

Он воздевает руки. Завесы падают. О, цветы! Колокола, колокола, сплошной гул колоколов.

– Да, именно так, – отвечал квакер-библиотекарь. – Очень ценная и поучительная беседа. Я уверен, что у мистера Маллигана тоже имеется своя теория по поводу пьесы и по поводу Шекспира. Надо учитывать все стороны жизни.

Он улыбнулся, обращая свою улыбку поровну во все стороны.

Бык Маллиган с интересом задумался.

¹¹⁰ Над чем ты смеешься, тому и послужишь (*нем.*).

¹¹¹ Слава в вышних Богу (*лат.*).

– Шекспир? – переспросил он. – Мне кажется, я где-то слышал это имя.

Быстрая улыбка солнечным лучиком скользнула по его рыхлым чертам.

– Ну да! – радостно произнес он, припомнив. – Это ж тот малый, что валяет под Синга.^[685]

Мистер Супер обернулся к нему.

– Вас искал Хейнс, – сказал он. – Вы не видали его? Он собирался потом с вами встретиться в ДХК. А сейчас он направился к Гиллу покупать «Любовные песни Коннахта» Хайда.

– Я шел через музей, – ответил Бык Маллиган. – А он тут был?

– Соотечественникам великого барда, – заметил Джон Эглинтон, – наверняка уже надоели наши замечательные теории. Как я слышал, некая актриса в Дублине вчера играла Гамлета в четыреста восьмой раз. Вайнинг утверждал, будто бы принц был женщиной. Интересно, еще никто не догадался сделать из него ирландца? Мне помнится, судья Бартон^[686] занимается разысканиями на эту тему. Он – я имею в виду его высочество, а не его светлость – клянется святым Патриком.

– Но замечательнее всего – этот рассказ Уайльда, – сказал мистер Супер, поднимая свой замечательный блокнот. – «Портрет В. Х.»^[687], где он доказывает, что сонеты были написаны неким Вилли Хьюзом, мужем, в чьей власти все цвета.

– Вы хотите сказать, посвящены Вилли Хьюзу? – переспросил квакер-библиотекарь.

Или Хилли Вьюзу? Или самому себе, Вильяму Художнику. В. Х.: угадай, кто я?

– Да-да, конечно, посвящены, – признал мистер Супер, охотно внося поправку в свою ученую глоссу. – Понимаете, тут, конечно, сплошные парадоксы, Хьюз и hews, то есть он режет, и hues, цвета, но это для него настолько типично, как он это все увязывает. Тут, понимаете, самая суть Уайльда^[688]. Воздушная легкость.

Его улыбчивый взгляд с воздушною легкостью скользнул по их лицам. Белокурый эфеб. Выхолощенная суть Уайльда.

До чего же ты остроумен. Пропустив пару стопочек на дукаты магистра Дизи.

Сколько же я истратил? Пустяк, несколько шиллингов.

На ватагу газетчиков. Юмор трезвый и пьяный^[689].

Остроумие. Ты отдал бы все пять видов ума, не исключая его, за горделивый юности наряд^[690], в котором он, красуясь, выступает. Приметы утоленного желанья.^[691]

Их будет еще мно. Возьми ее для меня. В брачную пору. Юпитер, пошли им прохладу^[692] в пору случки. Ага, распускай хвост перед ней.

Ева. Нагой пшеничнолонный грех. Змей обвивает ее своими кольцами, целует, его поцелуй – укус.

– Вы думаете, это всего только парадокс? – вопрошал квакер-библиотекарь. – Бывает, что насмешника не принимают всерьез, как раз когда он вполне серьезен.

Они с полной серьезностью обсуждали серьезность насмешника.

Бык Маллиган с застывшим выражением лица вдруг тяжело уставился на Стивена. Потом, мотая головой, подошел вплотную, вытащил из кармана сложенную телеграмму. Проворные губы принялись читать, вновь озаряясь восторженною улыбкой.

– Телеграмма! – воскликнул он. – Дивное вдохновение! Телеграмма! Папская булла!

Он уселся на краешек одного из столов без лампы и громко, весело прочитал:

– *Сентиментальным нужно назвать^[693] того, кто способен наслаждаться, не обременяя себя долгом ответственности за содеянное.* Подпись: Дедал. Откуда ж ты это отбил? Из бардака? Да нет. Колледж Грин. Четыре золотых уже пропил? Тетушка грозитя поговорить с твоим убогосущным отцом. Телеграмма! Мэйлахи Маллигану, «Корабль», Нижняя Эббистрит. О, бесподобный комедиант! В попы подавшийся клинкианец!

Он бодро сунул телеграмму вместе с конвертом в карман и зачастил вдруг простонародным говорком:

– Вот я те и толкую^[694], мил человек, сидим это мы там, я да Хейнс, преем да нюним, а тут те вдобавок эту несут. И этакая нас разбирает тоска по адскому пойлу, что, вот те крест, тут и монаха бы проняло, самого даже хилого на эти дела. А мы как бараны торчим у Коннери – час торчим, потом два часа, потом три, да все ждем, когда ж нам достанется хотя бы по пинте на душу.

Он причитал:

– И вот торчим мы там, мой сердешный, а ты в ус не дуешь да еще рассылаешь такие эякуляции, что у нас языки отвисли наружу на целый локоть, как у святых отцов с пересохшей глоткой, кому без рюмашки хуже кондрашки.

Стивен расхохотался.

Бык Маллиган быстро наклонился к нему с предостерегающим жестом.

– Этот бродяга Синг тебя всюду ищет, чтобы убить, – сообщил он. – Ему рассказали, что это ты обоссал его дверь в Гластуле. И вот он рыскает везде в поршнях, хочет тебя убить.

– Меня! – возопил Стивен. – Это был твой вклад в литературу.

Бык Маллиган откинулся назад, донельзя довольный, и смех его вознесся к темному, чутко внимавшему потолку.

– Ей-ей, прикончит! – заливался он.

Грубое лицо^[695], напоминающее старинных чудищ, на меня ополчалось, когда сиживали за месивом из требухи на улице Сент-Андре-дезар. Слова из слов ради слов, palabras¹¹² Ойсин с Патриком. Как он повстречал фавна в Клармарском лесу, размахивающего бутылкой вина. C'est vendredi saint!¹¹³ Мордует ирландский язык. Блуждая, повстречал он образ свой. А я – свой. Сейчас в лесу шута я встретил^[696].

– Мистер Листер, – позвал помощник, приоткрыв дверь.

– ...где всякий может отыскать то, что ему по вкусу. Так судья Мэдден^[697] в своих «Записках магистра Вильяма Сайленса» отыскал у него охотничью терминологию... Да-да, в чем дело?

– Там пришел один джентльмен, сэр, – сказал помощник, подходя ближе и протягивая визитную карточку. – Он из «Фримена» и хотел бы просмотреть подшивку «Килкенни пипл» за прошлый год.

– Пожалуйста-пжалуйста-пжалуйста. А что, этот джентльмен?..

Он взял деловитую карточку, глянул, не рассмотрел, отложил, не взглянув, посмотрел снова, спросил, скрипнул, спросил:

– А он..? А, вон там!

Стремительно в гальярде^[698] он двинулся прочь, наружу. В коридоре, при свете дня, заговорил он велеречиво, исполнен усердия и доброжелательства, с сознанием долга, услужливейший, добрейший, честнейший из всех сущих квакеров.

– Вот этот джентльмен? «Фрименс джорнэл»? «Килкенни пипл»? Всенепременно. Добрый день, сэр. «Килкенни...». Ну конечно, имеется...

Терпеливый силуэт слушал и ждал.

– Все ведущие провинциальные... «Нозерн виг», «Корк икземинаер», «Эннискорти гардиан». За тысяча девятьсот третий. Желаете посмотреть? Ивенс, проводите джентльмена... Пожалуйте за этим служи... Или позвольте, я сам... Сюда... Пожалуйте, сэр...

Услужливый и велеречивый, возглавлял шествие он ко всем провинциальным газетам, и темный пригнувшийся силуэт поспешал за его скорым шагом.

Дверь затворилась.

– Это тот пархатый! – воскликнул Бык Маллиган.

¹¹² Слова (*исп.*).

¹¹³ Нынче Страстная пятница! (*фр.*)

Резво вскочив, он подобрал карточку.

– Как там его? Ицка Мойше^[699]? Блум.

И тут же затараторил:

– Иегова, сборщик крайней плоти, больше не существует. Я этого встретил в музее, когда зашел туда поклониться пенорожденной Афродите. Греческие уста, что никогда не изогнулись в молитве. Мы каждый день должны ей воздавать честь. «О, жизни жизнь, твои уста воспламеняют»^[700].

Неожиданно он обернулся к Стивену.

– Он знает тебя. И знает твоего старикана. Ого, я опасаюсь, что он погречистей самих греков^[701]. Глаза его, бледного галилеянина, были так и прикованы к ее нижней ложбинке. Венера Каллипига. О, гром сих чресл! «Фавн преследует дев, те же укрыться спешат».

– Мы бы хотели послушать дальше, – решил Джон Эглинтон с одобрения мистера Супера. – Нас заинтересовала миссис Ш. Раньше мы о ней думали (если когда-нибудь приходилось) как об этакой верной Гризельде^[702], о Пенелопе у очага.

– Антисфен, ученик Горгия, – начал Стивен, – отнял пальму первенства в красоте у племенной матки Кюриоса Менелая, аргивянки Елены, у этой троянской кобылы, в которой квартировал целый полк героев, – и передал ее скромной Пенелопе. Он прожил в Лондоне двадцать лет, и были времена, когда он получал жалованья не меньше, чем лорд-канцлер Ирландии. Жил он богато. Его искусство, которое Уитмен назвал искусством феодализма^[703], скорее уж было искусством пресыщения. Паштеты, зеленые кубки с хересом, соусы на меду, варенье из розовых лепестков, марципаны, голуби, начиненные крыжовником, засахаренные коренья. Когда явились арестовать сэра Уолтера Рэли^[704], на нем был наряд в полмиллиона франков и, в том числе, корсет по последней моде. Ростовщица Элиза Тюдор^[705] роскошью своего белья могла бы поспорить с царицей Савской. Двадцать лет он порхал между супружеским ложем с его чистыми радостями и блудодейною любовью с ее порочными наслаждениями. Вы знаете эту историю Маннингема^[706] про то, как одна мещаночка, увидев Дика Бербеда в «Ричарде Третьем», позвала его погреться к себе в постель, а Шекспир подслушал и, не делая много шума из ничего, прямоком взял корову за рога. Тут Бербеда является, устраивает стук у врат^[707], а Шекспир и отвечает ему из-под одеял мужа-рогоносца: *Вильгельм Завоеватель царствует прежде Ричарда Третьего*. И милая резвушка миссис Фиттон оседлай и воскликни: О!^[708] и его нежная птичка, леди Пенелопа Рич^[709], и холеная светская дама годится актеру, и девки с набережной, пенни за раз.

Кур-ля-Рен. Encore vingt sous. Nous ferons de petites cochonneries. Minette? Tu veux?¹¹⁴

– Сливки высшего света. И мамаша сэра Вильяма Дэвенанта^[710] из Оксфорда, у которой для каждого самца чарка винца.

Бык Маллиган, подняв глаза к небу, молитвенно возгласил:

– О, блаженная Маргарита Мария Ксамшускок^[711]!

– И дочь Генриха-шестиженца^[712] и прочие подруги из ближних поместий^[713], коих воспел благородный поэт Лаун-Теннисон. Но как вы думаете, что делала все эти двадцать лет бедная Пенелопа в Стратфорде за ромбиками оконных переплетов?

Действуй, действуй^[714]. Содеянное. Вот он, седеющий шатен, прогуливается в розарии ботаника Джерарда^[715] на Феттер-лейн. Колокольчик, что голубей ее жилок^[716]. Фиалка нежнее ресниц Юноны^[717]. Прогуливается. Всего одна жизнь нам дана. Одно тело. Действуй. Но только действуй. Невдалеке – грязь, пахучий дух похоти, руки лапают белизну.

Бык Маллиган с силою хлопнул по столу Джона Эглинтонна.

– Так вы на кого думаете? – спросил он с нажимом.

¹¹⁴ Добавь двадцать су. Устроим небольшой развратик. Хочешь, киска? (*фр.*).

– Допустим, он – брошенный любовник в сонетах. Брошенный один раз, потом другой. Однако придворная вертихвостка его бросила ради лорда, ради его бесценная моя любовь^[718].

Любовь, которая назвать себя не смеет.

– Вы хотите сказать, – вставил Джон бурбон Эглинтон, – что он, как истый англичанин, питал слабость к лордам^[719].

У старых стен мелькают молнией юркие ящерицы. В Шарантоне я наблюдал за ними.

– Похоже, что так, – отвечал Стивен, – коль скоро он готов оказать и ему и всем другим и любому невспаханному одинокому лону^[720] ту святую услугу, какую конюх оказывает жеребцу. Быть может, он, совсем как Сократ, имел не только строптивую жену, но и мать-повитуху. Но та-то строптивая вертихвостка не нарушала супружеского обета. Две мысли терзают призрака: нарушенный обет и тупоголовый мужлан, ставший ее избранником, брат покойного супруга. У милой Энн, я уверен, была горячая кровь. Соблазнившая один раз соблазнит и в другой.

Стивен резко повернулся на стуле.

– Бремя доказательства не на мне, на вас, – произнес он, нахмутив брови. – Если вы отрицаете, что в пятой сцене «Гамлета» он заклеил ее бесчестьем, – тогда объясните мне, почему о ней нет ни единого упоминания за все тридцать четыре года, с того дня, когда она вышла за него, и до того, когда она его схоронила. Всем этим женщинам довелось проводить в могилу своих мужчин: Мэри – своего благоверного Джона^[721], Энн – бедного дорогого Вилли, когда тот вернулся к ней умирать, в ярости, что ему первому, Джоан – четырех братьев, Джу-дит – мужа и всех сыновей, Сьюзен – тоже мужа, а дочка Сьюзен, Элизабет, если выразиться словами бабушки, вышла за второго^[722], убравши первого на тот свет. О да, упоминание есть. В те годы, когда он вел широкую жизнь в королевском Лондоне, ей, чтобы заплатить долг, пришлось занять сорок шиллингов у пастуха^[723] своего отца. Теперь объясните все это. А заодно объясните и ту лебединую песнь, в которой он представил ее потомкам.

Он обзрел их молчание.

На это Эглинтон:

Так вы о завещанье.^[724]

Юристы, кажется, его уж разьяснили.

Ей, как обычно, дали вдовью часть.

Все по законам. В них он был знаток,

Как говорят нам судьи.

А Сатана в ответ ему,

Насмешник:

И потому ни слова нет о ней

В наброске первом, но зато там есть

Подарки и для внучки, и для дочек,

И для сестры, и для друзей старинных

И в Стратфорде, и в Лондоне.

И потому, когда он все ж включил

(Сдается мне, отнюдь не добровольно)

Кой-что и ей, то он ей завещал

Свою, притом не лучшую,

Кровать.^[725]

Punkt¹¹⁵

Завещал

Ей кровать

¹¹⁵ Точка, пункт (нем.).

Второсорт
Второвать
Кровещал.

Тпру!

– В те времена у прелестных поселян бывало негусто движимого имущества, – заметил Джон Эглинтон, – как, впрочем, и ныне, если верить нашим пьесам из сельской жизни.

– Он был богатым землевладельцем, – возразил Стивен. – Он имел собственный герб, земельные угодья в Стратфорде, дом в Ирландском подворье. Он был пайщиком в финансовых предприятиях, занимался податными делами, мог повлиять на проведение закона в парламенте. И почему он не оставил ей лучшую свою кровать, если он ей желал мирно прохрапеть остаток своих ночей?

– Были, наверное, две кровати, одна получше, а другая – так, второй сорт, – подал тонкую догадку мистер Второсорт Супер.

– *Separatio a mensa et a thalamo*^{116[726]}, – суперсострил Бык Маллиган и повлек улыбание.

– У древних упоминаются знаменитые постели. Сейчас попробую вспомнить, – наморщил лоб Второсорт Эглинтон, улыбаясь постельно.

– У древних упоминается^[727], – перебил его Стивен, – что Стагирит, школьник-шалопай и лысый мудрец язычников, умирая в изгнании, отпустил на волю и одарил своих рабов, воздал почести предкам и завещал, чтобы его схоронили подле останков его покойной жены. Друзей же он просил позаботиться о своей давней любовнице (вспомним тут новую Герпиллис, Нелл Гвинн) и позволить ей жить на его вилле.

– А вы тоже считаете, что он умер так? – спросил мистер Супер слегка озабоченно. – Я имею в виду...

– Он умер, упившись в стельку^[728], – закрыл вопрос Бык Маллиган. – Кварта эля – королевское блюдо^[729]. Нет, вот я лучше расскажу вам, что изрек Доуден^[730]!

– А что? – спросил Суперэглинтон.

Вильям Шекспир и К^о^[731], акционерное общество. Общедоступный Вильям. Об условиях справляться: Э. Доуден, Хайфилд-хаус...

– Бесподобно! – вздохнул с восхищением Бык Маллиган. – Я у него спросил, что он думает насчет обвинения в педерастии, взводимого на поэта. А он воздел кверху руки и отвечает: *Мы можем единственно лишь сказать, что в те времена жизнь была ключом*^[732]. Бесподобно!

Извращенец.

– Чувство прекрасного совлекает нас с путей праведных, – сказал грустнопрекрасный Супер угловатому Углинтону.

А непреклонный Джон отвечал сурово:

– Смысл этих слов нам может разъяснить доктор^[733]. Невозможно, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Тако глаголеши? Неужели они будут оспаривать у нас, у меня пальму первенства в красоте?

– А также и чувство собственности, – заметил Стивен. – Шейлока он извлек из собственных необъятных карманов. Сын ростовщика и торговца солодом, он и сам был ростовщик и торговец зерном, попридержавший десять мер зерна во время голодных бунтов. Те самые личности разных исповеданий, о которых говорит Четгл^[734] Фальстаф и которые засвидетельствовали его безупречность в делах, – они все были, без сомнения, его должники. Он подал в суд^[735] на одного из своих братьев-актеров за несколько мешков солода и взыскивал людского мяса

¹¹⁶ Отлучение от стола и спальни (*лат.*).

фунт^[736] в проценты за всякую занятую деньгу. А как бы еще конюх и помощник суфлера – смотри у Обри^[737] – так быстро разбогател? Что бы ни делалось, он со всего имел свой навар. В Шейлоке слышны отзвуки той травли евреев, что разыгралась после того, как Лопеса^[738], лекаря королевы, повесили и четверговали, а его еврейское сердце, кстати, вырвали из груди, пока пархатый еще дышал; в «Гамлете» и «Макбете» – отзвуки восшествия на престол шотландского философа^[739], любившего поджаривать ведьм. В «Бесплодных усилиях любви» он потешается над гибелью Великой Армады. Помпезные его хроники плывут на гребне восторгов в духе Мафекинга^[740]. Судят ли иезуитов^[741] из Уорикшира – тут же привратник поносит теорию двусмысленности. Вернулся ли «Отважный мореход»^[742] с Бермудских островов – пишется тут же пьеса, что восхитила Ренана, и в ней – Пэтси Калибан, наш американский кузен. Слащавые сонеты явились вслед за сонетами Сидни. А что до феи Элизабет, или же рыжей Бесс^[743], разгульной девы, вдохновившей «Виндзорских насмешниц», то уж пускай какой-нибудь герр из Неметчины всю жизнь раскапывает глубинные смыслы на дне корзины с грязным бельем.

Что ж, у тебя совсем недурно выходит. Вот только еще подпусти чего-нибудь теологофилологологического. *Mingo, minxi, mictum, mingere*¹¹⁷.

– Докажите, что он был еврей, – решил предложить Джон Эглинтон. – Вот ваш декан^[744] утверждает, будто он был католик.

*Sufflaminandus sum*¹¹⁸.^[745]

– В Германии, – отвечал Стивен, – из него сделали образцового французского лакировщика итальянских скандальных басен.

– Несметноликий^[746] человек, – сметливо припомнил мистер Супер. – Кольридж его назвал несметноликим.

*Amplius. In societate humana hoc est maxime necessarium ut sit amicitia inter multos*¹¹⁹.^[747]

– Святой Фома, – начал Стивен...

– *Ora pro nobis*¹²⁰, – пробурчал Монах Маллиган, опускаясь в кресло. И запричитал с жалобным подвываньем.

– *Rogue mahone! Acushla machree!*¹²¹ Теперь не иначе, пропали мы!^[748] Как пить дать пропали!

Все внесли по улыбке.

– Святой Фома, – сказал, улыбаясь, Стивен, – чьи толстопузые тома мне столь приятно почитать в оригинале, трактует о кровосмесительстве с иной точки зрения, нежели та новая венская школа, о которой говорил мистер Маги. В своей мудрой и своеобразной манере он сближает его со скупостью чувств. Имеется в виду, что, отдавая любовь близкому по крови, тем самым как бы скупаются наделять ею того, кто дальше, но кто, быть может, жаждет ее^[749]. Евреи, которым христиане приписывают скупость, больше всех наций привержены к единокровным бракам. Но обвинения эти – по злобе. Те же христианские законы^[750], что дали евреям почву для накопления богатств (ведь им, как и лоллардам, убежищем служили бури^[751]), окочевали стальными обручами^[752] круг их привязанностей. Грех это или добродетель – лишь старый Никтоотец^[753] откроет нам в Судный день. Но человек, который так держится за то, что он именуется своими правами на то, что он именуется себе причитающимся, – он будет цепко держаться и за то, что он именуется своими правами на ту, кого он именуется своей женой. И пусть никакой окрестный сэр Смайл^[754] не пожелает вола его^[755], или жены его, или раба, или рабыни его, или осла его.

¹¹⁷ Мочусь, помочился, мочеиспускательный, мочиться (*лат.*).

¹¹⁸ Надо унять меня (*лат.*).

¹¹⁹ Далее. В человеческом обществе крайне необходимо, чтобы узы дружбы связывали многих (*лат.*).

¹²⁰ Молись за нас (*лат.*).

¹²¹ Поцелуй меня в задницу! Биенье сердца моего! (*ирл.*)

- Или ослицы его, – возгласил антифонно Бык Маллиган.
- С нашим любезным Биллом сурово обошлись, – любезно заметил мистер Супер, сама любезность.
- С какой волей?¹²² – мягко вмешался Бык Маллиган. – Мы рискуем запутаться.
- Воля к жизни, – пустился в философию Джон Эглинтон, – была волею к смерти для бедной Энн, вдовы Вилла.
- Requiescat!¹²³ – помолился Стивен.

Воли к действию уж нет
И в помине много лет...^[756]

– И все же она положена, охладелая, на эту, на второсортную кровать: поруганная царица^[757], хотя б вы и доказали, что в те дни кровать была такой же редкостью, как ныне автомобиль, а резьба на ней вызывала восторги семи приходов. На склоне дней своих она сошлась с проповедниками (один из них останавливался в Нью-Плейс и получал квартиру хереса за счет города; однако не следует спрашивать, на какой кровати он спал) и прослышала, что у нее есть душа. Она прочла, или же ей прочли книжицы из его котомки, предпочитая их «Насмешницам», и, облекаясь в ночной сосуд, размышляла о «Крючках и Петлях для Штанов Истинно Верующего» и о «Наидуховнейшей Табакерке^[758], что Заставляет Чихать Наиблагочестивейшие Души». Венера изогнула свои уста в молитве. Жагала сраму: угрызения совести. Возраст, когда распутство, выдохшись, начинает себе отыскивать бога.

– История подтверждает это, – inquit Eglintonus Chronolologos¹²⁴. – Один возраст жизни сменяется другим. Однако мы знаем из высокоавторитетных источников, что худшие враги человека – его домашние^[759] и семья. Мне кажется, Рассел прав. Какое нам дело до его жены, до отца? Я бы сказал, что семейная жизнь существует только у поэтов семейного очага. Фальстаф не был человеком семейного очага. А для меня тучный рыцарь – венец всех его созданий.

Тощий, откинулся он назад. Робкий, отрекись от сородичей своих^[760], жестоковыйных праведников^[761]. Робкий, в застолье с безбожниками он тщится избегать чаши^[762]. Так ему наказал родитель из Ольстера, из графства Антрим^[763]. Навещает его тут в библиотеке ежеквартально. Мистер Маги, сэр, вас там желает видеть какой-то господин. Меня? Он говорит, что он ваш отец, сэр. Подайте-ка мне Вордсворта^[764]. Входит Маги Мор Мэтью, в грубом сукне косматый керн^[765], на нем штаны с гульфиком на пуговицах, чулки забрызганы грязью десяти лесов, и ветка яблони-дичка^[766] в руках.

А твой? Он знает твоего старикана. Вдовец.

Спеша из веселого Парижа в нищенскую лачугу к ее смертному ложу, на пристани я коснулся его руки. Голос, звучавший неожиданной теплотой. Ее лечит доктор Боб Кенни. Взгляд, что желает мне добра. Не зная меня, однако.

– Отец, – произнес Стивен, пытаюсь побороть безнадежность, – это неизбежное зло. Он написал знаменитую пьесу^[767] вскоре после смерти отца. Но если вы станете утверждать, что он, седеющий муж с двумя дочерьми на выданье, в возрасте тридцати пяти лет, nel mezzo del sammin di nostra vita¹²⁵, и добрых пятидесяти по своему опыту, – что он и есть безусый студюзуз из Виттенберга, тогда вам придется утверждать, что его старая мать, уже лет семидесяти, – это похотливая королева. Нет. Труп Джона Шекспира не скитается по ночам. Он с часу и на час гниет^[768]. Отец мирно почиет, сложивши бремя отцовства и передав сие мистическое

¹²² Игра слов: воля, а также завещание по-английски – вилл (will).

¹²³ Да почиет! (лат.)

¹²⁴ Молвил Эглинтон Летописец (лат.).

¹²⁵ Земную жизнь пройдя до половины (ит.).

состояние сыну. Каландрино^[769], герой Боккаччо, был первым и последним мужчиной, кто чувствовал, будто бы у него ребенок. Мужчина не знает отцовства в смысле сознательного порождения. Это – состояние мистическое, апостольское преемство от единого рожающего к единому родному^[770]. Именно на этой тайне, а вовсе не на мадонне^[771], которую лукавый итальянский разум швырнул европейским толпам, стоит церковь, и стоит непоколебимо, ибо стоит, как сам мир, макро– и микрокосм, – на пустоте. На недостоверном, невероятном. Возможно, что *amor matris*¹²⁶, родительный субъекта и объекта, – единственно подлинное в мире. Возможно, что отцовство – одна юридическая фикция. Где у любого сына такой отец, что любой сын должен его любить и сам он любого сына?

Куда это тебя понесло, черт побери?

Знаю. Заткнись. Ступай к черту. На то у меня причины.

*Amplius. Adhuc. Iterum. Postea*¹²⁷.

Или ты обречен этим заниматься?

– Телесный стыд разделяет их настолько прочной преградой, что мировые анналы преступности, испещренные всеми иными видами распутств и кровосмесительств, почти не сообщают о ее нарушениях. Сыновья с матерями, отцы с дочерьми, лесбиянки-сестры, любовь, которая назвать себя не смеет, племянники с бабушками, узники с замочными скважинами, королевы с быками-рекордистами^[772]. Сын, пока не родился, портит фигуру; рождаясь, приносит муки, потом разделение привязанности, прибавку хлопот. И он мужчина: его восход – это закат отца, его молодость – отцу на зависть, его друг – враг отца.

Я додумался до этого на рю Мсье-ле-Пренс^[773].

– Что в природе их связывает? Миг слепой похоти.

А я отец? А если бы был? Сморщенная неуверенная рука.

– Африканец Савеллий, хитрейший ересиарх из всех зверей полевых^[774], утверждал, что Сам же Отец – Свой Собственный Сын. Бульдог Аквинский^[775], которого ни один довод не мог поставить в тупик, опровергает его. Отлично: если отец, у которого нет сына, уже не отец, то может ли сын, у которого нет отца, быть сыном? Когда Ратлендбэконсаутхемптоншекспир^[776] или другой какой-нибудь бард с тем же именем из этой комедии ошибок^[777] написал «Гамлета», он был не просто отцом своего сына, но, больше уже не будучи сыном, он был и он сознавал себя отцом всего своего рода, отцом собственного деда, отцом своего нерожденного внука, который, заметим в скобках, так никогда и не родился, ибо природа, как полагает мистер Маги, не терпит совершенства^[778].

Глаза Эглинтоньи, вмиг оживившись, искорку удовольствия метнули украдкой. Весел и радостен пуританина взгляд, хоть игл полн тон.

Польстить. Изредка. Но польстить.

– Сам себе отец, – пробормотал сам себе Сынмаллиган. – Постойте-постойте. Я забеременел. У меня нерожденное дитя в мозгу. Афина-Паллада! Пьеса! Пьеса, вот предмет!^[779] Дайте мне разрешиться.

Он стиснул свой чреволюб акушерским жестом.

– Что до его семьи, – продолжал Стивен, – то имя матери его живет в Арденском лесу^[780]. Ее смертью навеяна у него сцена с Волумнией^[781] в «Кориолане». Смерть его сына-мальчика – это сцена смерти юного Артура в «Короле Иоанне». Гамлет, черный принц, это Гамлет Шекспир. Кто были девушки в «Буре», в «Перикле», в «Зимней сказке» – мы уже знаем. Кто была Клеопатра, котел с мясом в земле Египетской, и кто Крессида, и кто Венера^[782], мы можем догадываться. Но есть и еще один член его семейства, чей след – на его страницах.

– Интрига усложняется, – заметил Джон Эглинтон.

¹²⁶ Любовь матери или любовь к матери (*лат.*).

¹²⁷ Далее. До сих пор. Опять. После (*лат.*), элементы рассуждения в схоластической силлогистике.

Библиоквакер-прыгун вернулся, припрыгивая на цыпочках, личина его подрагивает, суетливо подпрыгивает, поквакивает.

Дверь затворилась. Келья. Огни.

Они внимают. Трое. Они.

Я. Ты. Он. Они.

Начнемте ж, судари.

Стивен. У него было три брата, Гилберт, Эдмунд, Ричард. Гилберт рассказывал в старости неким благородным господам, как одна случись Господин Кассир пожаловали ему вот не соврать дармовой билет и как видал он там в этом самом Лондоне свою брательника что сочиняет пьесы господина Виля в комеди со знатною потасовкой а у того здоровый детина сидел на закорках. Колбаса, что продавали в партере, преисполнила Гилбертову душу восторгом. Он сгинул бесследно – но некий Эдмунд и некий Ричард присутствуют в сочинениях любящего Вильяма.

Магиглинджон. Имена! Что значит имя?^[783]

Супер. Ричард, понимаете, это же мое имя. Я надеюсь, у вас найдется доброе словечко для Ричарда, понимаете, уж ради меня.

Смех.

Бык Маллиган (*piano, diminuendo*)

Тут промолвил медик Дик
Своему коллеге Дэви...^[784]

Стивен. В его троице черных Биллов, злокозненных смутьянов, Яго, Ричард-горбун^[785] и Эдмунд в «Короле Лире», двоим присвоены имена злых дядюшек. И кстати еще, эту последнюю пьесу он писал или собирался писать в то самое время, когда его брат Эдмунд умирал в Саутуорке.

Супер. Я надеюсь, что на орехи попадет Эдмунду. Я не хочу, чтобы Ричард, мой тезка...

Смех.

Квакерлистер (*a tempo*). Но тот, кто незапятнанное имя мое крадет...^[786]

Стивен (*stringendo*). Он запрятал свое имя, прекрасное имя, Вильям^[787], в своих пьесах, дав его где статисту, где клоуну, как на картинах у старых итальянцев художник иногда пишет самого себя где-нибудь в неприметном уголку. Но он выставил его напоказ в Сонетах, где Вильям преизобилует. Как для Джона О'Гонта^[788], его имя дорого для него, столь же дорого, как щит и герб, ради которых он пресмыкался, на черном поясе золотое копьё с серебряным острием, *honorificabilitudinitatibus*^{128[789]} – и дороже, чем слава величайшего в стране потрясателя сцены¹²⁹. Что значит имя? Этот вопрос каждый задает себе в детстве, когда впервые пишет то имя, которое, как объясняют ему, есть «его имя». Звезда, сияющая и днем^[790], огнедышащий дракон, поднялась в небесах при его рождении. Она одиноко сияла среди бела дня, ярче, чем Венера ночью, а по ночам светила над дельтой Кассиопеи, созвездия, что раскинулось среди звезд, изображая его инициал. Его взгляд останавливался на ней, стоящей низко над горизонтом, восточней Медведицы, когда в полночный час он проходил летними дремлющими полями, возвращаясь из Шоттери^[791] и из ее объятий.

Они оба довольны. Я тоже.

Только не говори им, что ему было девять лет, когда она исчезла.

И из ее объятий.

Ждешь, пока тебя улестят и обольстят^[792]. Эх ты, тихоня. Кто тебя станет обольщать?

¹²⁸ Находящийся в положении осыпанного почестями (*лат.*).

¹²⁹ Shakespear(e) – потрясай копьём; shakescene – потрясай сцену (*англ.*).

Читай в небесах. Ауонтимеруменос^[793]. Бус Стефануменос¹³⁰. Где же твое созвездие? Стиви-Стиви, съел все сливы. S. D.: sua donna. Già: di lui. Gelindo risolve di non amare S. D.¹³¹.

– Но что же это было, мистер Дедал? – спросил квакер-библиотекарь. – Какое-нибудь небесное явление?

– Ночью – звезда, – отвечал Стивен. – Днем же – облачный столп^[794].

О чем еще сказать?

Стивен окинул взглядом свою шляпу, трость, башмаки.

Стефанос¹³², мой венец. Мой меч. А эти башмаки его только уродуют ноги. Надо купить пару. Носки дырявые. И носовой платок надо.

– Вы неплохо обыгрываете его имя, – признал Джон Эглинтон. – А ваше собственное довольно странно. Как мне кажется, оно объясняет ваш эксцентрический склад ума.

Я, Маги и Маллиган.

Легендарный искусник^[795]. Человек-сокол. Ты летал. Куда же? Ньюхейвен – Дьепп, низшим классом. Париж и обратно. Зук^[796]. Икар. Pater, ait^{133[797]}. Упал, барахтается в волнах, захлебывается. Зук, вот ты кто. Быть зуйком.

Мистер Супер в тихом воодушевлении поднял блокнот:

– Это очень интересно, потому что мотив брата, понимаете, встречается и в древнеирландских мифах. Как раз то, о чем вы говорите. Трое братьев Шекспиров. И то же самое у Гриммов, понимаете, в сказках. Там всегда третий брат – настоящий супергерой, он женится на спящей принцессе, и все такое.

Супер из супербратьев. Хороший, получше, супер.

Библиоквакер припрыгал и стал подле.

– Мне бы хотелось полюбопытствовать, – начал он, – о ком это вы из братьев... Как я понял, вы намекаете, что были предосудительные отношения с одним из братьев... Или, может быть, это я забегая вперед?

Он поймал себя с поличным – поглядел на всех – смолк.

Помощник позвал с порога:

– Мистер Листер! Отец Дайнин^[798] просит...

– Ах, отец Дайнин! Сейчас-сейчас!

Быстрым шагом час-час с бодрым скрипом час-час он час-час удалился.

Джон Эглинтон стал в позицию.

– Ну что ж, – произнес он. – Посмотрим, что у вас найдется сказать про Ричарда и Эдмунда. Вероятно, вы их приберегли напоследок?

– Ожидать, чтобы вы запомнили двух благородных родичей^[799], дядюшку Ричи и дядюшку Эдмунда, – парировал Стивен, – как видно, значит ожидать слишком много. Братьев забывают так же легко, как зонтики.

Зук.

Где брат твой?^[800] У аптекаря. Мой оселок.^[801] Он, потом Крэнли, потом Маллиган – а теперь эти. Речи, речи. Но действуй же. Действуй речью. Они насмешничают, проверяя тебя. Действуй. Отвечай на действия.

Зук.

Я устал от собственного голоса, голоса Исава. Полцарства за глоток^[802].

Вперед.

¹³⁰ Самоистязатель. Стивен – бычья душа (*греч.*).

¹³¹ С.Д.: свою даму. Да-да: его. Охладевший решает не любить С. Д. (*ит.*).

¹³² Венок (*греч.*).

¹³³ Отец, говорит (*лат.*).

– Вы скажете, что это просто имена из тех хроник, откуда он брал себе материал для пьес. А почему тогда он выбрал эти, а не другие? Ричард, горбатый злодей, бастард, приударяет за овдовевшей Энн (что значит имя?), улещает и оболыцает ее, злодей – веселую вдову. Ричард-завоеватель, третий брат, царствует после Вильяма-побежденного. И все остальные четыре акта драмы не то что зависят, а прямо-таки висят на этом первом. Ричард – единственный из всех королей, кого Шекспир не ограждает почтенья долгом, суетным как мир^[803]. Почему побочный сюжет в «Короле Лире», где действует Эдмунд, утащен из Аркадии Сидни и пристегнут к кельтской легенде доисторической древности?

– Уж так делал Вилл, – вступился Джон Эглинтон. – Это не значит, что мы сегодня должны склеивать скандинавскую сагу с обрывком романа Мередита. *Que voulez-vous?* – как сказал бы Мур. У него и Богемия^[804] находится на берегу моря, а Улисс цитирует Аристотеля.

– Почему? – продолжал Стивен, сам отвечая себе. – Потому что тема брата-обманщика, брата-захватчика, брата-прелюбодея или же брата, в котором все это сразу, была тем для Шекспира, чем нищие не были^[805]: тем, что всегда с собой. Мотив изгнания, изгнания из сердца, изгнания из дома, звучит непрерывно, начиная с «Двух веронцев» и до того момента, когда Просперо ломает жезл свой, зарывает в землю и топит книги в глубине морской^[806]. Этот мотив раздваивается в середине его жизни, продолжается в другом, повторяется, протасис, эпитасис, катастасис, катастрофа^[807]. Он повторяется вновь, когда герой уже на краю могилы, а его замужня дочь Сьюзен, вся в папочку, обвиняется в прелюбодействе^[808]. Однако он-то и был тот первородный грех, что затемнил его понятия, расслабил волю и вселил в него упорную тягу ко злу^[809]. Таковы точные слова господ епископов Манутских. Первородный грех, и как первородный грех содеян он был другим, грехами которого он также грешил. Он кроется между строками последних слов, им написанных, он застыл^[810] на его надгробии, под которым не суждено было покоиться останкам его жены. Время над ним не властно. Красота и безмятежность не вытеснили его. В тысячах видов он рассеян повсюду в мире, созданном им, в «Много шума из ничего», дважды – в «Как вам это понравится», в «Буре», в «Гамлете», в «Мере за меру» – и во всех прочих пьесах, коих я не читал.

Он рассмеялся, чтобы ум его сбросил оковы его ума.

– Истина посредине, – подытожил судия Эглинтон. – Он призрак, и он принц. Он – все во всем^[811].

– Именно так, – подтвердил Стивен. – Мальчишка из первого акта – это зрелый муж из акта пятого. Все во всем. В «Цимбелине», в «Отелло» он сводник и рогоносец. Он действует и отвечает на действия. Влюбленный в идеал или в извращенье, он, как Хозе, убивает настоящую Кармен. Его неумолимый рассудок – это Яго, одержимый рогобоязнью и жаждущий, чтобы мавр в нем страдал, не зная покоя.

– Р-рога! Р-рога! – Рык Маллиган прорычал похабно. – Опасный звук! Приводит он мужей в испуг!^[812]

Темный купол уловил и откликнулся.

– Да, Яго! Что за характер! – воскликнул испугавшийся Джон Эглинтон. – Когда все уже сказано, остается лишь согласиться с Дюма-сыном. (Или с Дюма-отцом?) После Господа Бога больше всех создал Шекспир^[813].

– Мужчины не занимают его^[814], и женщины тоже, – молвил Стивен. – Всю жизнь свою проведя в отсутствии, он возвращается на тот клочок земли, где был рожден и где оставался всегда, и в юные и в зрелые годы, немой свидетель. Здесь его жизненное странствие кончено, и он сажает в землю тутовое дерево^[815]. Потом умирает. Действие окончено. Могильщики зарывают Гамлета-отца и Гамлета-сына. Он наконец-то король и принц: в смерти, с подобающей музыкой. И оплакиваемый – хотя сперва ими же убитый и преданный – всеми нежными и чувствительными сердцами, ибо будь то у дублинских или датских жен, жалость к усопшим – единственный супруг, с которым они не пожелают развода. Если вам нравится эпилог, всмот-

ритесь в него подольше: процветающий Просперо – вознагражденная добродетель, Лиззи^[816] – дедушкина крошка-резвушка и дядюшка Ричи^[817] – порок, сосланный поэтическим правосудием в места, уготованные для плохих негров. Большой занавес. Во внешнем мире он нашел воплощенным то, что жило как возможность в его внутреннем мире. Метерлинк говорит: *Если сегодня Сократ выйдет из дому, он обнаружит мудреца, сидящего у своих дверей. Если нынче Иуда пустится в путь, этот путь его приведет к Иуде*^[818]. Каждая жизнь – множество дней, чередой один за другим. Мы бредем сквозь самих себя, встречая разбойников, призраков, великанов, стариков, юношей, жен, вдов, братьев по духу, но всякий раз встречая самих себя. Тот драматург^[819], что написал фолио мира сего, и написал его скверно (сначала Он дал нам свет, а солнце – два дня спустя), властелин всего сущего, кого истые римляне из католиков зовут *dió boia*, бог-палач, вне всякого сомнения, есть все во всем в каждом из нас, он конюх, и он мясник, и он был бы также сводником и рогоносцем, если б не помешало то, что в устроительстве небесном^[820], как предсказал Гамлет, нет больше браков и человек во славе, ангел-андрогин, есть сам в себе и жена.

– Эврика! – возопил Бык Маллиган. – Эврика!

Вдруг счастливо просияв, он вскочил и единым махом очутился у стола Эглинтонна.

– Вы позволите? – спросил он. – Господь возговорил к Малахии.

Он принялся что-то кропать на библиотечном бланке.

Будешь уходить – захвати бланков со стойки.

– Кто уже в браке, – возвестил мистер Супер, сладостный герольд, – пусть так и живут, все, кроме одного. Остальные пускай по-прежнему воздерживаются.^[821]

В браке отнюдь не состоя, он засмеялся, глядя на Эглинтонна Иоанна, искусств бакалавра¹³⁴, холостяка.

Не имея ни жены, ни интрижки, повсюду опасаясь сетей, оба еженощно смакуют «Укрощение строптивой» с вариантами и комментариями.

– Вы устроили надувательство, – без околичностей заявил Джон Эглинтон Стивену. – Вы нас заставили проделать весь этот путь, чтобы в конце показать банальнейший треугольник. Вы сами-то верите в собственную теорию?

– Нет, – отвечал Стивен незамедлительно.

– А вы не запишете все это? – спросил мистер Супер. – Вам нужно из этого сделать диалог, понимаете, как те платонические диалоги^[822], что сочинял Уайльд.

Джон Эглинтон улыбнулся сугубо.

– В таком случае, – сказал он, – я не вижу, почему вы должны ожидать какой-то платы за это, коль скоро вы сами в это не верите. Доуден верит, что в «Гамлете» имеется какая-то тайна, но больше ничего говорить не желает. Герр Бляйбтрой^[823], тот господин, с которым Пайпер встречался в Берлине, развивает версию насчет Ратленда и думает, что секрет таится в стратфордском памятнике. Пайпер говорил, будто бы он собирается нанести визит нынешнему герцогу и доказать ему, что пьесы были написаны его предком. Это будет такой сюрприз для его сиятельства. Однако он верит в свою теорию.

Верую, Господи, помоги моему неверию^[824]. То есть помоги мне верить или помоги мне не верить? Кто помогает верить? *Egomen*¹³⁵. А кто – не верить? Другой малый.

– Вы единственный^[825] из всех авторов «Даны», кто требует звонкой монеты. И я не уверен насчет ближайшего номера. Фред Райен хочет, чтобы ему оставили место для статьи по экономике.

Фредрайн. Две звонких монеты он мне ссудил. Чтоб ты снялся с мели. Экономика.

– За одну гинею, – сказал Стивен, – вы можете опубликовать эту беседу.

¹³⁴ Bachelor – бакалавр; холостяк (англ.).

¹³⁵ Я, с моей стороны (греч.).

Бык Маллиган перестал, посмеиваясь, кропать и, посмеиваясь, поднялся. Чинным голо-сом, с медоточивым коварством он известил:

– Нанеся визит барду Клинку в его летней резиденции на верхней Мекленбург-стрит^[826], я обнаружил его погруженным в изучение «Summa contra Gentiles»¹³⁶, в обществе двух гоно-рейных леди, Нелли-Свеженькой и Розали, шлюхи с угольной пристани.

Он оборвал себя.

– Пошли, Клинк. Пошли, скиталец Энгус с птицами.^[827]

Пошли, Клинк. Ты уже все доел после нас. О, я, разумеется, позабочусь о требухе и объ-едках для тебя.

Стивен поднялся.

Жизнь – множество дней. Этот кончится.

– Мы вас увидим вечером, – сказал Джон Эглинтон. – Notre ami¹³⁷ Мур надеется, что Мэйлахи Маллиган будет там.

Бык Маллиган раскланялся панамой и бланком.

– Мсье Мур, – сказал он, – просвещающий ирландскую молодежь по французской части. Я там буду. Пошли, Клинк, бардам надлежит выпить. Ты можешь ступать прямо?

Посмеивающийся...

Накачиваться до одиннадцати. Вечернее развлечение ирландцев^[828].

Паяц...

Стивен двигался за паяцем...

Однажды был у нас разговор в национальной библиотеке. Шекс. Потом. Идет спина пая: за ней шагаю я. Наступаю ему на пятки.

Стивен, попросившись, как в воду опущенный, двигался за паяцем, шутком, ладнопри-чесанным, свежесбрившим, из сводчатой кельи на свет дневной, грохочущий и бездумный.

Что ж я постиг? О них? О себе?

Теперь гуляй как Хейнс.

Зал для постоянных читателей. В книге посетителей Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл кудрявым росчерком завершает свои полисиллабусы. Вопрос: был ли Гамлет безумцем? Лысина квакера с аббатиком в беседе елейнокнижной:

– О, конечно, извольте, сэр... Я буду просто счастлив...

С гримасой игривой Бык Маллиган базарил бездельно с самим собой, себе ж благо-склонно кивая:

– Довольная задница.

Турникет.

Неужели... Шляпка с голубой лентой?.. Написано не спеша... Что? Посмотрела?..

Закругление балюстрады: тихоструйный Минций.^[829]

Пак^[830] Маллиган, панамоносец, перескакивал со ступеньки на ступеньку, ямбами путь уснащая:

Джон Эглинтон, душка Джон,
Почему без женки он?^[831]

Потом вдруг разразился тирадой:

– Ох, уж этот китаец без подбородка! Чин Чон Эг Лин Тон^[832]. Мы с Хейнсом зашли как-то в этот их театришко, в доме слесарей^[833]. Как раньше греки^[834], как М. Метерлинк, наши

¹³⁶ Сумма против язычников (*лат.*).

¹³⁷ Наш друг (*фр.*).

актеры творят новое искусство для Европы. Театр Аббатства! Мне так и чуялось, как разит монашьям потом^[835].

Он смачно сплюнул.

Забыл: что он никоим образом не забыл, как его выпорол этот паршивый Люси^[836]. И еще: он бросил *la femme de trente ans*^[837]. И почему не было других детей? И первенцем была девочка?

Задним умом. Беги, возвращайся.

Суровый затворник все еще там (имеет свой кусок пирога) и сладостный юнец, миньончик^[838], федоновы шелковистые кудри^[839] приятно гладить.

Э-э... Я тут вот... хотел... забыл сказать... э-э...

– Лонгворт и Маккерди Аткинсон^[840] там тоже были...

Пак Маллиган, легко приплясывая, стрекотал:

Заслышу ль ругань в переулке^[841]
Иль встречу шлюху на прогулке,
Как сразу мысль на этом фоне
Об Ф. Маккерди Аткинсоне,
Что с деревянною ногой,
С ним тут же рядышком другой,
Чья вкус винца не знает глотка, –
Маги, лишенный подбородка.
У них жениться духу нет,
И онанизм – весь их секрет.

Фиглярствуй дальше. Познай сам себя. Остановился ниже меня, насмешливо мерит взглядом. Я останавливаюсь.

– Шут ты кладбищенский, – посетовал Бык Маллиган. – Синг уже перестал ходить в черном, чтоб быть как люди. Черны только вороны, попы и английский уголь.

Прерывистый смешок слетел с его уст.

– Лонгворт чуть ли не окочился, – сообщил он, – из-за того, что ты написал про эту старую крысу Грегори^[842]. Ах ты, надравшийся жидоиезуит из инквизиции! Она тебя пристраивает в газету, а ты в благодарность разносишь ее писульки к этакой матери. Разве нельзя было в стиле Иейтса?

Он продолжал спускаться, выделявая свои ужимки и плавно балансируя руками:

– Прекраснейшая из книг, что появились у нас в стране на моем веку^[843]. Невольно вспоминаешь Гомера.

Он остановился у подножия лестницы.

– У меня зародилась пьеса! Бесовское измышление!^[844] – объявил он торжественно.

Зал с мавританскими колоннами, скрещивающиеся тени. Окончен мавританский танец девятерых в шляпах индексов.

Мелодичным голосом, с гибкими интонациями, Бык Маллиган принялся зачитывать свою скрижаль:

¹³⁸ Женщина тридцати лет (*фр.*).

Каждый сам себе жена,

или

Медовый месяц в руке

(национальное аморалите в трех оргазмах)

сочинение

Мудака Маллигана

Он обратился к Стивену ликующее мурло:

– Я опасюсь, что маскировка слишком прозрачна. Но слушай же.

Он продолжал читать, marcato:

– Действующие лица:

ТОБИ ДРОЧИНЬСКИЙ (задроченный полячок)

МАНДАВОШ (лесной разбойник)

МЕДИК ДИК и МЕДИК ДЭВИ (двое за одного)

МАТУШКА ГРОГАН (водородица)

НЕЛЛИ-СВЕЖЕНЬКАЯ

и

РОЗАЛИ (шлюха с угольной пристани).

Он шел впереди Стивена, похихатывая, болтая головой туда и сюда, – и весело обращался к теням, душам людей:

– О, та ночь в Кэмден-холл, когда дочери Эрина^[845] должны были поднимать юбки, чтобы переступить через тебя, лежащего в своей винноцветной, разноцветной и изобильной блевотине!

– Невиннейший из сыновей Эрина, – откликнулся Стивен, – ради которого когда-либо юбки поднимались.

Почти у самого выхода, ощутив чье-то присутствие сзади, он посторонился.

Расстаться. Подходящий момент. Ну а куда? Если сегодня Сократ выйдет из дому, если нынче Иуда пустится в путь. Какая разница? Предрешенное пространство ожидает меня в предрешенное время – неотменимо.

Моя воля – и его воля, лицом к лицу. Между ними бездна.

Человек прошел между ними, вежливо кланяясь.

– Еще раз здравствуйте, – отвечал Бык Маллиган.

Портик.

Здесь я следил за птицами^[846], гадая по их полету. Энгус с птицами. Они улетают, прилетают. Этой ночью и я летал. Летал с легкостью. Люди дивились. А потом квартал девок. Он мне протягивал нежную, как сливки, дыню. Входи. Ты увидишь.

– Странствующий жид, – прошептал Бык Маллиган в комическом ужасе. – Ты не заметил его глаза? Он на тебя смотрел с вожделением. Страшусь тебя, о старый мореход^[847]. Клинк, ты на краю гибели. Обзаводись поясом целомудрия.

Оксенфордские нравы.^[848]

День. Тачка солнца над дугой моста.^[849]

Темная спина двигалась впереди. Шаги леопарда, спустился, проходит воротами, под остриями решетки.

Они шли следом.

Продолжай оскорблять меня. Говори.

Приветливый воздух подчеркивал выступы стен^[850] на Килдер-стрит. Ни одной птицы. Из труб над домами подымались два хрупких пера, раскидывались оперением и под веющей мягкостью мягко таяли.

Прекрати сражаться. Мир цимбелиновых друидов, мистериальный: просторная земля – алтарь.

Хвала богам! Пусть дым от алтарей
Несется к небу!^[851]

10. Блуждающие скалы

[852]

Начальник дома^[853], высокопреподобный Джон Конми, О. И., сойдя по ступенькам своего крыльца, опустил плоские часы обратно во внутренний карман. Без пяти три. Прекрасное время для прогулки в Артейн. Значит, как фамилия мальчика? Дигнам. Да. Vere dignum et iustum est¹³⁹. С этим следовало к брату Свону^[854]. Письмо мистера Каннингема. Да. Оказать ему эту услугу, если можно. Добрый католик, соблюдает обряды, помогает в сборах на церковь.

Одноногий матрос, продвигаясь вперед ленивыми бросками своих костылей, прорычал какие-то звуки. Возле монастыря сестер милосердия он оборвал броски и протянул фуражку за подаванием к высокопреподобному Джону Конми, О. И. Отец Конми благословил его под щедрыми лучами солнца, памятуя, что в кошельке у него только серебряная корона.

Отец Конми свернул к Маунтджой-сквер. Мысли его ненадолго задержались на солдатах и матросах, которые лишились конечностей под пушечными ядрами и доживают остаток дней в нищенских приютах, а также на словах кардинала Уолси^[855]: *Если бы я служил Богу своему, как я служил своему королю, Он бы не покинул меня в дни старости*. Он шел под деревьями, в тени играющей зайчиками листвы, навстречу же ему приближалась супруга мистера Дэвида Шихи, Ч. П.

– Благодарю вас, просто прекрасно. А вы, святой отец?

Отец Конми себя чувствовал поистине превосходно. Он собирался в Бакстон на воды. А как ее сыновья, у них все хорошо в Бельведере? Правда? Отец Конми был поистине очень рад это слышать. А как сам мистер Шихи? Еще в Лондоне. Ну да, конечно, парламент ведь еще заседает. Какая прекрасная погода, право, на редкость. Да, это весьма возможно, что отец Бернард Вохен^[856] возобновит свои проповеди. О да: огромный успех. Поистине необыкновенный человек.

Отец Конми был очень рад повидать супругу мистера Дэвида Шихи, Ч. П., и рад, что она так хорошо выглядит. Он попросил передать его наилучшие пожелания мистеру Дэvidу Шихи, Ч. П. Да, он непременно их навестит.

– Всего доброго, миссис Шихи.

Отец Конми приподнял свою шелковую шляпу в прощальном приветствии стеклярусу ее мантильи, чернильно поблескивающему на солнце. И вновь улыбнулся уходя. Он знал, что его зубы почищены пастой с пальмовым маслом.

Отец Конми шел и на ходу улыбался, вспоминая чудаковатые глаза отца Бернарда Вохена и его сочные лондонские словечки.

– Пилат! Да что ж ты не разогнал весь этот сброд в шею?

Но в рвении ему не откажешь. Никоим образом. И несомненно, приносил много пользы, на свой манер. Этого тоже не отнять. Он говорил, что любит Ирландию и любит ирландцев. Кстати, ведь из хорошей семьи, кто бы подумал? Кажется, из Уэльса.

О, берегитесь, чтоб не забыть^[857]. Письмо к отцу провинциалу^[858].

Отец Конми остановил трех малышей-школьников на углу Маунтджой-сквер. Да: они были из Бельведера. Из пригготовительного, ага. И хорошо себя ведут в школе? О-о. Ну, тогда очень хорошо. А как тебя зовут? Джек Сохен. А тебя? Джер. Галлахер^[859]. А этого молодого человека? Его звали Бранни Лайнем. Ну, как приятно носить такое красивое имя.

Отец Конми, достав письмо из внутреннего кармана, вручил его юному Бранни Лайнему и указал на красный столбик-ящик на углу Фицгиббон-стрит.

– Смотри, только сам не проскочи в ящик, малыш, – пошутил он.

¹³⁹ Воистину достойно и праведно есть (лат.; слова из мессы).

Мальчуганы, шестиглазая на отца Конми, засмеялись:

– О, сэр!

– Ну-с, покажи, как ты умеешь опускать письма, – сказал отец Конми.

Юный Бранни Лайнем перебежал через дорогу и сунул письмо отца Конми к отцу провинциалу в щель ярко-красного почтового ящика. Отец Конми улыбнулся, кивнул, опять улыбнулся и зашагал по восточной стороне Маунтджой-сквер.

Мистер Дэнис Дж. Маджинни, учитель танцев и пр., в цилиндре, в серо-голубом сюртуке с шелковыми лацканами, в белом галстуке, в узких сиреневых брюках, канареечных перчатках и лаковых остроносых штиблетах, выступая с внушительной осанкой, наипочтительнейше свернул на обочину, обгоняя леди Максвелл на углу Дигнамс-корт.

А это не миссис Макгиннесс?

Миссис Макгиннесс, статная, седовласая, поклонилась отцу Конми с соседнего тротуара, по которому она величаво проплывала. Отец Конми улыбнулся и отдал поклон. Как она пожирует?

Какая великолепная манера. Есть нечто в ней, прямо как у Марии Стюарт. И только подумать – процентщица. Ну и ну! С такой... как бы это сказать?.. с такой царственной миной.

Отец Конми следовал по Грейт-Чарльз-стрит, поглядывая налево на закрытую протестантскую церковь. Преподобный Т. Р. Грин, бакалавр искусств, будет (D.V.¹⁴⁰) читать проповедь. Он у них называется бенефициарием. По-латыни благодетель. Решил их облагодетельствовать проповедью. Но будем, однако, снисходительны. Непреодолимое неведение^[860]. Действуют по мере света, им данной.

Отец Конми повернул за угол и зашагал по Северной окружной. Удивительно, что нет трамвайной линии на такой важной магистрали. Бесспорно, тут должна быть.

С Ричмонд-стрит высыпали гурьбой школьники с ранцами за спиной и все как один приподняли измятые фуражки.

Отец Конми несколько раз благосклонно покивал им. Из школы Христианских братьев.

С правой стороны до отца Конми донесся запах ладана. Церковь Святого Иосифа, Портленд-роу. Для престарелых и добродетельных особ женского пола. Отец Конми обнажил голову пред совершающимся Святым Таинством. Да, добродетельны – но иногда просто невыносимы.

Проходя мимо особняка Олдборо^[861], отец Конми подумал про этого расточительного аристократа. А теперь тут какая-то контора или нечто подобное.

Отец Конми вышел на Северную Стрэнд-роуд, где его приветствовал мистер Вильям Галлахер, стоявший в дверях своей лавки. Отец Конми приветствовал мистера Вильяма Галлахера и ощутил запахи, исходившие от пластов бекона и объемистых кубов масла. Он миновал табачную торговлю Грогана, опершись на которую газетные щиты сообщали об ужасной катастрофе в Нью-Йорке. В Америке то и дело подобные происшествия. Какое несчастье для людей вот так умереть, без приуготовления. Хотя еще остается акт совершенного сокрушения^[862].

Отец Конми прошел мимо трактира Дэниэла Бергина, возле окон которого прислонились к стене двое праздных мужчин. Они поклонились ему и получили ответный поклон.

Отец Конми миновал похоронное заведение Г. Дж. О'Нила, где Корни Келлехер, жуя сухую травинку, подбивал сумму в своем грессбухе. Констебль, делавший обход, приветствовал отца Конми, и отец Конми приветствовал констебля. В витрине Юкстеттера, торговца свиной, отец Конми окинул взглядом свиные колбасы, белые, черные и красные, свернутые аккуратными кольцами.

Под деревьями Чарлвилл-мэлл отец Конми увидел причаленную торфяную баржу, свесившую голову лошадь в лямках и лодочника в грязной соломенной шляпе, который сидел на барже, покуривая и глядя на ветку тополя над головой. Картина была идиллической – и

¹⁴⁰ Deo Volente – волею Божией (лат.).

отец Конми задумался о мудром провидении Творца, создавшего торф в болотах, дабы люди могли его извлекать оттуда и привозить в город и делать из него топливо, согревающее дома бедняков.

На мосту Ньюкомен высокопреподобный Джон Конми, О. И., из церкви Святого Франциска Ксаверия, что на Верхней Гардинер-стрит, сел в трамвай, идущий от центра.

С трамвая, идущего к центру, на мост Ньюкомен сошел преподобный Николас Дадли, викарий церкви Святой Агаты, что на Северной Вильям-стрит.

На мосту Ньюкомен отец Конми сел в трамвай, идущий от центра, поскольку он не любил ходить пешком по грязной дороге мимо Мад-айленд. Отец Конми уселся в углу вагона, аккуратно засунув синий билетик в глазок одной из своих толстых лайковых перчаток, а четыре шиллинга, шестипенсовик и пять монеток по пенни скользнули в его кошелек с ладони, обтянутой другою толстою лайковою перчаткою. Проезжая мимо церкви, увитой плющом, он размышлял о том, что контролер непременно является тогда, когда по беспечности выбросишь свой билет. Торжественный вид пассажиров казался отцу Конми излишним для такой краткой и дешевой поездки. Отец Конми любил непринужденную обстановку.

День был безмятежным. Джентльмен в очках, сидевший напротив отца Конми, перестал что-то объяснять и опустил взгляд. Жена его, подумал отец Конми. Едва заметный зевочек чуть-чуть приоткрыл рот жены джентльмена в очках. Она подняла маленький кулачок в перчатке, зевнула опять столь же деликатно, похлопывая себя по губам своим маленьким кулачком, и улыбнулась чуть-чуть, мягко-мягко.

Запах ее духов привлек внимание отца Конми. Его внимание также привлекло, что неуклюжий мужчина по другую сторону от нее сидит на самом краешке своего сиденья.

Отец Конми, стоя на амвоне, не без труда вложил гостию в рот неуклюжего старика с трясущейся головой.

Трамвай остановился на мосту Эннсли и уже трогался снова, когда какая-то старушка неожиданно поднялась к выходу. Кондуктор дернул за веревку звонка, чтобы остановить трамвай для нее. Она вышла с корзинкой и с рыночной плетенкой. Отец Конми видел, как кондуктор помогал ей сойти с этою корзинкою и плетенкой, – и, зная, что она чуть не проехала дальше, чем полагалось за пенни, отец Конми подумал, что она была одной из тех добрых душ, которым всегда надо повторять по два раза, *благословляю тебя*^{1863]}, *дитя мое*, что грехи им отпущены, *молись за меня*. Но ведь у них столько тревог в жизни, столько забот, бедные создания.

С афишных щитов мистер Юджин Стрэттон ухмылялся отцу Конми толстыми негритянскими губами.

Отец Конми подумал о душах всех чернокожих, темнокожих и желтокожих людей, о своей проповеди на тему о святом Петре Клавере, О. И. и африканской миссии, о распространении истинной веры и о миллионах черных, коричневых и желтых душ, что не успели принять крещения водой, когда их смертный час подкрался яко тать в ночи. Как полагал отец Конми, в той книге бельгийского иезуита^{1864]}, «*Le Nombre des Élus*»^{141]}, отстаивалась разумная точка зрения. Ведь все миллионы человеческих душ, что не были (D. V.) обращены в истинную веру, были тем не менее души, которые сотворил Господь по Своему образу и подобию. Все это были Божьи души, сотворенные Богом. И отцу Конми казалось жаль, что все они должны быть потеряны, как пустые отходы, если так можно выразиться.

На остановке Хоут-роуд отец Конми высадился и, в ответ на прощальный поклон кондуктора, также поклонился ему.

Малахайд-роуд была безлюдна. Отцу Конми нравились и эта улица и ее название. Веселый звон колоколов над Малахайд плывет^{1865]}. Лорд Толбот де Малахайд – по прямой линии наследный лорд-адмирал Малахайда и прилежащих морей. Свадебные колокола, и тут же –

¹⁴¹ «Число избранных» (фр.).

набат, к оружию, и она оказывается девицей, супругою и вдовой в один день. То были стародавние дни, пора беззаботных городков, не знавших крамолы, давняя баронская старина¹⁸⁶⁶.

Отец Конми, продолжая путь, подумал о своей небольшой книжке «Баронская старина» и о той книге, которую можно было бы написать о домах иезуитов и о Мэри Рочфорт, дочери лорда Моулсворта, первой графине Бельведер.

Печальная женщина, немолодая уже, одиноко бродила по берегам озера Эннел, Мэри, первая графиня Бельведер¹⁸⁶⁷, печально бродившая вечерами, и всплеск выдры, нырнувшей в воду, не вызывал у нее ни удивления, ни испуга. Кто мог знать правду? Не лорд Бельведер, снедаемый ревностью, и не ее исповедник, если только она не совершала прелюбодеяния до конца, до *ejaculatio seminis inter vas naturale mulieris*¹⁴², с братом своего мужа? Она бы исповедалась лишь наполовину, если бы согрешила не до конца, женщины поступают так. И знали бы только Бог, и она, и он, брат ее мужа.

Отец Конми думал о неумолимом плотском влечении, без которого не может, однако, продлиться род людской на земле, и о путях Божиих, которые не суть пути наши.

Дон Джон Конми, продолжая идти, перенесся во времена оны. Он был там почитаем и добр. Он хранил в своей памяти исповедальные тайны и улыбался улыбающимся благородным лицам в гостиных с навошенным паркетом, с пышными гроздьями плодов по плафонам. И руки жениха и невесты, благородного и благородной, соединял ладонями дон Джон Конми.

Стоял чудный день.

Сквозь калитку на поле отцу Конми показались гряды капусты, кочаны кланялись ему, широко разводя нижние листья. Небо показало ему стадо небольших белых облачков, медленно плывущих по ветру. *Moutonner*¹⁴³, говорят французы. Меткое слово и такое уютное.

Отец Конми, читая молитвенное правило, следил за барашками облаков над Рэткоффи. Поля Клонгоуза покалывали своей стерней его лодыжки в тонких носках. По вечерам он гулял там, творя молитвы, и слушал возгласы мальчиков, занятых своими играми, юные возгласы в тихом вечернем воздухе. Он был у них ректором – и правил над ними с кротостью.

Отец Конми снял перчатки и вынул свой молитвенник с красными уголками. Закладка слоновой кости указывала страницу.

Час девятый¹⁸⁶⁸. Это надо было прочесть еще до обеда. Но пришла леди Максвелл.

Отец Конми прочитал мысленно Отче наш и Аве Мария и перекрестился. *Deus in adiutorium*¹⁴⁴.

Он шел в спокойствии, неслышно читая службу девятого часа, шагал и шагал, читая, пока не дошел до Реп¹⁸⁶⁹ в *Beati immaculati: Principium verborum tuorum veritas: in eternum omnia iudicia iustitiae tuae*¹⁴⁵.

Раскрасневшийся юноша выбрался на тропу через просвет в живой изгороди, за ним девушка с поникшими полевыми ромашками в руке. Юноша поспешно приподнял свою шляпу; девушка поспешно поклонилась и старательно принялась снимать с юбки приставший к ней стебелек.

Отец Конми степенно благословил обоих и перевернул тоненькую страничку молитвенника. Шин: *Principes persecuti sunt me gratis: et a verbis tuis formidavit cor meum*¹⁴⁶.

¹⁴² Извержение семени в природный сосуд женщины (*лат.*).

¹⁴³ Завиваться в руно, барашком (*фр.*).

¹⁴⁴ Господи, на помощь (*лат.* Пс. 69, 2).

¹⁴⁵ Блаженны непорочные: Основание слова твоего истинно, и вечен всякий суд правды твоей (*лат.* Пс. 118, 1, 160).

¹⁴⁶ Князя гонят меня безвинно, но сердце мое боится слова твоего (*лат.* Пс. 118, 161).

* * *

Корни Келлехер захлопнул толстый гроссбух и глянул лениво на сосновую крышку гроба, стоявшую на часах в углу. Он выпрямился, подошел к ней и, повертев вокруг оси, осмотрел ее поверхность и медные украшения. Жуя сухую травинку, он положил крышку на пол и отошел к выходу. Там он надвинул шляпу так, чтобы тень падала на глаза, и прислонился к косяку двери, бесцельно глядя на улицу.

Отец Джон Конми на мосту Ньюкомен сел в трамвай в сторону Доллимаунта.

Корни Келлехер, сомкнув свои огромные башмаки, в надвинутой на лоб шляпе, глазел по сторонам, жуя сухую травинку.

Констебль 57 С, патрульный на обходе, остановился рядом с ним скоротать минутку.

– Отличный день, мистер Келлехер.

– Угу, – пробурчал Корни Келлехер.

– Только вот душно, – сказал констебль.

Корни Келлехер пустил дугою сквозь зубы беззвучную струю травяного сока, а щедрая белая ручка бросила монетку из окна на Экклс-стрит.

– Ну, что хорошенького? – спросил он.

– Я видел означенного субъекта вчера вечером, – сказал, понизив голос, констебль.

* * *

Одноногий матрос проковылял за угол аптеки Макконнелла, обогнул тележку мороженщика от Рабайотти и запрыгал на костылях по Экклс-стрит. Приближаясь к Ларри О’Рурку, стоявшему у себя в дверях без пиджака, он вызывающе рявкнул:

– *За Англию...*^[870]

Резкими раскачивающимися рывками он продвинулся вперед, мимо Кейти и Буди Дедал, остановился и рявкнул:

– *Дом и красу.*

Бледному, изглоданному заботой лицу Дж. Дж. О’Моллоя было сказано, что мистер Лэмберт на складе, с посетителем.

Грузная дама остановилась, вынула медяк из своего кошелька и бросила в протянутую к ней фуражку. Матрос пробурчал благодарность, угрюмо глянул на безучастные окна и, опустив низко голову, сделал еще четыре раскачивающихся рывка вперед.

Потом остановился и в сердцах рявкнул:

– *За Англию...*

Двое босоногих мальчишек, сосущих длинные палочки лакрицы, остановились возле него, разинув на искалеченный обрубок свои желтослюнявые рты.

Он мощными рывками продвинулся еще вперед, остановился, поднял к окну голову и прорычал низким басом:

– *Дом и красу.*

Веселое щебетанье и посвистыванье за окном еще продолжалось один-два такта и смолкло. Занавеску на окне отодвинули в сторону. Табличка «Сдаются квартиры без мебели» соскользнула с рамы и упала. Мелькнула щедрая рука, оголенная и полная, выглядывающая, как видно было, из белой комбинации и тесных бретелек нижней юбки. Женская ручка бросила монету сквозь прутья решетки. Она упала на тротуар.

Один из мальчишек подбежал, поднял ее и опустил в фуражку певца со словами:

– Вот она, сэр.

* * *

Кейти и Буди Дедал ввалились в двери наполненной паром кухни.

– Ты отнесла книжки? – спросила Буди.

Мэгги у плиты дважды потыкала палкой, уминая сероватую массу в булькающих мыльных пузырях, и отерла лоб.

– За них не дают ничего, – сказала она.

Отец Конми шагал по полям в Клонгоузе, стерня покалывала его лодыжки в тонких носках.

– А ты где пробовала? – спросила Буди.

– У Макгиннесс.

Буди топнула ногой и швырнула на стол свой ранец.

– Чтoб этой толстомордой ни дна ни покрывки! – выкрикнула она.

Кейти подошла к плите и поглядела, прищурившись.

– А в чугуне что? – спросила она.

– Рубашки, – сказала Мэгги.

Буди сердито крикнула:

– Черт побери, выходит, есть нечего?

Кейти, приподняв крышку котелка подолом своей запачканной юбки, спросила:

– А в этом что?

Густой пахучий пар поднялся в ответ.

– Суп гороховый, – сказала Мэгги.

– Это откуда же? – спросила Кейти.

– Сестра Мэри Патрик, – сказала Мэгги.

Служитель позвонил в колокольчик.

– Брень!

Буди уселась за стол и жадно воскликнула:

– Давай-ка его сюда!

Мэгги налила густого желтого супу из котелка ей в тарелку. Кейти, сидевшая напротив Буди, спокойно сказала, на кончике пальца поднося ко рту хлебные крошки:

– Хорошо, что хоть это есть. А где Дилли?

– Пошла отца встречать, – ответила Мэгги.

Кроша в суп большие кусочки хлеба, Буди добавила:

– Отца нашего, иже не на небеси.

Наливая суп Кейти в тарелку, Мэгги воскликнула:

– Буди! Ну как не стыдно!

Кораблик, скомканный листок, Илия грядет, легко покачиваясь, плыл вниз по Лиффи, под Окружным мостом, проскакивая стремнины, там, где вода бурлила вокруг устоев, держа на восток, мимо судов и якорных цепей, между старым доком Таможни и набережной Короля Георга.

* * *

Блондинка у Торнтонa устилала дно плетеной корзинки хрустящей гофрированной бумагой. Буян Бойлан передал ей бутылку, завернутую в розовую бумажную салфетку, и небольшой флакон.

– Первым делом вот это, – сказал он.

– Да, сэр, – ответила блондинка, – а фрукты сверху.

– Отлично, это будет победный мяч, – сказал Буян Бойлан.

Красиво и бережно она уложила пузатые груши, попарно, хвостиками в разные стороны, и между ними спелые рдеющие стыдом персики.

Буян Бойлан в новых рыжих штиблетах прохаживался по магазину, напитанному запахами плодов, трогал фрукты, сочные, молодые, изгибистые, и пухлые красные помидоры, подносил к носу, нюхал.

Н. Е. L. Y. 'S., цепочка в белых цилиндрах, устало проследовали перед ним мимо Тэнджайр-лейн, влачась к цели.

Внезапно он отвернулся от короба с земляникой, вытащил из кармашка золотые часы и поглядел на них, отставив руку на всю длину цепочки.

– А вы их можете отправить трамваем? Прямо сейчас?

Темноспинная фигура в пассаже Мерченгс-арк перебирала книги на лотке уличного торговца.

– Конечно, сэр. Это в городе?

– О да, – отвечал Буян Бойлан. – В десяти минутах езды.

Блондинка подала карточку и карандаш.

– Вы не напишете адрес, сэр?

Буян Бойлан за конторкой написал адрес и вернул ей карточку.

– Только пошлите сразу, договорились? – сказал он. – Это для больного.

– Да, сэр. Я сделаю, сэр.

Буян Бойлан весело позвякал деньгами в кармане брюк.

– И на сколько вы меня разорили? – спросил он.

Тонкие пальчики блондинки пересчитали фрукты.

Буян Бойлан заглянул ей за вырез блузки. Юная птичка. Он взял красную гвоздику из высокого бокала.

– Идет мне? – спросил он фатовато.

Блондинка взглянула искоса на него, выпрямилась с независимым видом, на его галстук, слегка съехавший набок, зардевшись.

– Да, сэр, – сказала она.

Наклонившись, она снова пересчитала пузатые груши и зардевшиеся персики.

Буян Бойлан заглянул ей за блузку еще более благосклонно, зажав в смеющихся зубах стебель с красным цветком.

– Я скажу пару слов по вашему телефону, мисси? – спросил он развязно.

* * *

– Ма!¹⁴⁷ – сказал Альмидано Артифони.

Через плечо Стивена он рассеянно взирал на шишковатый череп Голдсмита^[871].

Медленно проехали два вагона с туристами, женщины сидели впереди, ухватившись за поручни. Бледнолицые. Руки мужчин без стеснения обвивали их щуплые талии. Они смотрели со стороны Тринити на глухой, весь в колоннах, портал Ирландского банка, где гургургулили голуби.

– Anch'io ho avuto di queste idee, – говорил Альмидано Артифони, – quand' ero giovine come Lei. Eppoi mi sono convinto che il mondo è una bestia. È peccato. Perchè la sua voce... sarebbe un cespite di rendita, via. Invece, Lei si sacrifica.

¹⁴⁷ Но! (um.)

– *Sacrificio incruento*¹⁴⁸, – сказал Стивен, улыбаясь и медленно, легонько покачивая взятой за середину ясеновой тросточкой.

– *Speriamo*, – дружелюбно произнесло круглое и усатое лицо. – *Ma, dia retta a me. Ci rifletta*¹⁴⁹.

Под суровой каменной дланью Граттана, велящей остановиться, трамвай из Инчикора высадил кучную ватагу солдат из оркестра Шотландского Горного полка.

– *Ci rifletterò*, – отвечал Стивен, глядя вниз на обширную штанину.

– *Ma, sul serio, eh?*¹⁵⁰ – говорил Альмидано Артифони.

Его тяжелая рука крепко сжала руку Стивена. Взгляд человека. Одно мгновение взгляд всматривался пытливо и тут же быстро перешел на подходивший трамвай из Долки.

– *Eccolo*, – торопливо и дружески сказал Альмидано Артифони. – *Venga a trovarmi e ci pensi. Addio, caro*.

– *Arrivederla, maestro*, – отозвался Стивен, высвободившейся рукою приподымая шляпу. – *E grazie*.

– *Di che?* – спросил Альмидано Артифони. – *Scusi, eh? Tante belle cose!*¹⁵¹

Альмидано Артифони, подняв как сигнал свернутые в трубку ноты, в своих обширных штанах устремился вслед за трамваем из Долки. Тщетно стремился он, подавая тщетно сигналы среди толчеи голоногих горцев, протаскивавших музыкальные принадлежности через ворота Тринити.

* * *

Мисс Данн засунула подальше в стол «Женщину в белом»^[872], взятую из библиотеки на Кейпл-стрит, и заправила в свою машинку цветастый лист почтовой бумаги.

Слишком тут много всего таинственного. Любит он эту Мэрион или нет? Лучше поменять да взять что-нибудь Мэри Сесил Хэй.

Диск скользнул вниз по желобку, немного покачался, затих и показал им в окошечке: шесть.

Мисс Данн отстучала по клавишам:

– 16 июня 1904.

Пять фигур в белых цилиндрах, с рекламными щитами, прозмеились между углом Монипени и постаментом, где не было статуи Вулфа Тона^[873], повернулись, показав H.E.L.Y.'S., и проследовали назад, откуда пришли.

Потом она уставилась на большую афишу с изображением Марии Кендалл^[874], очаровательной субретки, бездумно откинувшись и черкая в блокноте цифры шестнадцать и заглавные Эс. Горчичные волосы и размалеванные щеки. Что тут симпатичного? Юбочка с ладонь, и ту еще задирает. Интересно, а он придет сегодня на музыку. Уговорить бы эту портниху, чтоб сделала плиссированную юбку как у Сьюзи Нэгл. Вид до того шикарный. Шаннон и все тузы из яхт-клуба от нее глаз не могли оторвать. Дай Бог, повезет, он тут меня не продержит до семи.

Телефон резко зазвонил у нее под ухом.

¹⁴⁸ У меня тоже были такие мысли... когда я был молод, как вы. Вдобавок, я считаю, мир это скот. Жаль. Потому что ваш голос... он бы мог быть источником дохода, смотрите. А вместо этого вы жертвуете собой. – Бескровная жертва (*ит.*).

¹⁴⁹ – Будем надеяться... Однако послушайте меня. Поразмыслите (*ит.*).

¹⁵⁰ – Поразмыслию. – Но только серьезно, а? (*ит.*)

¹⁵¹ – Вот он... Заходите ко мне и подумайте. Прощайте, мой дорогой. – До свидания, маэстро... И спасибо.– За что?.. Вы не сердитесь? Всего наилучшего! (*ит.*)

– Алло. Да, сэр. Нет, сэр. Да, сэр. Я позвоню им после пяти. Только эти два, сэр, в Белфаст и в Ливерпуль. Хорошо, сэр. Значит, я могу уходить после шести, если вы не вернетесь. В четверть седьмого. Да, сэр. Двадцать семь и шесть. Я скажу ему. Да: один фунт, семь и шесть.

Она нацарапала на конверте три цифры.

– Мистер Бойлан! Минутку! Этот господин из «Спорта» заходил, искал вас. Да, мистер Ленехан. Он сказал, что будет в четыре в «Ормонде». Нет, сэр. Да, сэр. Я позвоню им после пяти.

* * *

Два розовых лица выступили в мерцании слабого огонька.

– Кто это? – спросил Нед Лэмберт. – Это Крогги, что ли?

– Рингабелла и Кроссхейвен^[875], – отозвался голос человека, нащупывающего ногой ступеньки.

– А, это вы, Джек, здравствуйте! – сказал Нед Лэмберт, приветственно поднимая гибкую рейку к мерцающим сводам. – Идите сюда. Учтите, что там ступеньки.

Спичка в поднятой руке священника изошла длинным гибким язычком пламени и была брошена. Ее последняя искорка умерла у их ног – и затхлый воздух сомкнулся вокруг них.

– Как интересно! – произнес отточенный выговор во мраке.

– Да, сэр, – подхватил с живостью Нед Лэмберт. – Мы с вами стоим в той самой исторической палате аббатства Святой Марии, где на совете шелковый Томас^[876] объявил о начале мятежа в 1534 году. Это ведь самое историческое место во всем Дублине. О’Мэдден Берк собирается вскорости о нем что-нибудь написать. До унии тут помещался старый Ирландский банк, и самый первый еврейский храм тоже тут был, пока они не построили свою синагогу на Аделаид-роуд. Джек, вы ведь тут раньше никогда не были?

– Нет, не случалось.

– Он въезжал через Дэйм-уок, – произнес отточенный выговор, – если мне память не изменяет. Замок Килдеров был в Томас-корт.^[877]

– Это верно, – сказал Нед Лэмберт. – Совершенно верно, сэр.

– Если вы будете столь добры, – произнес священник, – то, возможно, в следующий раз вы мне позволите...

– Ну конечно, – сказал Нед Лэмберт. – Приносите фотоаппарат, когда вам угодно. Я распорядюсь, чтобы эти мешки убрали бы с окон. Вы сможете снимать вот отсюда или отсюда.

Он двигался в слабом мигающем свете, постукивая своей рейкой по грудам мешков с зерном и по удобным местам на полу.

С вытянутого лица нависали над шахматной доской борода и пристальный взгляд.

– Я глубоко признателен, мистер Лэмберт, – сказал священник. – Не буду более занимать вашего драгоценного времени...

– Всегда буду рад вам, – сказал Нед Лэмберт. – Заходите когда угодно. Можно на следующей неделе. Вам видно?

– Да, да. Всего доброго, мистер Лэмберт. Было приятно познакомиться.

– Мне тоже очень приятно, сэр, – отвечал Нед Лэмберт.

Он проводил гостя к выходу и на дворе зашвырнул свою рейку между колонн. Вместе с Дж. Дж. О’Моллоем они вышли неторопливо на аббатства Марии, где ломовики нагружали на фургоны мешки с альгаррой и с пальмовой мукой, О’Коннор, Вексфорд^[878].

Он остановился прочесть визитную карточку, которую держал в руке.

– Преподобный Хью К. Лав, Рэткоффи. Адрес в настоящее время: Сент-Майклс, Соллинс. Очень славный мальчик. Он мне сказал, он пишет книгу о Фицджеральдах^[879]. В истории отлично подкован, ей-богу.

Девушка старательно принялась снимать с юбки приставший к ней стебелек.

– А я подумал, вы тут затеяете новый пороховой заговор, – сказал Дж. Дж. О’Моллой. Нед Лэмберт щелкнул пальцами в воздухе.

– Фу, черт! – воскликнул он. – Я же забыл ему рассказать про графа Килдерского, после того как тот поджег кафедральный собор в Кэшеле. Знаете эту историю? *Чертovski сожалею, что я это сделал*, так он сказал, *но только готов поклясться, я думал, что архиепископ был там внутри*. Хотя ему могло не понравиться. А? Нет, все равно расскажу ему. Это был великий граф, Фицджеральд Мор^[881]. Они все были горячие головы, эти Джералдайны.

Лошади, мимо которых он проходил, беспокойно подергивались в распушенной упряжи. Он шлепнул по чалопегому крупу, что вздрагивал совсем рядом с ним, и прикрикнул:

– Н-но, балуй!

Потом обернулся к Дж. Дж. О’Моллою и спросил:

– Ну ладно, Джек. В чем дело? Что там стряслось? Ох, погодите минутку. Держитесь-ка.

Откинув далеко голову и разинув рот, он на мгновение застыл неподвижно, после чего громко чихнул.

– Ап-чхи! – произнес он. – Черт побери!

– Это пыль от мешков, – вежливо заметил Дж. Дж. О’Моллой.

– Да нет, – выдохнул Нед Лэмберт, – это я подхватил... холодная ночь поза... вот дьявол... ночь позавчера... и такие гуляли сквозняки...

Он приготовил носовой платок для уже подступающего...

– Я был... утром... бедный... как его зовут... Ап-чхи!.. Вот сатана!

* * *

Том Рочфорд взял верхний диск из стопки, которую он прижимал к своему бордовому жилету.

– Видите? – спросил он. – Допустим, сейчас идет шестой номер. Кладу вот сюда, смотрите. Номер На Сцене.

У них на глазах он опустил диск в левую щель. Диск скользнул вниз по желобку, слегка покачался и затих, показывая им в окошечке: шесть.

Юристы былых времен, важные и надменные, отправляя дела закона, взирали, как Ричи Гулдинг прошел из податного управления в гражданский суд с папкою фирмы Гулдинг, Коллис и Уорд, и слышали, как от адмиралтейского отделения королевского суда к суду апелляционному прошуршала пожилая особа женского пола с недоверчивою усмешкою, открывшей вставные зубы, в черной шелковой юбке, весьма пространный.

– Видите? – повторил он. – Смотрите, последний, что я опустил, теперь там сверху: Прошедшие Номера. Давление. Принцип рычага, понятно?

Он показал им растущую стопку дисков на правой стороне.

– Ловко придумано, – сказал Флинн Длинный Нос, сопя. – Значит, кто опоздал, может видеть, какой сейчас номер и какие уже прошли.

– Видите? – повторил Том Рочфорд.

Он опустил диск для собственного удовольствия – и наблюдал, как тот скользит вниз, качается, затихает и показывает: четыре. Номер На Сцене.

– Я его сейчас увижу в «Ормонде», – сказал Ленехан, – и я его прошупаю. Чтоб путный номер даром не помер.

– Давай, – одобрил Том Рочфорд. – Скажи ему, я уж тоже тут стал буйан, так не терпится.

– Ну, я спать пошел, – сказал бесцеремонно Маккой. – Когда вы вдвоем заведетесь...

Флинн Длинный Нос склонился над рычагом, сопя.

– А как вот это действует, Томми? – спросил он.

– Труляля, голуби, – сказал Ленехан. – До скорой встречи.

Он последовал за Маккоем на улицу через крохотный квадрат Крэмpton-корта.

– Он герой, – сказал он просто.

– Я знаю, – отозвался Маккой. – Это вы про канаву.

– Канаву? – сказал Ленехан. – Да это было в люке.

Они миновали мюзик-холл Дэна Лаури, где на афише им улыбалась размалеванной улыбкой Мария Кендалл, очаровательная субретка.

Идя вниз по тротуару Сайкмор-стрит мимо мюзик-холла «Эмпайр», Ленехан представлял Маккою, как было дело. Один из этих чертовых люков прямо как газовая труба, и какой-то бедолага застрял там, причем наполовину уже задохся от канализационных газов. Ну, Том Рочфорд тут же лезет вниз, в чем был, при всем букмекерском параде, только обмотался канатом. И убей бог, он как-то ухитрился обмотать того бедолагу канатом, и обоих вытянули наружу.

– Геройский поступок, – заключил он.

У «Дельфина» они остановились и пропустили карету «скорой помощи», галопом промчавшуюся на Джервис-стрит.

– Вот сюда, – сказал он, сворачивая направо. – Заскочу к Лайнему поглядеть начальные ставки на Корону. Сколько там на ваших золотых с цепью?

Маккой устремил взгляд в темную контору Маркуса Терциуса Мозеса, потом на часы О'Нила.

– Начало четвертого, – сказал он. – А кто жокей?

– О'Мэдден, – ответил Ленехан. – И у кобылки все шансы.

Оставшийся на Темпл-бар Маккой легонько столкнул носком банановую кожуру с дороги в канаву. Кто-нибудь будет возвращаться в темноте под хмельком – не успеет оглянуться, сломает шею.

Ворота в ограде резиденции распахнулись, открывая проезд кавалькаде вице-короля.

– Один к одному, – сказал Ленехан, вернувшись. – Я там натолкнулся на Бэнтама Лайонса, он ставил на какую-то пропащую клячу, кто-то ему подсказал, у которой ни малейшего шанса. Нам вот сюда.

Они поднялись по ступеням и прошли через пассаж Мерчентс-арк. Темноспинная фигура перебирала книги на лотке уличного торговца.

– А вот и он, – заметил Ленехан.

– Интересно, что он покупает, – сказал Маккой, оглядываясь назад.

– «Леопольдо, или История заблумшей души», – сказал Ленехан.

– Он просто помешан на распродажах, – сказал Маккой. – На днях мы шли с ним по Лиффи-стрит, и он купил книгу у какого-то старика за два шиллинга. Так в этой книге одни гравюры стоили вдвое, там звезды, луна, кометы с хвостами. Что-то насчет астрономии.

Ленехан рассмеялся.

– Сейчас вот я вам одну историйку про хвосты комет, – посулил он. – Выйдемте-ка на солнышко.

Они прошли по чугунному мосту и направились по набережной Веллингтона вдоль парапета.

Юный Патрик Алоизиус Дигнам вышел из мясной лавки Мангана, бывшей Ференбаха, неся полтора фунта свиных котлет.

– Устраивали шикарный прием в Гленкри, в колонии для малолетних, – с живостью начал Ленехан. – Знаете, этот ежегодный банкет. По полной парадной форме. Присутствовали и лорд-мэр, тогда это был Вэл Диллон, и сэр Чарльз Камерон, Дэн Доусон говорил речь, а потом был концерт. Бартелл д'Арсипел и Бен Доллард...

– Я знаю, – прервал его Маккой. – Моя дражайшая пела там один раз.

– В самом деле? – сказал Ленехан.

Табличка «Сдаются квартиры без мебели» снова появилась на оконной раме номера 7 по Экклс-стрит.

Он замолк на мгновение, но тут же разразился отрывистым смехом.

– Да нет, дайте мне рассказать, – снова принялся он. – Делахант с Камден-стрит обеспечил весь стол, а ваш покорнейший был за главного виночерпия. Блум тоже там был со своей женой. Выпивки хоть залейся – портвейн, и херес, и кюрасао, и уж мы всему там воздали честь. Разгулялись на славу. От жидкостей – к твердым телам. Холодный филей навалом, паштеты...

– Я знаю, – сказал Маккой. – В тот год, когда моя дражайшая там была...

Ленехан с большим жаром обнял его под локоть.

– Да нет, дайте мне рассказать, – повторил он. – После всей этой увеселительности мы еще устроили легкий полночный завтрак, и когда мы отчалили, то уж было времени хренадцатый час того утра, что после ночи. Домой возвращались в дивную зимнюю ночь через гору Фезербед. Блум и Крис Каллинан были на одной стороне кареты, а я с его женой – на другой. Мы там принялись распевать квартеты, дуэты: *Взгляни, уж первый луч зари*^[882]. А она изрядно нагрузилась тем делахантовым портвейном. И каждый раз, как эту чертову колымагу тряхнет, она валится прямо на меня. Недурная забава! У ней роскошная парочка, дай ей Бог. Во-от такие.

Округлив ладони, он отставил их на целый локоть перед собой, наморщил лоб:

– А я снизу все подтыкал под ней плед и без конца на ней поправлял боа. Улавливаете, о чем я?

Руки его рисовали в воздухе полные округлости. От удовольствия он крепко зажмурился, всем телом подался вперед и нежно присвистнул.

– Одним словом, мальчик стоял навтыжку, – сказал он со вздохом. – А она кобылка норовистая, это точно. Блум между тем все показывал Крису Каллинану и кучеру разные звезды и кометы на небесах: вот тут Большая Медведица, и Геркулес, и Дракон, и всякая прочая дребедень. Но я-то, можно сказать, совсем затерялся в Млечном Пути. Он знает их все наперечет, я клянусь. Наконец, она высмотрела где-то у черта на куличках самую махонькую-малюсенькую. И спрашивает: *А вот это, Польди, какая звездочка?* Приперла Блума в угол, ничего не попишешь. *Это вон та, что ли?* говорит Крис Каллинан, *да это так себе, маленький тычок в черноте*. Ну, тут уж он попал в точку.

Ленехан остановился и прислонился к парапету, захлебываясь от тихого смеха.

– Ох, не могу, – задыхался он.

Бледное лицо Маккоя, на миг улыбнувшись, приняло строгое выражение. Ленехан зашагал дальше. Он приподнял свою капитанку и быстрым движением почесал затылок. Под ярким солнцем он искоса бросил взгляд на Маккоя.

– Блум – человек знающий и культурный, – произнес он серьезно. – Это не какой-нибудь простофиля с улицы... понимаете... Наш старина Блум, в нем где-то чувствуется артист.

* * *

Мистер Блум лениво переворачивал страницы «Потрясающих разоблачений Марии Монк»^[883], потом «Шедевра» Аристотеля. Нелепый шрифт, крючковатый. Цветные вклейки: младенцы клубком в кроваво-красных утробах, напоминают свежую бычью печень на бойне. Вот в эту самую минуту их множество таких во всем мире. И все тычутся головами, хотят выйти оттуда. Каждую минуту рождается где-нибудь младенец. Миссис Пьюрфой.

Он отложил обе книжки и глянул на третью: «Истории из гетто», Леопольд фон Захер-Мазох.

– Эту я читал, – сказал он, отодвигая ее.

Торговец шлепнул на прилавок два тома.

– Вот энти славная парочка, – посулил он.

Через прилавок разило луком из его гнилозубого рта. Он наклонился, набрал стопку других книг, прижал их к своей расстегнутой жилетке и унес за грязную занавеску.

На мосту О’Коннелла многочисленные лица могли наблюдать внушительную осанку и живописный наряд мистера Дэниса Дж. Маджинни, учителя танцев и пр.

Мистер Блум, оставшись один, оглядел названия книг. «Прекрасные мучительницы», Джеймс Лавберч. Розголюб. Понятно, какого это сорта. Была у меня? Да.

Он раскрыл книгу. Кажется, та самая.

Женский голос за грязной занавеской. Послушаем. Мужчина.

Нет, ей такое не очень нравится. И уже приносил.

Он прочитал другое название: «Прелести греха». Пожалуй, более в ее вкусе. Давай посмотрим.

Раскрыв наугад, он прочел:

– И все эти доллары, которыми осыпал ее муж, она тратила в магазинах на роскошные платья и самые разорительные безделушки. Ради него! Ради Рауля!

Да. То, что нужно. Еще посмотрим.

– Их губы слились в жадном и сладострастном поцелуе, а руки его ласкали ее пышные формы под легким дезабилье.

Да. Это пойдет. А в конце.

– Вы запоздали, – произнес он хриплым голосом, бросая на нее злобный и подозрительный взгляд.

Стройная красавица сбросила отороченное собольим мехом мантию, явив взору свои роскошные плечи и пышно вздымающиеся округлости. Неуловимая улыбка тронула идеальные очертания ее губ, когда она спокойно повернулась к нему.

Мистер Блум перечел еще раз: *Стройная красавица...*

Теплота мягко охватила его, расслабляя все тело. Тела в сбившихся одеждах податливо уступают; белки глаз наливаются. Его ноздри расширились, вынюхивая добычу. Испаренья умащенных грудей (*ради него! ради Рауля!*). Терпкий луковый пот подмышек. Склизкость рыбьего клея (*вздымающиеся округлости!*). Ощутить! Сжать! Стиснуть, что только сил! Разящий серой львиный помет!

Молодость! Молодость!

Пожилая особа женского пола, уже давно не первой молодости, покинула здание суда лорда-канцлера и судов королевского, податного и гражданского, прослушав в первом деле о признании невменяемым Поттертона, во втором, в адмиралтейском отделении, в отсутствие одной из сторон, – дело об иске владельцев^[884] «Леди Кэрнс» к владельцам барки «Мона» и в апелляционном суде – перенос слушания дела Харви против Морской страховой компании.

Клопочущий кашель сотряс воздух в книжной лавке, всколыхнув грязную занавеску. Выснулась седая нечесаная голова хозяина с небритым побагровевшим от кашля лицом. Он грубо прочистил горло и выблевал на пол сгусток. Потом наступил на свою харкотину сапогом, растер подошвой и наклонился, показывая голый череп с венчиком скудной растительности.

Мистер Блум обозрел череп.

Стараясь унять расходившееся дыхание, он сказал:

– Я возьму вот эту.

Продавец поднял глаза, гноящиеся от хронического насморка.

– «Прелести греха», – произнес он, похлопывая по переплету. – Отличная книжка.

* * *

Служитель в дверях аукционного зала Диллона опять потряс колокольчиком, дважды, и погляделся в исчерченное мелом зеркало туалетного столика.

Дилли Дедал, стоя на тротуаре, слушала звонки колокольчика и возгласы аукционера, доносившиеся из зала. Четыре и девять. Вот чудные занавески. Пять шиллингов. Очень уютные занавески. Новые стоили бы две гинеи. Пять шиллингов, кто больше? Продано за пять шиллингов.

Служитель поднял колокольчик и потряс им:

– Брень!

Удар колокола, возвещающий о последнем круге, заставил рвануться гонщиков. В заезде на полмили^[885] Дж. Э. Джексон, У. Э. Уайли, Э. Монро и Х. Т. Гахан, повода вытянутыми шеями, обрабатывали вираж возле Университетской библиотеки.

Мистер Дедал, теребя длинный ус, появился со стороны Вильямс-роу. Он остановился возле своей дочери.

– Тебе уже пора, – сказала она.

– Держись прямо, ради любви Господа Иисуса! – воскликнул мистер Дедал. – Или ты, может, изображаешь своего дядюшку Джона, трубача, голова в плечи? Тоскливый Бог!

Дилли пожала плечами. Мистер Дедал, положив свои ладони на них, отогнул их назад.

– Держись прямо, девочка, – повторил он, – ты заработаешь себе искривление позвоночника. Ты знаешь, какой у тебя вид?

Он неожиданно уронил голову вниз и вперед, поднял плечи горбом и отвесил нижнюю челюсть.

– Перестань, отец, – сказала Дилли. – На тебя люди смотрят.

Мистер Дедал выпрямился и вновь подергал свой ус.

– Ты достал денег? – спросила Дилли.

– Где это я достану? – отвечал мистер Дедал. – В Дублине ни одна душа не одолжит мне ни пенни.

– Нет, ты раздобыл что-то, – проговорила Дилли, глядя ему в глаза.

– А как это тебе известно? – спросил мистер Дедал, приняв таинственный вид.

Мистер Кернан, довольный заключенной сделкой, шагал, гордо приосанившись, по Джеймс-стрит.

– Вот уж известно, – сказала Дилли. – Ты сейчас был в Скотч-хаусе^[886]?

– Нет, я там не был, – промолвил мистер Дедал с улыбкой. – А это тебя монашки так научили дерзить? Держи-ка.

Он протянул ей шиллинг.

– Постарайтесь на это что-нибудь сделать, – сказал он.

– Я так думаю, ты достал пять, – ответила Дилли. – Дай мне сколько-нибудь побольше.

– Ну погоди же, – угрожающе произнес мистер Дедал. – Ты что, тоже как все остальные, да? С тех пор как ваша бедная мать умерла, превратились в свору наглых щенков. Но погодите! Скоро увидите, у меня с вами будет разговор короткий. Разбой среди бела дня! Но я скоро от вас избавлюсь. Вам наплевать, если я лягу в гроб. Все, он умер. Жилец сверху умер.^[887]

Он отвернулся и зашагал прочь. Дилли тут же нагнала его и потянула за рукав.

– Ну что, в чем дело? – произнес он, останавливаясь.

Служитель прозвонил в колокольчик у них за спиной.

– Брень!

– Язви твою окаянную душу! – воскликнул мистер Дедал, оборачиваясь к нему.

Служитель, уловив замечание, снова потряс звучным язычком колокольчика, но потише:

– Тринь!

Мистер Дедал пристально уставился на него.

– Полюбуйся-ка, – сказал он. – Это поучительно. Надеюсь, он нам милостиво позволит поговорить.

– Ты ведь достал больше, отец, – сказала Дилли.

– Я скоро с вами сыграю штуку, – посулил мистер Дедал. – Я с вами со всеми поступлю так, как Иисус с евреями^[888]. Смотри, вот все, что у меня есть. Я занял два шиллинга у Джека Пауэра и два пенса истратил, чтобы побриться перед похоронами.

Он с раздражением вытащил пригоршню медяков.

– А ты не можешь еще где-нибудь поискать денег? – спросила Дилли.

Мистер Дедал подумал и кивнул.

– Попробую, – сказал он с серьезным видом. – Я уже искал на О’Коннелл-стрит вдоль всей сточной канавы. А теперь попробую вдоль вот этой.

– Все остришь, – заметила Дилли с кривой усмешкой.

– Держи, – сказал мистер Дедал, протягивая ей два пени. – Купи себе стакан молока и булочку или что-нибудь такое. Я скоро приду домой.

Он сунул остальные монеты в карман и зашагал прочь.

Кавалькада вице-короля показалась в воротах парка, подобострастно приветствуемая полисменами.

– Я точно знаю, у тебя есть еще шиллинг, – сказала Дилли.

Служитель прозвонил громогласно.

Мистер Дедал, сопровождаемый трезвоном, удалялся и бормотал себе под нос, жеманно складывая губы сердечком.

– Монашенки! Милые хрупкие создания! О, ну конечно, они ничего такого! О, ну конечно, они никогда бы не стали! Неужели это сестрица Моника!

* * *

Довольный сделкой, которую он заключил для фирмы «Пулбрук и Робертсон», мистер Кернан гордо вышагивал по Джеймс-стрит, направляясь от солнечных часов к Джеймс-гейт, мимо конторы Шеклтона. Отлично обработал его. Как поживаете, мистер Кримминс? Превосходно, сэр. Я опасался, что вы окажетесь в другом вашем заведении, в Пимлико. Как идут дела? Идут потихоньку. Чудесная погода стоит. Да, чудесная. Для полевых работ это хорошо. А то фермеры вечно ворчат. Пожалуй, я бы выпил глоток вашего отменного джина, мистер Кримминс. Малую порцию джина, сэр. Да, сэр. Что за ужасное происшествие этот взрыв на «Генерале Слокаме»^[889]. Ужасно, ужасно! Около тысячи жертв. И душераздирающие сцены. Мужчины, топчущие ногами детей и женщин. Самая настоящая дикость. А что они говорят, какая причина? Внезапное возгорание. Выяснились скандальнейшие обстоятельства. Не было ни одной спасательной шлюпки исправной, и все пожарные шланги оказались дырявыми. Но я одного не пойму, как могла инспекция выпустить такой пароход... Ага, вот сейчас вы в самую точку, мистер Кримминс. Знаете почему? Подмазали кого надо. Неужели это правда? Никакого сомнения. Вы только подумайте. И еще говорят, что Америка – это страна свободных людей. Я привык думать, у нас тут плохо.

Я улыбнулся ему. *Америка*, заявил я ему так спокойненько, *что это по сути такое? Мусор, выметенный из всех стран, включая и нашу. А что, разве это не верно?* Истинный факт.

Коррупция, дорогой сэр. Да, еще бы, везде, где пахнет деньгами, найдутся охотники до поживы.

Заметил, как он смотрел на мой редингот. Костюм – первейшее дело^[890]. Самое главное – иметь элегантный вид. Действует безотказно.

– Ба, Саймон! – сказал отец Каули. – Как делишки?

– Вижу старину Боба, – произнес, останавливаясь, мистер Дедал.

Мистер Кернан, задержав шаги у парикмахерской Питера Кеннеди, с большим одобрением оглядел себя в наклонном зеркале. Что говорить, щегольской сюртук. От Скотта с Доусон-стрит. Вполне стоит полсоверена, что я за него отдал Нири. Сшить такой новый не меньше чем три гинеи. А как отлично сидит. Небось от какого-нибудь денди из клуба на Килдер-стрит. Вчера Джон Маллиган, управляющий Гибернийским банком, так на меня уставился, на мосту Карлайл, как будто хотел припомнить.

Хо-хо! С этими господами нужно держать марку. Коммивояжер-джентльмен. Рыцарь больших дорог.^[891] Так как, мистер Кримминс, не окажете ли вы нам снова честь вашим заказом, сэр. Чаша, что веселит, но не опьяняет, как говорится в старой поговорке.

Мимо Северной стены и набережной сэра Джона Роджерсона, мимо судов и якорных цепей, плывя на запад, проплывал кораблик, скомканный листок, покачиваясь на волне от парама. Илия грядет.

Мистер Кернан бросил прощальный взгляд на свое отражение. В лице багрянец, да. Сидящие усы. Вернувшийся из Индии офицер. Браво расправив плечи, он двинулся вперед, обувые в гетры ноги легко несли коренастый торс. Это там не брат Лэмберта, Сэм? А? Никак он. Просто чертовски похож. Нет. Ветровое стекло автомобиля блеснуло на солнце. Из-за вспышки. Но чертовски похож.

Хо-хо! Жаркие пары можжевелевого сока согревали его дыхание и внутренности. Славно пропустил рюмочку джина. Фалды его редингота подмигивали под ярким солнцем в такт его грузной походке.

Вон там Эммет был повешен^[892] и четвертован. Черная засаленная веревка. Собаки еще слизывали кровь с улицы, когда жена лорда-наместника проезжала там в своем экипаже.

Минутку. А похоронили его где, у святого Мичена? Хотя нет, ведь было в Гласневине погребение, в полночь. Внесли тело через потайную дверь в стене. Теперь и Дигнам там. Помер, не успели оглянуться. Что поделаешь. Лучше здесь повернуть. Обогну.

Мистер Кернан повернул и начал спускаться по наклонной Уотлинг-стрит, где на углу был зал ожидания для посетителей Гиннеса. У складов Дублинской винокуренной компании стояли дрожки без седока и без кучера, вожжи привязаны к колесу. Это же чертовски опасно. Какая-нибудь деревенская дубина из Типперери подвергает опасности жизни граждан. Стоит лошади понести.

Дэнис Брин со своими фолиантами, устав ждать больше часу в конторе Джона Генри Ментона, увлекал свою жену через мост О'Коннелла, направляясь в контору Коллиса и Уорда.

Мистер Кернан подошел к Айленд-стрит.

Времена смуты^[894]. Надо бы попросить у Неда Лэмберта воспоминания сэра Ионы Баррингтона^[895]. Когда смотришь на всю эту старину сейчас, с неким ретроспективным упорядочением. Картеж у Дэли. Шулеров тогда не водилось. Одному пригвоздили руку к столу кинжалом. Где-то тут лорд Эдвард Фицджеральд^[896] ускользнул от майора Серра. Конюшни за особняком Мойры.

Чертовски славный был джин.

Блестящий молодой храбрец. Да еще из такого рода. А этот негодяй, этот самозванный помещик^[897] в лиловых перчатках, выдал его. Конечно, они боролись за неправо дело. Им выпал злой и смутный век.^[898] Прекрасное стихотворение Инграма. Они были настоящие люди чести. Бен Доллард с таким чувством поет эту балладу. Мастерское исполнение.

При осаде Росса отец погиб.^[899]

По набережной Пембрук проследовал кортеж мелкой рысью, форейторы мерно подскакивали – скок-скок – на седлах, на седлах. Рединготы. Кремовые зонтики.

Мистер Кернан заторопился, тяжело отдуваясь.

Его Сиятельство! Вот ведь не повезло! Какой-то секундой опоздал! Вот черт! Такая жалость!

* * *

Стивен Дедал наблюдал сквозь подернутое паутиной окно, как пальцы ювелира ощупывали потускневшую от времени цепочку. Пыль подернула паутиной окно и полки витрины. От пыли потемнели усердные пальцы с ястребиными когтями. Пыль дремала на тусклых завитках бронзы и серебра, на ромбиках киновари, на рубинах, изъеденных проказой винно-темных камнях.

Все это рождено во мгле червивой земли, холодные искорки, огоньки зла, светящие во тьме. Где падшие архангелы срывали звезды^[900] со своего чела. Грязные свиные рыла, руки, роют и роют, хватают и тащат их.

Она пляшет в зловонном сумраке, где смешан дух чеснока и горячей смолы. Ржавобородый матрос, прихлебывая ром из кувшинчика, глядит на нее во все глаза. Долгая, вскормленная морем немая похоть. Она пляшет, кружится, трясет своими окороками, на толстом брюхе подпрыгивает рубин размером с яйцо.

Старый Рассел еще потер камень старым куском замши, повернул его и поднес к концу своей Моисеевой бороды. Дедушка орангутанг любит украденным сокровищем.

А ты разве не откапываешь старые образы из могильной земли? Бредовые словеса софистов: Антисфен. Искусство усыплять ум. Пшеница восточная и бессмертная, сущая от века и до века.

Две старушки, отведав освежающих бризов, брели через Айриштаун по Лондон-бридж-роуд, одна с усталым пескооблепленным зонтиком, другая с сумкою повитухи, где перекатывались одиннадцать ракушек.

Шорох трансмиссий, жужжание динамомашин электростанции, доносясь к нему, звали дальше. Существа без сущности. Постой! А вечное биенье в тебе, помимо тебя. Все распеваешь о своем сердце. Я между ними. Где это? Между двумя грохочущими мирами, там, где они сливаются в одном вихре, – я. Стереть их в пыль, и один и оба. Но и меня оглушит ударом.^[901] Пускай сотрет меня в пыль, кто сможет. Сводник и мясник, так я сказал. Еще бы! Но погоди малость. Оглядиись.

Да, совершенно верно. Большие, замечательные,^[902] прославленной точности. Совершенная правда, сэр. В понедельник утром, как вы сказали.^[903]

Стивен спускался по Бедфорд-роу, ясеновой рукояткой трости постукивая себя по лопатке. В витрине у Клохисси взгляд его привлекла выцветшая гравюра 1860 года, изображающая боксерский матч между Хиненом и Сейерсом. За канатами глазели на ринг сделавшие ставки зрители в допотопных шляпах. Тяжеловесы в тесных набедренниках любезно протягивали друг другу шарообразные кулаки. Они тоже бьются – сердца героев.

Он повернул за угол и остановился возле накренившегося лотка с книгами.

– Каждая по два пенса, – сказал торговец. – На шесть пенсов четыре.

Потрепанные страницы «Ирландский пчеловод». «Жизнь и чудеса кюре из Арса»^[904]. «Карманный путеводитель по Килларни».

Тут бы могли валяться и мои школьные награды, которые снесли в заклад. *Stephano Dedalo, alumno optimo, palmam ferenti*¹⁵².

Отец Конми, закончив читать малые часы, шел через деревушку Донни-карни, шепча вечерние молитвы.

¹⁵² Стефану Дедалу, лучшему воспитаннику, одержавшему победу (*лат.*).

Слишком хорош переплет, что бы это такое? Восьмая и девятая книги Моисеевы^[905]. Тайна всех тайн. Печать царя Давида. Захватанные страницы: читали и перечитывали. Кто здесь проходил до меня? Как размягнуть потрескавшуюся кожу на руках. Рецепт для приготовления укуса из белого вина. Как добиться любви женщины. Вот это для меня. Сложив руки, произнести трижды следующие заклинания:

– Se el yilo nebrakada femininum! Amor me solo! Sanktus! Amen¹⁵³.

Кто это написал? Заговоры и заклинания блаженнейшего аббата Питера Саланки, обнародованные для всех истинно верующих. Не хуже, чем заговоры любого другого аббата, чем бормотанье Иоахима. Спустишь, плешивец, не то мы будем пряхть твою шерсть.

– Ты что тут делаешь, Стивен?

Дилли, высокие плечики и заношенное платьице.

Закрой-ка живее книгу. Чтоб не увидела.

– А ты что делаешь? – сказал Стивен.

Лицо Стюарта, бесподобного Чарльза^[906], обрамленное гладкими прядями. Горевшее румянцем, когда, сидя у огня, она в него подбрасывала старые башмаки. Я ей рассказывал о Париже. Любила подольше поваляться в постели, укрывшись старым тряпьем, без конца теребя свой браслетик под золото, подарок Дэна Келли. Nebrakada femininum.

– Что это у тебя? – спросил Стивен.

– На другом лотке купила за пенни, – сказала Дилли с нервным смешком. – Она годится на что-нибудь?

Говорят, у нее мои глаза. Таким вот и видит меня взор прочих? Живым, смелым и отчужденным. Тень моего ума.

Он взял у нее из рук книгу с оторванной обложкой. Шарденаль, французский язык для начинающих.

– Зачем ты это купила? – спросил он. – Учиться по-французски?

Она кивнула, покраснев и сжав плотно губы.

Не показывай удивления. Вполне естественно.

– Держи, – сказал Стивен. – Годится, почему ж нет. Смотри, чтобы Мэгги ее не унесла у тебя в заклад. Я так думаю, мои книги туда все ушли.

– Часть из них, – ответила Дилли. – Нам пришлось.

Ведь она тонет. Жагала. Спасти ее. Жагала. Все против нас. Она утопит и меня с собой, глаза и волосы. Гладкие кольца волос-водорослей обвивают меня, мое сердце, душу. Горькая зеленая смерть.

Мы.

Жагала сраму. Сраму жагала.

Нищета! Нищета!

* * *

– Ба, Саймон! – сказал отец Каули. – Как делишки?

– Вижу старину Боба, – произнес, останавливаясь, мистер Дедал.

Они обменялись звучным рукопожатием возле магазина «Редди и дочь». Отец Каули, сложив ладонь лодочкой, мелкими движениями пригладил усы.^[907]

– Ну, что хорошенького? – спросил мистер Дедал.

– Да небогато, – отвечал отец Каули. – В дом свой, Саймон, не попаду, два субъекта у входа караулят, чтоб было право войти.

– Как мило, – отозвался мистер Дедал. – А кто это постарался?

¹⁵³ Маленькие мои небеса, блаженное женское естество. Люби одного меня! Свят! Аминь (лат., искаж. исп., араб.).

– Да так, – сказал отец Каули. – Некий процентщик из числа наших знакомых.

– Тот, что спина крюком? – спросил мистер Дедал.

– Он самый, Саймон, – отвечал отец Каули. – Рувим из колена Рувимова. Я тут как раз поджидаю Бена Долларда. Он должен пойти к Длинному Джону да замолвить за меня словечко, чтобы он убрал этих двух. Мне бы только дали немного времени.

В смутной надежде он кинул взгляд туда и сюда по набережной. Его крупный кадык заметно выдавался на шее.

– Знаю, знаю, – сказал, кивая, мистер Дедал. – Старый сердяга Бен! Вечно старается для кого-нибудь. Погодите-ка!

Он нацепил пенсне и на секунду всмотрелся в направлении чугунного моста.

– Подходит! – возвестил он. – Явился собственнозадно, прости Господи.

Старомодная шляпа и просторная синяя визитка Бена Долларда над мешковатыми брюками на всех парах двигались через набережную от чугунного моста. Он приближался к ним рысцой, рьяно почесывая у себя под фалдами.

Мистер Дедал приветствовал его появление:

– Держите-ка мне вот этого в дурацких штанах.

– Ну-ну, давайте, – отозвался Бен Доллард.

Мистер Дедал с холодным презрением оглядел Бена Долларда с головы до ног. Затем, кивая на него отцу Каули, он язвительно процедил:

– Какой удачный наряд для летнего дня, не правда ли?

– Что-что? – прорычал свирепо Бен Доллард. – Да разрази вас гром, я на своем веку столько сносил костюмов, сколько вам и во сне не снилось.

Стоя рядом, он лучезарно улыбался им и своему пространному одеянию, с которого мистер Дедал сбивал там и сям пушинки, приговаривая:

– Нет, что ни говори, Бен, это сшито на мужчину в расцвете сил.

– Да провалиться тому еврею, который сшил это, – отозвался Бен Доллард. – Слава богу, ему еще не заплачено.

– А как поживает ваш basso profundo, Бенджамин? – спросил отец Каули.

Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл, оmonoклив глаз, что-то невнятно бормоча, прошагал мимо клуба на Килдер-стрит.

Бен Доллард нахмурил брови и, сделав вдруг рот как у певца, издал низкую ноту.

– О-о! – прогудел он.

– Вот это класс! – заметил мистер Дедал, одобрительно кивнув.

– Ну, как? – спросил Бен Доллард. – Не заржавел пока? А?

Он обернулся поочередно к обоим.

– Подходяще, – сказал отец Каули и тоже кивнул.

Преподобный Хью К. Лав шел от бывшего здания капитула аббатства Святой Марии, мимо спиртоочистительного завода Джеймса и Чарльза Кеннеди, в сторону Фолсела^[908], что за скотопрогонным бродом, и воображению его рисовались целые сонмы Джералдайнов, один другого осанистей и отважней.

Бен Доллард, грузно кренясь в сторону магазинных витрин, увлекал их вперед, весело жестикулируя пальцами.

– Пойдемте-ка вместе со мной в полицию, – говорил он. – Я вам хочу показать, какого красавчика Рок недавно зачислил в приставы. Нечто среднее между вождем зулусов и Джеком Потрошителем. Стоит взглянуть, уверяю вас. Пойдемте. Я только что встретил случайно Джона Генри Ментона в Бодеге^[909], и это мне дорого обойдется, если я не... Погодите малость... Наше дело верное, Боб, можете мне поверить.

– Вы ему скажите, мне бы несколько дней, – сказал отец Каули с тоскливой тревогой.

Бен Доллард резко остановился и уставился на него, разинув свой звучный зев. Оторванная пуговица визитки, ярко поблескивая, закачалась на своей ниточке, когда он принялся вытирать слезящиеся глаза, чтобы лучше слышать.

– Какие еще несколько дней? – прогремел он. – Ваш домохозяин разве не подал ко взысканию?

– Подал, – сказал отец Каули.

– Ну а тогда исполнительный лист нашего друга не стоит и той бумаги, на которой написан, – заявил Бен Доллард. – Право первого иска всегда за домохозяином. Я ему сообщил все сведения. Виндзор-авеню, 29. Его фамилия Лав?

– Да, да, – сказал отец Каули. – Его преподобие мистер Лав. Он, кажется, священник где-то в провинции. Но вы точно уверены?

– Можете от меня передать Варавве, – сказал Бен Доллард, – чтобы он сунул этот лист туда, где мартышки прячут орехи.

Он решительно увлек за собой отца Каули, прикованного к его туше.

– Я думаю, не грецкие, а лесные, – пробормотал мистер Дедал, следуя за ними и опуская пенсне на лацканы своего сюртука.

* * *

– Насчет мальчика все в порядке, – сказал Мартин Каннингем, когда они проходили мимо ворот Касл-ярда.

Полисмен дотронулся до фуражки.

– Дай вам Бог, – ободряюще произнес Мартин Каннингем.

Он сделал знак поджидавшему кучеру, тот дернул вожжи и тронулся в сторону Лорд-Эдвард-стрит.

За бронзой золото, за головкой мисс Кеннеди головка мисс Дус, появились над занавеской отеля «Ормонд».

– Да-да, – сказал Мартин Каннингем, потрагивая бороду. – Я написал отцу Конми и все изложил ему.

– Вы бы могли попытаться и у нашего друга, – предложил задним числом мистер Пауэр.

– У Бойда? Благодарю покорно, – отрезал коротко Мартин Каннингем.

Джон Уайз Нолан, отставший за чтением списка, быстро пустился их нагонять по Коркхилл.

На ступенях ратуши советник Наннетти, спускаясь, приветствовал поднимающихся олдермена Каули и советника Абрахама Лайона.

Муниципальный фургон, пустой, завернул на Верхнюю Эксчейндж-стрит.

– Взгляните-ка, Мартин, – сказал Джон Уайз Нолан, догнав их возле редакции «Мейл». – Я тут вижу, что Блум подписался на пять шиллингов.

– Совершенно верно, – сказал Мартин Каннингем, забирая у него лист. – Мало того, он их немедленно внес.

– Без громких речей, – заметил мистер Пауэр.

– Довольно странно, но факт, – добавил Мартин Каннингем.

Джон Уайз Нолан удивленно раскрыл глаза.

– Как много у еврея доброты^[910], замечу я, – щегольнул он цитатой.

Они направились по Парламент-стрит.

– А вот и Джимми Генри, – сказал мистер Пауэр, – как раз поспешает к Каване.

– Раз так, – сказал Мартин Каннингем, – то и мы за ним.

Возле la maison Claire Буян Бойлан изловил горбатого зятя Джека Муни^[911], бывшего в подпитии и направлявшегося в слободку.

Джон Уайз Нолан с мистером Пауэром шли теперь позади, а Мартин Каннингем взял под руку маленького аккуратного человечка в сером с искрой костюме, который нетвердой торопливой походкой проходил мимо часового магазина Микки Андерсона.

– Видно, у младшего муниципального секретаря мозоли дают себя знать, – заметил Джон Уайз Нолан мистеру Пауэру.

Они обогнули угол, следуя к винному погребу Джеймса Каваны. Пустой муниципальный фургон, стоявший у Эссекс-гейт, оказался перед самым носом у них. Мартин Каннингем все продолжал говорить, то и дело показывая Джимми Генри подписной лист, на который тот ни разу не глянул.

– И Длинный Джон Феннинг тоже здесь, – сказал Джон Уайз Нолан, – во всю натуральную величину.

Высокая фигура Длинного Джона Феннинга заполняла собой всю дверь.

– Добрый день, господин главный инспектор, – произнес Мартин Каннингем, и все оставились для обмена приветствиями.

Длинный Джон Феннинг не освободил им проход. Резким движением он вынул изо рта большую сигару, и его круглые глаза пронзительно окинули их умным и хищным взглядом.

– Сенаторы Рима продолжают предаваться мирной беседе? – проговорил он звучно и насмешливо, обращаясь к младшему муниципальному секретарю.

Устроили там адские баталии, заговорил с раздражением Джимми Генри, вокруг своего треклятого ирландского языка. Он бы хотел знать, чем занимается распорядитель, когда надо поддерживать порядок в зале заседаний. А старый Барлоу, хранитель жезла, слег из-за своей астмы, жезла на столе нет, сплошной кавардак, нет даже кворума, и сам лорд-мэр Хатчинсон в Лландудно, а маленький Лоркан Шерлок изображает его *locum tenens*¹⁵⁴. Пропади он пропадом, этот язык наших предков.

Длинный Джон Феннинг выпустил изо рта струю дыма.

Мартин Каннингем, покручивая кончик бороды, снова принялся говорить, обращаясь то к главному инспектору, то к младшему муниципальному секретарю, а Джон Уайз Нолан мирно помалкивал.

– А какой это Дигнам? – спросил Длинный Джон Феннинг.

Джимми Генри сделал гримасу и потряс в воздухе левой ногой.

– Ох, мои мозоли! – жалобно простонал он. – Пойдемте, Бога ради, наверх, чтобы я мог хоть присесть! У-у! Ох-хо-хо! Позвольте!

В сердцах он протиснулся сбоку от Длинного Джона Феннинга и поднялся по лестнице.

– Да, пойдемте наверх, – сказал Мартин Каннингем главному инспектору. – Мне кажется, что вы не знали его, хотя, конечно, возможно.

Мистер Пауэр и Джон Уайз Нолан последовали за ними.

– Он был скромный и честный мальчик, – поведал Джек Пауэр дюжей спине Длинного Джона Феннинга, которая поднималась навстречу Длинному Джону Феннингу в зеркале.

– Небольшой такой. Дигнам из конторы Ментона, – дополнил Мартин Каннингем.

Длинный Джон Феннинг не мог припомнить его.

В воздухе пронеслось цоканье лошадиных копыт.

– Что это? – спросил Мартин Каннингем.

Все обернулись, где кто стоял. Джон Уайз Нолан снова спустился вниз. Стоя в прохладной тени прохода, он видел, как кони двигались по Парламент-стрит, сбруя и лоснящиеся бабки поблескивали на солнце. Весело, не спеша, они проследовали мимо под его холодным недружелюбным взглядом. Впереди скакали, впереди на седлах мерно подскакивали фореиторы.

– Так что это там? – спросил Мартин Каннингем, когда они снова начали подниматься.

¹⁵⁴ Исполняющий обязанности (*лат.*).

– Лорд-наместник и генерал-губернатор Ирландии, – отвечал Джон Уайз Нолан с нижней ступеньки.

* * *

Когда они шли по толстому ковру, Бык Маллиган, прикрывшись своей панамой, шепнул Хейнсу:

– Брат Парнелла. Вон в том углу.

Они выбрали маленький столик у окна, напротив человека с вытянутым лицом, борода и пристальный взгляд которого нависали над шахматной доской.

– Вот это он? – спросил Хейнс, поворачиваясь на своем сиденье.

– Да, – ответил Маллиган. – Это Джон Хауард, его брат, наш городской церемониймейстер.

Джон Хауард Парнелл спокойно передвинул белого слона и снова поднес грязноватый коготь ко лбу, где он и остался неподвижно.

Через мгновение из-под его заслона глаза его бросили на противника быстрый, неуловимо сверкнувший взгляд и вновь устремились на критический участок доски.

– Мне кофе по-венски, – сказал Хейнс официантке.

– Два кофе по-венски, – сказал Маллиган. – И еще принесите нам масло, булочки и каких-нибудь пирожных.

Когда она удалилась, он со смехом сказал:

– Мы тут говорим, что ДХК значит дрянной холодный кофе. Да, но вы упустили Дедаловы речи о «Гамлете».

Хейнс раскрыл свою свежеприобретенную книгу.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Шекспир – это благодатная почва для тех умов, что утратили равновесие.

Одноногий матрос, приблизившись к Нельсон-стрит, 14, рявкнул:

– *Англия ждет...*

Лимонный жилет Быка Маллигана весело всколыхнулся от смеха.

– Вам стоит на него посмотреть, – сказал он, – когда его тело утрачивает равновесие. Я его называю Энгус Скиталец.

– Я уверен, у него есть какая-то *idée fixe*, – сказал Хейнс, задумчиво пощипывая подбородок большим и указательным пальцами. – И я раздумываю, в чем бы она могла быть. У таких людей она всегда есть.

Бык Маллиган с серьезным выражением наклонился к нему через стол.

– Ему свихнули мозги, – заявил он, – картинами адских мук^[912]. И теперь ему уж никогда не достичь эллинской ноты. Той ноты, что, из всех наших поэтов, была у одного Суинберна, «и смерти белизна и алое рождение едино суть»^[913]. Вот в чем его трагедия. Ему никогда не стать поэтом. Радость творчества...

– Вечные мучения, – произнес Хейнс, учтиво кивая, – да, я понимаю. Сегодня утром я его слегка попытал на тему о вере. Я видел, у него засело что-то в уме. Все это довольно любопытно, потому что в Вене профессор Покорный^[914] из этого делает любопытные выводы.

Бык Маллиган, заметив бдительным оком приближение официантки, помог ей освободить поднос.

– В древнеирландском мифе ему не найти даже намека на ад, – промолвил Хейнс, оказавшись между бодрящих чаш. – Похоже, что там нет и нравственной идеи, нет чувства судьбы, возмездия. Довольно странно, что у него именно такая *idée fixe*. Он как-нибудь участвует в вашем литературном движении?

Ловким жестом он запустил сбоку в чашку два куска сахара сквозь слой взбитых сливок. Бык Маллиган разрезал еще горячую булочку и намазал маслом дышащую парком мякоть. С большим аппетитом он основательно откусил от нее.

– Десять лет, – со смехом проговорил он жуя. – Вот через столько он что-нибудь напишет.

– Довольно изрядный срок, – сказал Хейнс, задумчиво подняв ложечку. – И все же я не удивлюсь, если ему удастся в конце концов.

Он снял и отведал ложечку с макушки белокремовой шапки на своей чашке.

– Надеюсь, что это настоящие ирландские сливки, – снисходительно произнес он. – Я не люблю быть объектом надувательства.

Легкий кораблик, скомканный бумажный листок, Илия, плыл рядом с бортами больших и малых судов, посреди архипелага пробок, минуя Нью-Воппинг-стрит, на восток, мимо парома Бенсона и рядом с трехмачтовой шхуной «Роузвин», шедшей из Бриджуотера с грузом кирпичей.

* * *

Альмидано Артифони миновал Холлс-стрит, потом двор Сьюэлла. Позади него Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл, с болтающейся на руке плащезонтростью, далеко обошел фонарный столб перед домом мистера Лоу Смита и, перейдя улицу, зашагал по Меррион-сквер. Поодаль, позади него, слепой юноша выстукивал свой путь вдоль ограды университетского парка.

Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл дошел до приветливых витрин мистера Льюиса Вернера, затем повернул и пошел обратно по Меррион-сквер, с болтающейся на руке плащезонтростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

